

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2018 № 1(17)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56513 от 24 декабря 2013 г.
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Журнал размещён на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (№ 2190 в Перечне ВАК по состоянию на 01.12.2017)
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский государственный университет, 2018

Редакционная коллегия журнала «Жанры речи»

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

К. В. Владимирская (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
В. Е. Гольдин, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Волгоград, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

“Speech Genres” Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Lubov V. Balashova, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Executive Secretary

Kseniya V. Vladimirskaia (Saratov, Russia)

Editorial Board:

Vladimir M. Alpatov, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Elena G. Elina, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Stanisław Gajda, Ph.D., Prof. (Opole, Poland)

Valentin E. Goldin, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Olena I. Goroshko, Ph.D., Prof. (Kharkov, Ukraine)

Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Volgograd, Russia)

Robin Lakoff, Ph.D., Prof. (Berkeley, USA)

Tat'yana V. Larina, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Valentina A. Maslova, Ph.D., Prof. (Vitebsk, Belarus)

Mei Huang, Ph.D., Prof. (Beijing, China)

Arto Mustajoki, Ph.D., Prof. (Helsinki, Finland)

Boris Y. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)

Natalia V. Orlova, Ph.D., Prof. (Omsk, Russia)

Bert Peeters, Ph.D., Prof. (Canberra, Australia)

Valeri V. Prozorov, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Renate Rathmayr, Ph.D., Prof. (Vienna, Austria)

Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D., Prof. (Velikiy Novgorod, Russia)

Olga B. Sirotinina, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D., Prof. (Krasnoyarsk, Russia)

Tat'yana I. Steksova, Ph.D., Prof. (Novosibirsk, Russia)

Zifa K. Temirgazina, Ph.D., Prof. (Pavlodar, Kazakhstan)

Maria Yelenevskaya, Ph.D., Prof. (Haifa, Israel)

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- А. Соломоник**
Иерусалим, Израиль
- Логика знаковых систем разных типов
(на примере логик высказывания и жанров речи) 6
- В. М. Алпатов**
Москва, Россия
- Реформатский и Бахтин о жанрах речи 21
- Е. З. Киреева**
Тула, Россия
- Жанр как актуализатор текстовой модальности
(на материале документов регионального
законодательства) 25

Исследования отдельных жанров

- В. И. Карасик**
Волгоград, Россия
Тяньцзинь, Китай
- Предсказание как речевой жанр 39
- В. Н. Базылев**
Москва, Россия
- Жанры соцреализма: «собрание сочинений»
и «избранные труды» от советских
политических лидеров 48
- Е. Ю. Балашова**
Саратов, Россия
- Речевжанровый анализ евангельской притчи
на материале православных и протестантских
источников 55
- О. П. Ермакова**
Калуга, Россия
- Функции согласия и несогласия в дружеской беседе
(психолого-лингвистические заметки) 60

Жанры СМИ

- М. А. Кормилицына**
Саратов, Россия
- Тенденции изменений в стилистическом облике
традиционных журналистских жанров в современной
прессе 67

Жанры в художественном творчестве

- Е. В. Бузальская**
Санкт-Петербург, Россия
- Механизм становления модели сложного речевого
жанра при интеркультурном заимствовании 73

Памяти первого редактора журнала «Жанры речи»

- Валентин Евсеевич Гольдин (1935–2017) 79

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

Abraham Solomonick Jerusalem, Israel	Logic of Sign Systems of Different Types (on Example of the Logic of Statement and Genres of Speech).....	6
Vladimir M. Alpatov Moscow, Russia	Reformatskiy and Bakhtin on Speech Genres.....	21
Elena Z. Kireeva Tula, Russia	Genre as a Textual Modality Actualizer (on the Basis of Regional Legislation Documents).....	25

Studies of Individual Genres

Vladimir I. Karasik Volgograd, Russia Tianjin, China	Prediction as a Speech Genre.....	39
Vladimir N. Bazylev Moscow, Russia	Genres of Socialist Realism “Collected Works” and “Selected Works” from Soviet Political Leaders.....	48
Elena Yu. Balashova Saratov, Russia	Genre Communicative Analysis of the Gospels Parable on the Material of Orthodox and Protestant Sources.....	55
Olga P. Ermakova Kaluga, Russia	Functions of Consent and Disagreement in Friendly Chat (Psikhologo-Linguistic Notes).....	60

Genres of Mass Media

Margarita A. Kormilitsyna Saratov, Russia	Trends of Changes in the Stilistic Identity of Traditional Journalistic Genres in the Present Press.....	67
---	---	----

Genres in Art

Elena V. Buzalskaya Saint Petersburg, Russia	The Mechanism of Formation of the Complex Speech Genre Model in an Intercultural Adoption.....	73
--	---	----

In Memory of the First Editor of “Speech Genres”

Valentin Evseevich Goldin (1935–2017).....	79
--	----

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 81.22

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-6-20

А. Соломоник
Иерусалим, Израиль

Abraham Solomonick
Jerusalem, Israel

**ЛОГИКИ ЗНАКОВЫХ СИСТЕМ РАЗНЫХ
ТИПОВ (НА ПРИМЕРЕ ЛОГИК
ВЫСКАЗЫВАНИЯ И ЖАНРОВ РЕЧИ)**

**LOGIC OF SIGN SYSTEMS OF DIFFERENT
TYPES (ON EXAMPLE OF THE LOGIC OF
STATEMENT AND GENRES OF SPEECH)**

Работы Абрама Соломоника хорошо известны философам и лингвистам – специалистам по семиотике языка и отдельных языков. В центре внимания израильско-русского ученого находятся три важнейших аспекта всех знаковых систем: 1) их природа и внутреннее устройство, 2) их происхождение и 3) их функционирование. Этому последнему аспекту уделяется особенно много внимания в вышедшей в московском издательстве «Спутник+» в 2017 г. книге А. Соломоника «О языке и языках». Настоящая работа представляет собой в основном извлечение из данной книги, которые мы решили подать в несколько измененной форме в виде самостоятельной статьи.

Не меньше, чем традиционные лингвисты, найдут для себя полезного и интересного в концепции Абрама Соломоника исследователи речи и речевой коммуникации, включая жанроведов. Наряду с логикой собственно языковых систем, автор рассматривает логику их приложений – функционирование в виде коммуникации, высказываний и текстов. Как и следовало ожидать, важное место в этом принадлежит единицам и категориям речевой системности, и прежде всего речевым жанрам. Именно с этой точки зрения подробно рассматриваются в статье ряд жанров устной и письменной речи: устный рассказ, публичное выступление, сочинение на заданную тему, эпистолярный жанр и др.

Ключевые слова: логики знаковых систем, логика соответствий, формальная логика, логика системы, логика приложений, типы высказываний, стили и жанры речи.

The works of Abraham Solomonick are well known to philosophers and linguists that specialize in semiotics of language and individual languages. Three important aspects of all sign systems get attention of the Israeli-Russian scientist; they are 1) the nature and internal structure of sign systems, 2) their origin and 3) their functioning. This latter aspect is given particular attention in Solomonick's book "On Language and Languages" published by the Moscow publishing house Sputnik+ in 2017. The present work is particularly an extract from this book, which we decided to submit in a somewhat modified form of an independent article.

The core principal of Abraham Solomonick's work might be useful and interesting not only for traditional linguists but also for the researchers of speech and speech communication, including experts on speech genres. Along with the logic of the actual language systems, the author considers the logic of their applications (functioning in the form of communication, statements and texts). As one would expect, an important role is given to units and categories of speech system, and above all to speech genres. It is from this point of view that a number of genres of oral and written speech are discussed in detail in the article: oral narrative, public speech, composition on a given topic, epistolary genre, etc.

Key words: logic of sign systems, logic of correspondences, formal logic, system logic, application logic, types of statements, styles and genres of speech.

Сведения об авторе: Абрам Соломоник, доктор педагогики.

Место работы: Иерусалим, Израиль, эмирит-профессор.

E-mail: semiosol@netvision.net.il

About the author: Abraham Solomonick, Ph.D.

Place of work: Israel, Jerusalem, Professor Emeritus.

E-mail: semiosol@netvision.net.il

Логика в языковых системах

Основной причиной неполного совмещения объективной реальности с ее отражением в языке является то обстоятельство, что в язы-

ке действует не один тип логики, а целых четыре. Я их перечислю: логика соответствия с окружающей средой, формальная логика, логика данного языка (данной знаковой системы) и логика приложения данной

системы к реальной жизни. Первая логика заставляет нас при использовании языка все время оглядываться на то, что происходит в реальности, и сверять наши словесные построения с фактами. Большею частью мы вообще передаем нечто из нашего реального опыта; тогда обращение к действительности кажется неизбежным и обязательным. Даже когда мы не касаемся реальных событий, а рассказываем что-либо из наших переживаний или мыслей, мы постоянно сверяем свое повествование с действительностью и поправляем себя, когда зашкаливаем за слишком фантастический сюжет. Короче говоря, в своей речи мы пытаемся воспроизвести сущее, не отклоняясь от истинного положения дел. Это я и называю *логикой соответствия*. Она характерна для любой знаковой системы, когда та не отрывается от реальных событий.

Второй тип логики – это *логика формальная*, возникшая еще в Древней Греции и впервые получившая свое научное обоснование в сочинениях Аристотеля. Конечно, и до Аристотеля люди старались мыслить логично и последовательно, даже в отрыве от непосредственного соприкосновения с реальностью. Такое соприкосновение было их первым шагом к созданию логического мышления. В различных обстоятельствах люди старались использовать последовательности, которые наблюдали в природе. По утрам они вставали, ближе к ночи ложились спать. Весной они сажали растения, а осенью убирали урожай. По суше они ездили верхом или на колесницах, а по воде – на лодках и судах. Но все это было лишь первой стадией их логически оправданного поведения в соответствующих обстоятельствах. Когда они начинали рассуждать по поводу реальной жизни и даже старались предсказать будущее, прежней логики им уже не доставало. Они должны были выдумать подходящий инструмент мышления, который обеспечил бы им наилучшие способы прийти при правильных посылках к разумному и правильному выводу. Это и стало задачей формальной логики, которая развивалась на протяжении всей истории цивилизации, потому что оказалось, что у формальной логики имеется множество уровней.

Одним из способов реализации формальной логики стал язык. Но язык имеет и свою собственную логику, *логику конкретной знаковой системы*. Выяснилось, что любой язык передает одно и то же событие по-своему. Почему? Ведь речь идет об одном и том же? Как я рассказывал в [1], языки развивались хаотично, каждый – в собственном русле, соответственно, они обращаются к своим собственным наработкам. Поэтому всегда приходится учитывать «логику данного язы-

ка». Любое предложение будет построено по-своему, в соответствии с правилами (логикой) данной системы и имеющимися в нем словами. Логика языка, несомненно, учитывает и логику соответствий, и формальную логику, но одевает их в свои собственные одежды.

По-русски вы осведомитесь у собеседника: «Сколько Вам лет?», а на английском – «How old are you?», что буквально означает «Насколько вы стары?». По-русски мы скажем: «Я собираюсь сделать то-то и то-то». Мы используем конструкцию «собираюсь» («намереваться») + глагол (часто в совершенной форме – “закурить”, “написать” и пр.). В ней, в этой конструкции заложен некоторый *оксюморон* (соединение противоречивых частей): я еще только решаю что-то сделать, но уже заявляю об успешном окончании этого намерения. В английском языке оксюморон усиливается: «He is going to...read, run, smoke» (в буквальном переводе «Он идет (да еще в продолженном варианте) читать, бежать, курить»). Получается «Улита едет, когда-то будет», хотя в действительности говорящий выказывает самое решительное намерение что-то осуществить. А в иврите эта конструкция получает самое неожиданное наполнение для, например, русского уха: *הוא תמיד ...ל*, то есть, «Он *стоит*, чтобы что-то сделать». «Он *стоит*, чтобы бежать, написать, построить» и т. д. И, тем не менее, фраза эта отражает полнейшую решимость выполнить предстоящее действие, да так она и воспринимается слушателями.

Оказалось, однако, что не всегда лингвистические изощрения достигают цели. Вы можете рассказывать один и тот же эпизод, но различные слушатели либо поймут, либо не поймут ваш рассказ, либо каждый из них поймет его по-своему. Поэтому снова и снова нам приходится прибегать к новым языковым формулировкам и перекодировать свое сообщение. Появляется *логика приложений* данной знаковой системы. Каждый из нас имеет свой собственный жизненный опыт и воспринимает новую информацию в свете этого опыта. Следовательно, нам приходится прибегать к разным способам изложения одного материала для различных аудиторий. К счастью, язык – такая разветвленная знаковая система, что предоставляет достаточно средств для передачи разных вариантов одного и того же события.

Если принять за исходное положение наличие у пользователей не одного, а нескольких видов логики знаковых систем, то становится понятным, почему одно и то же событие приобретает разное воплощение даже в одном, не говоря уже о разных языках. И язык

в целом, и различные его проявления рождаются под влиянием разных типов логики, ибо один тип логики не может воспроизвести другой своими средствами на все сто процентов. Каждый тип логики развивается в связи с другими, но пользуясь своими собственными ресурсами и закономерностями. Ранее мы говорили о стремлении системы к полноте, о том, что она стремится заранее подготовиться к самому разнообразному использованию. И тут на ее пути снова возникают факторы, которые препятствуют ей в этом движении.

Вот вам пример из трех слов русского языка: «мачта», «почта» и «мечта». Все три – существительные, все женского рода и примерно одинаковой конструкции. Теперь просклоняйте их по обычной для таких существительных парадигме в единственном и во множественном числе. Выяснится, что в слове «мечта» невозможно образовать родительный падеж во множественном числе. Нет такого слова «мечт», в то время как мы совершенно свободно получаем эту форму от слов «мачта» и «почта» («мачт» и «почт»). Почему? Не знаю. Просто не принята в русском языке эта словоформа, и никаких логических объяснений этому факту не имеется. Точно так же, как нет деепричастия настоящего времени от глагола «писать» – форма «пиша» не существует, в то время как другие переходные глаголы приобретают ее совершенно свободно – «рисую», «делаю» и пр. Почему? Да просто так. Вопрос этот с формальной логикой не связан, он – на словоупотребление в данном языке; и в этом случае приходится отвечать: «Не принято, не входит в систему». Кстати говоря, таких нестыковок в языке (в любом языке) сотни. Так что работы будущим лингвистам будет всегда предостаточно. Другое дело, согласятся ли на предлагаемые ими реформы пользователи языка, для которых он всегда будет представляться «неприкасаемым». Но это уже логика приложения.

Типы высказываний

По параметру законченности мысли то или иное высказывание может представлять собой синтагму, идиоматическое выражение либо отдельную фразу (предложение).

Синтагма – первичная ячейка законченной мысли, еще не отлившаяся в предложение. Группы подлежащего либо сказуемого, построенные по правилам языка, – это синтагмы, которые потом объединяются, чтобы составить цельное предложение. Синтагмы конструируются так, чтобы, с одной стороны, правильно выразить неполную частичку мысли, а с другой стороны, чтобы подготовить ее к последующему включению в предложе-

ние. Основная цель синтагмы заключается в том, чтобы заготовить блок для будущей фразы. Это как в строительстве: для возведения стены необходимо заранее подобрать блоки, которые ее составят. Каждый блок должен быть без изъяна, одновременно он должен представлять собой частичку будущей стены, способную сопрягаться с другими рядом находящимися частицами. С точки зрения лингвистической слова в синтагму подбираются по законам языка. Если синтагма представляет собой группу подлежащего, то в ее центре будет располагаться, как правило, существительное в именительном падеже, рядом будут помещены его определения и т. д. Все это в порядке, предусмотренном грамматикой языка, и в подходящих словоформах.

Иногда нет необходимости заботиться о составлении синтагмы – она предоставляется нам в готовом виде в форме *идиоматических выражений*. В любом языке таких выражений тысячи. Это как бы заранее произведенные строительные блоки, экономящие наши усилия по выражению той или иной мысли. У них три основные характеристики. Они употребляются как единое целое и в том виде, в котором предстают в словарях, без каких-либо изменений. Их составные части не поддаются самостоятельной расшифровке, и все же общий смысл фразы ясен носителям языка. Например, говоря «куда Макар телят не гонял», мы не задумываемся над тем, кто такой Макар или причем тут телята, но общий смысл фразы нам понятен – «очень далеко», «в места не столь отдаленные» (еще одна идиома). Наконец, третьей отчетливой характеристикой идиоматических выражений является образный контекст, выделяющий их из обычной, эмоционально не окрашенной речи.

Отдельные синтагмы и идиомы соединяются в *цельное предложение*, которое включает в себя вполне законченную мысль. Объединение, опять-таки, производится по правилам конкретного языка, отраженным в его грамматиках. Формальное завершение предложения отражается на письме знаками пунктуации: точкой, вопросительным либо восклицательным знаком. Если автор чувствует, что его предложение получилось в каком-то смысле незавершенным, он ставит в его конце многоточие. Знаки пунктуации внутри сложных предложений отражают множественные варианты выражения различных по связям частей мысли. Отдельные предложения соединяются в разнообразные отрезки текста, о чем мы поговорим в следующем разделе.

Соединение предложений в законченные отрезки текста

Дальше отдельные предложения соединяются в абзацы, разделы, главы и, в конце концов, в законченный текст. Соединения этого плана тоже происходят по неким *синтаксическим правилам*, которые, однако, обычно выводятся за пределы грамматики языка и изучаются в прилегающих к языкознанию дисциплинах, таких как *риторика* (красноречие), *теория литературы* и некоторых других. Впрочем, внутри лингвистики они тоже изучаются в разделе, называемом «анализ текста» (text analysis). Такое странное «разделение труда» выглядит не совсем оправданным, но так уж сложилась всеобщая традиция в этом плане, и она имеет под собой некоторые основания, о чем мы поговорим ниже.

Дело в том, что я постоянно свожу проблему к объединению законов мышления (логики) с законами языковых построений. От этого подхода я не собираюсь отказываться и при обсуждении «правил» составления цельных отрывков текста. В полный текст предложение входит лишь как начальная конструкция, вслед за которой идут все бульшие по размерам единицы, составленные из многих предложений, и разнонаправленные по содержанию. И все же объединение отдельных предложений в цельный текст также и безусловно подчиняется логике нашего мышления. Только логика эта совершенно другого плана, нежели та, о которой говорилось в предыдущем разделе. Там мы видели логику отдельной фразы с четким набором разных ее частей, которые заранее можно было предусмотреть и которые описываются сначала в грамматиках отдельных языков, а затем рисуются в наглядных схемах. Готовые же предложения настолько разнообразны по тому, что они хотят сказать и по взаимным связям с предыдущими и последующими фразами, что четкая и заранее сформулированная их последовательность в развернутом тексте не представляется возможной.

Можно дать лишь самые расплывчатые рекомендации, что и делается в различных прикладных по отношению к лингвистике дисциплинах. Так, в риторике объясняются приемы, которые помогают построить убедительное выступление, позволяющее так расположить все аргументы, что вывод из них представляется единственно возможным. Самым любопытным примером в этом смысле является речь Марка Антония из драмы Шекспира «Юлий Цезарь». За всю свою долгую жизнь я не читал ничего более изысканного в этом плане. Цезарь убит заговорщиками. Его друг Марк Антоний выступает перед толпой

римлян над телом убитого и говорит, якобы, для того, чтобы очернить покойного и оправдать его убийство. На самом деле, прославляя его убийц, он их обвиняет и делает это так искусно, что каждое его слово звучит набатом против них. В конце концов он так распалает толпу, что та отправляется громить убийц Цезаря. Антоний довольно потирает руки.

Но это – образец великого литературного дара Шекспира. На самом деле в публичных выступлениях пытаются доказать именно то, в пользу (или против) чего выдвигаются аргументы. Имеются для этого специальные пути и приемы, освященные временем и обычаями. Сборники выступлений лучших юристов разных стран хорошо иллюстрируют сказанное. История знает немало блестящих образцов ораторского искусства, начиная с Цицерона в Древнем Риме и кончая выступлениями Ф. Н. Плевако или А. Ф. Кони в царской России. Я не сомневаюсь, что среди современных юристов и общественных деятелей также имеется немало выдающихся ораторов.

Особо следует остановиться на литературных произведениях, где мы находим примеры более четкой организации цельного текста. Все хорошо знакомо, например, с теорией построения литературных произведений по схеме «*вступление – сюжет – кульминация – развязка*». Тем не менее это очень расплывчатая схема, применяющая самые разнообразные средства для своей реализации. В конкретных литературных произведениях текст обычно делится на главы. Главы нумеруются и обозначаются названиями. Названия всех глав выносятся в оглавление работы. Оглавление и является внутренним планом сочинения, демонстрирующим логику ее развития. Вот пример такого оглавления в книге великого сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина (1826–1889) «История одного города»:

ОТ ИЗДАТЕЛЯ
ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ
О КОРЕНИ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ГЛУПОВЦЕВ
ОПИСЬ ГРАДОНАЧАЛЬНИКАМ
ОРГАНЧИК
СКАЗАНИЕ О ШЕСТИ ГРАДОНАЧАЛЬНИЦАХ
ИЗВЕСТИЕ О ДВОЕКУРОВЕ
ГОЛОДНЫЙ ГОРОД
СОЛОМЕННЫЙ ГОРОД
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ ПУТЕШЕСТВЕННИК
ВОЙНЫ ЗА ПРОСВЕЩЕНИЕ
ЭПОХА УВОЛЬНЕНИЯ ОТ ВОЙН
ПОКЛОНЕНИЕ МАМОНЕ И ПОКАЯНИЕ
ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ПОКАЯНИЯ. ЗАКЛЮЧЕНИЕ
ОПРАВДАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

Иногда автор считает необходимым раскрыть подробнее содержание главы и добавляет после ее названия краткое перечисление тех событий, которые будут в ней описаны,

и в том порядке, в котором они произойдут. Так, например, в книге Джерома К. Джерома (1859–1927) «Трое в лодке (не считая собаки)» первая глава предваряется следующим перечислением: «Трое больных. – Немоци Джорджа и Гарриса. – Жертва ста семи смертельных недугов. – Спасительный рецепт...». Это уже более развернутый план сочинения. Он может принять вид еще более подробных заметок в записях писателя, предшествующих началу работы над книгой, чему мы находим многочисленные подтверждения в литературоведческих трудах.

Самым важным для нас в контексте проводимого обсуждения является тот факт, что логика синтаксиса здесь выражается в словах, а не в схемах, как в предыдущем разделе. Это решающий фактор для доказательства того, что в данном случае мы используем менее абстрактную и более понятную логику, чем та, которая принята для построения отдельного предложения. В уже упомянутой книге [1] я писал, что все знаки располагаются по оси абстрактности, причем слова на ней размещены ниже на оси абстрактности, чем схемы. Слова по нашей концепции наделены способностью разяснять все иные знаковые построения. Вот они и разясняют, как произойдут те или иные события, представленные читателю, в какой логической последовательности это будет сделано.

Может быть, мне следует упомянуть, что и сама логика как наука развивалась, получая все более сложные и абстрактные продолжения. Родоначальником формальной логики единодушно признается Аристотель (IV век до н. э.). Он выдвинул и обосновал первую логическую теорию. В ней важнейшую роль играло построение, которое называлось *силлогизмом*. Силлогизм в свете учения Аристотеля – это такая расстановка посылок, которая приводит к безупречно оправданному выводу; одна из форм дедуктивного умозаключения (вывода от общего к частному), когда из двух данных суждений (посылок) вытекает третье (заключение). Мы постоянно пользуемся этим приемом мышления в своих практических действиях. Силлогизм может быть оформлен словами, тогда он будет прозрачен и понятен:

Я всегда зажигаю газовую плиту спичками.
Сейчас я держу в руках спички и стою перед плитой.

следовательно: Если я зажгу спичку и поднесу ее к плите и она тогда загорится.

Приведенное рассуждение представляет собой намеренно упрощенный силлогизм, но он показывает, как люди мыслят в практической жизни, как логические умозаключения

помогают нам выбрать правильный путь в жизненных передерягах. Аристотель, разумеется, формализовал свои силлогизмы. Они содержали обычно две посылки и вывод. Знаменитым примером был силлогизм по поводу смерти Сократа:

Все люди смертны.
Сократ – человек.

следовательно: Сократ смертен.

Слова «люди» и «человек» называются *средними терминами*. Средний термин не входит в вывод, а служит для определения и заключения о *бульшем термине* – «смертны» и «смертен». Большой термин выступает причиной всего процесса рассуждений, а в выводе он определяет *меньший термин* – Сократа, по поводу которого мы рассуждаем. Все термины еще называются *переменными силлогизма*. Переменные могут быть выражены словами, как это продемонстрировано в примере, а могут быть записаны буквами. Уже Аристотель выражал переменные греческими буквами. Сделав это, он указал путь к дальнейшей формализации силлогизма. С этого времени и до наших дней продолжается усложнение логики в сторону все большей ее формализации.

Возникли различные логические языки и разные *типы логики*. Различается, например, *логика высказываний*; она занимается проверкой словесных манипуляций с точки зрения их истинности или ложности. Она целиком переведена с обычного языка на специфически логический язык. Существуют *классическая логика*, *математическая логика*, а в последнее время и *логическое программирование*. Последнее изучает методы и возможности составления программ для компьютеров, основанных на выводе новых фактов из данных согласно заданным логическим правилам. Логическое программирование основано на теории *математической логики*.

Для нас важен самый факт множественности различных логик, постепенно выводимых из первоначальной классической логики. Тот или иной тип логики приспосабливается к определенному виду операций над знаками в зависимости от того, подходит ли он ему по степени абстракции. Каждый тип логики приносит с собою специфический язык и парадигмы обработки последнего. Как мы видели выше, для планирования отдельных предложений требуются синтаксические правила, оформленные языком грамматики, и *метапроцедуры* (сверхпроцедуры), проявляющиеся в схемах-построениях типа дерева. Для планирования больших, чем предложение, отрывков достаточны обычные языковые пояснения в

виде детально разработанного плана. Это тоже синтаксис, только иного рода, построенный на логике иного типа.

Стиль разговорной речи

Итак, мы пришли к выводу, что в обыденной разговорной речи мы существенно ограничиваем спектр тех языковых средств, которые нами используются в литературном стиле. И, тем не менее, слова в разговорной речи очень далеки от той однозначности, которой мы пытаемся достичь в научном стиле или даже в бюрократической переписке. В последних мы добиваемся наибольшей точности и изгнания всякой двусмысленности, чего нельзя сказать об обычном разговорном словоупотреблении. Я думаю, что это происходит чаще всего потому, что точное и однозначное слово требует от нас особых усилий, а в обычной беседе мы расслабляемся и не готовы к основательным размышлениям по части выбора лексики и ее грамматического сопровождения. Это похоже на манипуляции с дробями. Известно, что десятичные дроби имеют большой допуск в конечном результате. Избирая их для проведения расчетов, мы как бы заранее соглашаемся с тем, что наш результат будет иметь некоторую неточность в пределах последнего знака. Если нас такой результат устраивает, то мы на нем и останавливаемся. Если нет, приходится использовать обычные дроби, которые дают более точный результат, но зато и действия с ними гораздо более трудоемки.

Что же приходит нам на выручку в обычной разговорной речи, компенсируя недостаток точности используемого языкового инструментария? Нашим помощником является *реальная ситуация общения*, которая берет на себя в значительной степени роль определителя того, о чем мы собираемся говорить. Именно она дает нам возможность быть несколько небрежными в выборе слов и механизмов их соединения в нашем сообщении. Мы можем себе это позволить, поскольку *речевая ситуация* ставит наши слова в определенные рамки, придающие им однозначность и определенность. Конечно, и в литературной речи ситуация общения играет огромную роль; без нее вообще оно (общение) не было бы возможным. Но в литературных текстах не мы с вами, читатель, распоряжаемся ходом событий, там все зависит от автора повествования. Слова, произнесенные участниками диалогов, могут быть как угодно двусмысленны, но волею писателя последствия этих слов будут все равно такими, какими он их задумал. Другое дело в реальной жизни. Здесь мы сами решаем, что говорить в том или ином случае. Поэтому мы часто обращаемся к неточным словам, крат-

ким или усеченным фразам, когда чувствуем, что контекст ситуации расставит всё по местам и придаст сказанному окончательный и нужный смысл.

Заметьте, что мы упрощаем нашу речь в той мере и в тех пропорциях, которые позволяют нам рамки реального общения. Бывают случаи, когда «языковая ситуация» вообще обходится без слов. Вот что произошло со мной сегодня утром. Как обычно, я пошел в бассейн. Подойдя к воде, я увидел, что все дорожки заняты и даже переполнены. Дождавшись освобождения одной из дорожек, я начал плавать. Подплывая к одному из краев бассейна, я увидел фигуру человека, стоявшего там и собиравшегося войти в воду на моей дорожке. Даже не услышав от него ни слова, я стал плавать не посередине, а прижимаясь к краю. В дальнейшем, опять-таки не говоря ни слова, мы распределили свои «владения»: он с правой, а я с левой стороны. Таким образом, наш «диалог» оказался бессловесным, но дал тот же результат, что и возможный обмен репликами. В этом случае слова могли быть произнесены, но они оказались ненужными: их место заняли наши взаимные действия и их оценка участниками «дискуссии».

Иногда произнесение слов сводится к минимуму. Так, если на улице к тебе подходит человек и спрашивает, где находится тот или иной дом, то может статься, что ты покажешь этот дом и скажешь: «Вон там». На этом диалог завершается. Слово «там» относится к так называемым *деиктам*. *Деикты* – это слова, изменяющие свое значение в связи с ситуацией общения и с положением его участников. Для меня «там» означает то же, что для моего собеседника может быть «здесь», и наоборот. Наличие довольно большой группы деиктов в любом языке свидетельствует о том, что они, эти языки, приспособились к различным разговорным ситуациям, где каждый раз деикты получают новое назначение. Такая существенная по своему назначению группа слов, как личные местоимения, относится к деиктам. «Они» в одном случае такие-то люди, а в другом – совсем иные. «Я» и «ты» во время беседы постоянно меняются местами. В итоге мы используем одну и ту же *лексему* (слово, оборот) для обозначения тысяч, а то и миллионов разных объектов.

Не только *деикты*, но и большинство других слов, которые мы употребляем в обыденной речи, служат для собирания огромного количества аналогичных предметов в одном слове. Так, слово «кровать» обозначает миллионы различных кроватей, конкретизирующихся только в рамках определенной речевой ситуации. Прилагательное «красный» (-ая, -ое) характеризует любой объект крас-

ного цвета, а глагол «бежать» («бегать») – любое действие подобного рода. Именно в таком виде язык остается компактной системой с хотя и огромным, но все же обозримым запасом слов, и мы играем этими словами в ходе повседневного общения, помещая их в подходящий контекст. Совершенно очевидно, что нет никакой возможности обозначить отдельным словом-знаком каждый объект, каждое его качество и связь с другими объектами, каждое происходящее в нем изменение. Этого не выдержала бы ни одна, даже самая завидная человеческая память; и даже компьютер, несмотря на его огромные возможности, не выдержал бы такой нагрузки. На самом деле, в любом виде межличностного общения мы прекрасно обходимся теми средствами, которые предоставляются нам разговорным стилем языка. Разумеется, с помощью речевой ситуации.

В устном общении мы вынуждены выделять и учитывать ряд слагаемых *речевой ситуации* или *речевого акта* (так в лингвистике обозначается отдельный акт коммуникации между людьми). По мнению лингвистов, к таким слагаемым относятся:

- данные в отношении того, кто говорит;
- данные в отношении слушателя (в процессе диалога они меняются местами);
- составные части самого сообщения;
- забота о том, чтобы коммуникация протекала нормально, то есть чтобы получатель информации слышал и понимал то, что говорящий ему сообщает.

Прежде всего, инициатор диалога сообщает слушателю (слушателям) сведения о себе, показывает, так сказать, свои «верительные грамоты». В них он не только обозначает свое имя и некоторые (немногочисленные) данные о себе, но и объясняет, почему именно ему выпало на долю выступить с данным сообщением и насколько он в состоянии это сделать. Конечно, мы не говорим все это открытым текстом (что было бы чересчур прямолинейно), но всегда делаем несколько предварительных замечаний, чтобы привлечь внимание слушателей и настроить их на позитивный лад.

Затем надо получить хотя бы поверхностные сведения о слушателях, понять, с кем ты имеешь дело, как к ним надо обращаться и соответственно с этими данными строить свое сообщение. Иногда мы получаем такую информацию предварительно, до знакомства со своими будущими собеседниками, но в большинстве случаев мы либо вынуждены налаживать знакомство с ними по ходу дела или судить о них по тому впечатлению, которое они на нас производят. Имея хотя бы приблизительное представление об аудитории, мы

можем хотя бы на глазок построить для них наш, как говорят сегодня, *мессидж*.

Я нехотя употребляю это новое иностранное слово, еще не прижившееся в русском языке, но вынужден это сделать, поскольку не нашел в русском языке слова более подходящего. *Мессидж* означает «сообщение», но это больше, чем «сообщение». Это его суть, содержание. Иногда высказывание полностью совпадает по форме и содержанию: оно выражает именно то, о чем в нем говорится. В большинстве же случаев слова говорят одно, а суть высказывания сводится к другому, не выраженному ясно, но подразумеваемому. Кстати, этот разрыв между воспринимаемым (на слух) и его смыслом может послужить нам надежным критерием для отделения одного стиля от другого. Я ниже скажу об этом подробнее.

Затем следует выделить текст самого сообщения. Оно должно быть выражено в такой форме, чтобы, во-первых, быть понятным именно для данной категории слушателей, и, во-вторых, сформулировано так, чтобы получить на него положительный отклик. Если это просьба, то мы стремимся к ее позитивному разрешению; если это начало разговора, то мы должны повести его так, чтобы наш зачин был подхвачен. Для этого следует всячески поддерживать внимание собеседников, подавать материал ясно и доходчиво, стремиться к краткости и простоте, импонировать слушателям манерой разговора и поведения.

Наша аргументация должна быть последовательной, но в то же время не слишком навязчивой и авторитарной. Выводы надо формулировать осторожно и все время следить за тем, чтобы не задеть чувства и самолюбия людей, с которыми вы беседуете. На протяжении беседы надо выказывать к ней достаточный интерес, даже если она становится вам неприятной. Наконец, в начале, по ходу и по окончании беседы надо проверить, доходят ли ваши слова до получателя информации, нет ли серьезных помех для восприятия ваших слов и находится ли в порядке канал, по которому передается информация, например, телефон или компьютер.

Следует отметить, что в языке (в любом языке) существуют выработанные десятилетиями формулы ведения той или иной беседы. Их надо знать и кстати использовать. Если вы обращаетесь к незнакомцу, то надо предварять обращение словами «Простите!», «Извините, пожалуйста!» или еще как-нибудь в соответствии с принятыми в данной стране нормами. Таких «заранее заготовленных» фраз огромное количество, и они специально изучаются при овладении языком. Они существуют почти для всех случаев жиз-

ни, и обращение к ним только усиливает ваши позиции при ведении разговора.

Таковы некоторые рекомендации для оформления обычной беседы, обыденного разговора.

Жанры устной речи

Существуют и иные критерии распределения «языковой продукции». Можно, например, распределить все тексты по их *жанровой принадлежности*. Под *жанром* я понимаю специфическую форму высказывания: сделано ли оно устно либо на письме; выполнено ли оно в монологическом либо в диалогическом режиме; относится ли оно к малым формам (очерк, рассказ) или к формам более объемным – роман, повесть и т. д. Если при анализе стилей мы обращаем основное внимание на особенности слов-знаков [1], то в случае с жанрами основной акцент падает на приспособление текста к условиям его создания и воспроизведения перед той или иной аудиторией. Тут на первый план выступает *логика приложения* высказывания, логика приспособления автора к аудитории, для которой текст предназначается, и к рамкам, в которых он, данный текст, подается.

Первое и основное различие *жанров* касается их устного либо письменного оформления. Вас не должно смущать, что я называю текстом не только его письменное воплощение, но и устное – это давно уже принято в языкознании. Разумеется, устная или письменная форма существенно влияет на содержание, а главное, на словесную оснастку текста. Создание письменных текстов требует от автора совсем иных навыков, нежели те, что требуются от оратора при устной подаче материала. Между устной и письменной речью есть очень серьезные различия; они появляются потому, что в создании этих двух видов текстов участвуют существенно отличные физиологические механизмы.

Устная речь производится артикулирующими органами, и ее результатом являются звуки, которые улавливаются слухом. Звуки исчезают сразу же вслед за их произнесением (если их, конечно, не записывать на пленку), и у слушателей нет иной возможности к ним возвратиться, кроме опоры на память. С другой стороны, при создании письменных текстов, помимо только что упомянутых механизмов, которые работают безмолвно и во время письма, участвуют моторные навыки (само написание букв), а слушатели становятся читателями.

Подключение моторики к рождению текста меняет подход автора к его архитектуре и ведет к иному отбору языкового материала и

его расположению. Я убежден, что при этом меняется и психологический настрой автора: перед ним стоят совсем иные задачи и впереди вырисовывается иной результат. Многие писатели жаловались на «боязнь чистого листа», на то, что им иногда страшно начинать писать на бумаге, на которой сейчас еще ничего нет, а через минуту появятся значки букв. Сама моторика тоже зависит от физиологического состояния организма. Мне, например, в связи с возрастом стало сложно писать от руки; я давно перешел на работу с компьютером. Каждый новый этап в специфике материального воплощения письма ведет к своего рода потрясениям у создателей текста. Некоторые могут писать только карандашом, да еще остро очиненным; иначе у них работа не ладится. Переход от ручного написания слов к машинописи тоже связан первоначально с душевным дискомфортом. Равно и переход от пишущей машинки к работе с компьютером представляет собой хоть и небольшую, но требующую времени и приспособления революцию в нашем поведении.

Решающим для *потребителей текста* является форма его представления. Слушатель устной продукции выслушивает ее только один раз. Он отнюдь не против того, чтобы сложные мысли повторялись снова и снова в разном словесном облачении. Так ему легче понять и усвоить аргументы автора. Читатели меньше озабочены этими обстоятельствами: они могут возвратиться к написанному еще и еще раз и таким образом приобщиться к мыслям и намерениям пишущего. Автор поэтому не может возвращаться к одной и той же идее до бесконечности. Он оснащает ее различными аргументами, стараясь не повторять те же самые рассуждения и даже одинаковые слова в рядом лежащих предложениях.

Иначе говоря, построение устных и письменных текстов требует различных подходов. В связи с изложенным жанры устной и письменной речи кардинально отличаются друг от друга. К жанрам устной речи относятся, например, публичные выступления, лекции, доклады и т. п.; к жанрам письменной речи – разные виды литературных произведений, докладные записки, дневниковые записи, письма и т. д. Я не смогу даже кратко охарактеризовать их все (для этого требуется написать несколько книг), а коснусь лишь некоторых жанров того и другого вида (устных и письменных). Начнем с устной продукции. В ней я выбрал *устный рассказ, публичное выступление и научный доклад*.

Устный рассказ

Самым знаменитым устным повествованием, растиражированным на весь мир, являются сказки «*Тысячи и одной ночи*». Это не произведение отдельного автора или составителя – ее коллективным творцом является весь арабский народ. В том виде, в каком мы ее теперь знаем, «Тысяча и одна ночь» – собрание сказок на арабском языке, объединенных историей о жестоком царе Шахрияре, который каждый вечер брал себе новую жену и наутро убивал ее. Одна из жен, по имени Шахерезада, начинает рассказывать царю сказки с продолжением. Царю ее сказки настолько нравились, что он не казнил ее в течение тысячи и одного дня, пока она не родила ему детей и не стала его женой. За это же время возникли чудесные сказания, которыми восхищаются ныне во всех концах света. История возникновения «Тысячи и одной ночи» до сих пор далеко не выяснена, и истоки ее теряются в глубине веков.

Но все же это сказки, к тому же изложенные в виде книги. Известны многочисленные свидетельства из очень недавней истории России. Из них мы узнаем, что некоторые узники сталинских лагерей (главным образом интеллигенты) спасались от голодной смерти и своего бесправного положения тем, что пересказывали различные истории уголовникам. Безграмотные убийцы и жулики с удовольствием слушали умелых рассказчиков и создавали им привилегированное положение, зачастую спасая их от гибели. Самым важным для этих устных эпопей было выбрать сюжет позанимательней и умело его подать. Ставкой в такой словесной игре, как и в случае с Шахерезадой, была жизнь. Кое-кто успешно с этим справлялся.

В чем же заключается умение устного повествования? Вот что писал об этом знаменитый писатель, актер и режиссер *Василий Шукшин*:

«Помню устные рассказы моей матери. Помню, как мужики любили рассказывать всякие были и небылицы, когда случалась какая-то остановка в работе, когда они присаживались перекурить или перекусить в поле. Да и сейчас это искусство устного рассказа еще живо в народе. Есть, видимо, в нем какая-то глубокая потребность. А если есть потребность, то и мастер всегда найдется.

Об этом много можно говорить, но я пока одну особенность хочу отметить: в народе мастер устного рассказа всегда чувствовал прежде всего необходимость в своем рассказе. Не помню, чтобы кто-то взялся рассказывать, не задавшись целью сообщить что-то новое, нужное, интересное, а просто так, чтобы себя показать или фокус словесный какой-то выкинуть. Всегда в таких рассказах была цель, какая-то прямая жизненная необходимость. Рассказчику непременно

надо было что-то сообщить, к делу, случаю. И не просто сообщить – донести, вот помню, было однажды то-то и то-то. Рассказ должен был разбередить душу, войти прямо в сердце слушателей. Утешить их, успокоить, чему-то научить, поделиться тем, что самого рассказчика волнует, из души рвется» [2].

Один из самых удивительных устных рассказчиков, Иракий Андроников, так писал о своем жанре (кстати, он был автором названия самого этого жанра «устный рассказ»):

«...я не пишу рассказов. Сперва я много лет их исполняю, а потом записываю. Это совсем другое. В процессе возникновения рассказа я к бумаге не прикасаюсь. Законы устной и письменной речи слишком различны. Рассказ я слышу в звучании. Он не задумывается. Он рождается как импровизация и растет в процессе обдумывания – в редакциях, дома, в гостях, в вагоне поезда, везде – были бы слушатели. Рассказа еще нет. Можно сказать, он еще сам не знает, что он рассказ. И я пока об этом не знаю. Есть только ядро сюжета, ядро образа. Это ядро долго томится во мне.

И вот я решаюсь – выхожу на эстраду, и рассказ рождается. Отливается сразу, без помарок, без подыскивания слов. Запоминаются форма, интонация рассказа. Ее я воспроизвожу как музыкальную мелодию, со всеми особенностями ритма, темпа, характера, образа. Я могу просвистеть свои рассказы. А слова приходят как в разговоре – сами собой, но под моим очень жестким и придирчивым контролем. Выступая на эстраде, я должен быть подумать о тех, кто знает изображаемого, и о тех, кто его не знает; о тех, кто может быть, его родственник; о тех, кои, не спрашивая, могут записать это на портативный магнитофон, и тогда это будет уже навсегда; о тех, кто не любит того, о котором я рассказываю, кто сидит далеко и кто – близко, кто слышит хорошо и кто – плохо. И чтобы получилось правильно и тактично в отношении всех. И учесть, кто и как может понять и истолковать рассказ. И надо успеть увидеть себя изнутри и одновременно – из зала, и все это в тот самый момент, когда произносится фраза! Вот теперь и решайте, что здесь от литературы, что – от театра, от музыки, от словесной импровизации. И что – от «модели», от того человека, о котором идет речь.

При этом образ ведет меня, а не я его. Я им живу, от него мыслю, и мне легко, потому что, войдя в образ, в нем уже почти нельзя ошибиться. Главное – это стремление отобразить важнейшее, передать самую суть образа. Он возникает из множества разновременных наблюдений, но лепится не по частям, а с ходу. Я его как бы вижу перед собой, несколько сбоку, в воздухе. И в то же время чувствую, что я его повторяю. Конечно, он антифотографичен. Если вы считаете, что живописный портрет документален, то и мой тоже. Он собирается: десять разговоров я сливаю в один и отжимаю то, что особенно характерно. Конечно, у этого – нового – разговора дата есть не всегда. Иногда бывает – дата есть, но в него введены девять других. А бывает, что и вообще такого разговора не было. Но образ не становится менее верным» [3].

Самым важным для исполнителя *устного рассказа* является наличие у него драматических способностей. Он должен быть немного актером и, стараясь не переигрывать (вспомните замечание В. Шукшина), подавать материал с некоторой долей актерского мастерства. Он должен соответствующим образом представить монологическую часть и разнообразить диалогическую составляющую рассказа. Он часто и уместно прибегает к жестам и мимике (конечно, не в таких масштабах, как актеры на сцене) и самым активным образом использует интонационную доминанту устной речи. Все вместе это составляет игровую часть выполняемой роли. Чем более убедительно она будет представлена, чем больше вовлечет рассказчик своих слушателей в ход повествования, тем больше выигрывает устное исполнение рассказа.

Все элементы устного рассказа, указанные мною, значительно уменьшаются в объеме в *публичном выступлении* и почти вовсе исчезают в *научных докладах*.

Публичное выступление

По этому поводу часто цитируют Наполеона Бонапарта: «Кто не умеет говорить, тот карьеры не сделает». И это верно. Умение складно выразить свою мысль на публике должно быть присуще всем, кто исполняет свою работу в присутствии большого количества народа: от продавца до учителя или юриста, выступающего в суде. В Древней Греции очень высоко ценилось ораторское искусство и было множество прекрасных ораторов. Его даже специально изучали в школе. Не меньшее значение придавали этому и в Древнем Риме, где искусные ораторы всячески поощрялись и почитались. От этих цивилизаций почтение к ораторскому мастерству проникло в Средние века в Европу, когда в большинстве школ *риторика* (ораторское искусство) включалась в учебный план и считалась необходимым элементом обучения подрастающего поколения. И сегодня на Западе эта традиция не угасла. К сожалению, в Советском Союзе она была предана совершенному забвению. Постыдные речи партийных боссов, которые читались по бумажке, не могли вызвать у слушателей ничего, кроме иронической усмешки. В сегодняшней России искусство устных выступлений, кажется, возрождается. Одним из свидетельств тому является огромное количество сайтов, посвященных риторике, открывается множество школ и курсов для обучения ораторскому

мастерству, печатаются соответствующие пособия.

Каковы же основные особенности этого жанра устной речи? На первое место в выступлении выходят принципы отбора и расположения материала, а вместо методов его драматической подачи основное внимание уделяется способам логической аргументации. В части отбора и распределения материала можно выделить следующие направляющие.

В выступлении обычно должно выделяться одно центральное утверждение, вокруг которого строится вся доказательная часть и которое становится ведущим фактором речи. Это утверждение может быть высказано в самом начале либо к нему подводит вся предыдущая аргументация, но оно должно составлять его центральную кульминационную часть. Главный тезис может быть разбит на несколько частей, но где-то он должен быть сформулирован цельным образом, желательнее в краткой и афористической форме. Утверждению и доказательству центрального тезиса и должна быть посвящена вся речь. Примером такого рода выступления (с моей точки зрения – идеальным примером) служит уже упоминавшаяся речь Марка Антония из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

Она начинается словами¹:

«Друзья и соотечественники, выслушайте меня...

Явился я сюда, чтобы похоронить Цезаря, а не хвалить его...»

А заканчивается так:

«Антоний хотел бы облизать все раны на теле Цезаря,
Те раны, что взывают к мщению перед камнями Рима».

В промежутке Антоний последовательно выстраивает доводы, показывающие величие Цезаря, его деяния, возвысившие империю и принесшие благосостояние ее гражданам. Одновременно он рисует подлость и предательство его противников и убийц, а среди них нескольких близких друзей Цезаря, которым он всячески покровительствовал. В результате его речи римские граждане поднимаются и мстят преступникам, изгоняя их из города.

Форма и содержание наполняют речь смыслом и красотой. Форма и содержание, безусловно, влияют друг на друга. Они неотделимы. Необходимо добавить, что оратор должен превосходно владеть своей тематикой,

¹Цитаты даны в моем переводе.

это позволит ему грамотно и уверенно излагать свои мысли. Кроме того, речь должна быть яркой, насыщенной; она должна запоминаться.

Для успешного выступления желательно составить план. В структуре плана следует предварить каждое новое суждение доводом, обоснованным ранее. М. М. Сперанский писал: «Одна мысль должна содержать в себе семю другой. Оратор должен испытывать чувство уверенности в истинности каждого из приводимых им аргументов» [4].

В истории России было много замечательных ораторов. Среди них выделялся Анатолий Федорович Кони (1844–1927), известный юрист и писатель. Он оставил нам записки о том, как надо выступать с речами. Вот несколько выдержек из этих записок.

«§2

Следует одеться *просто и прилично*. В costume не должно быть ничего вычурного и кричащего (резкий цвет, необыкновенный фасон); грязный, неряшливый костюм производит неприятное впечатление. Это – важно помнить, так как *психическое действие на собравшихся начинается до речи, с момента появления лектора перед публикой*.

§3

Перед каждым выступлением следует *мысленно пробежать* план речи, так сказать, всякий раз приводить в порядок имеющийся материал. Когда лектор сознает, что хорошо помнит все то, о чем предстоит сказать, то это придает ему бодрость, внушает уверенность и успокаивает.

§4

Лектору, в особенности начинающему, очень мешает боязнь слушателей, страх от сознания, что речь окажется неудачной, то тягостное состояние души, которое хорошо знакомо каждому выступающему публично: адвокату, певцу, музыканту и т.д. Все это, с практикой, исчезает в значительной мере, хотя некоторое волнение, конечно, бывает всегда.

Чтобы меньше волноваться перед выступлениями, надо быть более уверенным в себе, а это может быть только при лучшей подготовке к лекции. Чем лучше владеешь предметом, тем меньше волнуешься. *Размер волнения обратно пропорционален затраченному на подготовку труду* или, вернее, результату подготовки. Невидимый ни для кого предварительный труд – основа уверенности лектора. Эта уверенность тотчас же повысится во время самой речи, как только лектор почувствует (а почувствует он непременно и вскоре же), что говорит свободно, толково, производит впечатление и знает все, что еще осталось сказать».

Также следует упомянуть о жестах и иных внеязыковых элементах публичных выступлений. По сравнению с устным рассказом к ним следует обращаться редко, только на пике самых эмоциональных моментов выступления. Об этом же пишет и Кони: «*Жесты* оживляют речь, но ими следует пользоваться осторожно. Выразительный жест (поднятая рука, сжатый кулак, резкое и быстрое движение и т.п.) должен соответствовать смыслу и значению данной

фразы или отдельного слова (здесь жест действует заодно с тоном, удваивая силу речи). Слишком частые, однообразные, суетливые, резкие движения рук неприятны, приедаются, надоедают и раздражают» [5].

Научные доклады

Научные доклады – совсем иная статья. По сравнению с рассказом и публичными речами они кажутся пресными и монотонными. Но интерес в них есть, хотя он определяется совершенно иными факторами – новизной приводимых в докладах научных фактов и их умелой подачей. По содержанию они в большинстве своем непонятны непосвященным – публике, не имеющей отношения к науке, и даже ученым, непричастным к затронутым в сообщении проблемам. Их назначение – распространять научные знания. Поэтому основное место в них следует уделять не посторонним или даже околонучным рассуждениям, но описанию тех новых фактов, ради которых пишется доклад. В этом плане ведущими для нас должны стать слова Антони ван Левенгука (1632 – 1723), открывшего микроскоп, а с его помощью мир невидимых глазу микробов. Он писал: «Следует воздержаться от рассуждений, когда говорит опыт».

Зато опыт должен быть тщательно организован, его результаты проверены и перепроверены, прежде чем они попадают в научный доклад. Сегодняшний мир преклоняется перед наукой, потому что она сделала наше существование более достойным и комфортным. На науку отпускаются огромные средства, ученые окружены заботой и почетом. Они систематически собираются на разного рода встречи и конференции, где выступают с докладами. К сожалению, значимость таких встреч в последнее время резко упала. Большинство докладов, которые там произносятся, ни о чем не говорят, либо говорят о совершенно незначительных вещах. Между тем опыт добросовестных ученых свидетельствует о необходимости еще и еще проверять факты, полученные в эксперименте, – прежде, чем сделать их публичным достоянием.

Приведу лишь один пример добросовестного отношения к открытиям и новациям, полученным в науке. Немецкий физик Вильгельм Рентген (1845 – 1923) изучал в своей лаборатории электрические разряды в стеклянных вакуумных трубках. Вечером 8 ноября 1895 года он погасил приборы и собирался покинуть комнату, как вдруг увидел в темноте светящееся пятно. Светился экран из синеродистого бария. Отчего это он светился, ведь ученый выключил катодную трубку, могущую подавать энергию? Да еще и экран закрыт

чехлом. Оказывается, катод он забыл отключить, но каким образом происходит свечение, если экран изолирован плотным чехлом, да еще промежуток между источником энергии и экраном достигал одного метра? Так были открыты рентгеновские лучи, перевернувшие нашу жизнь во многих ее проявлениях.

Однако ученый не бросился сообщать о своем открытии. Он начал подробно изучать природу вновь открытого излучения. Чего только он не обнаружил уже на первых порах. Оказывается, лучи, им открытые, проходят не через все сферы одинаково. На их пути встала рука ученого, а на экране отпечатались кости этой руки. Он напряженно работал пятьдесят дней, проверяя все возможные предположения, приходившие ему на ум. Лишь к новому году он сел за стол, описал все сделанные им опыты и раскрыл ученому миру новую область исследований. Сейчас рентгеновские лучи широко применяются во многих науках, в частности, в медицине, в кристаллографии, в изучении космоса.

На этом же примере мы можем показать еще одну особенность научных сообщений: они часто и обильно сопровождаются иллюстрациями, как картинками, так и чертежами (графиками, схемами и диаграммами). Также и Рентген сопровождал свой небольшой тридцатистраничный доклад фотографиями. В их числе была фотография кисти руки его жены, выполненная под рентгеновским излучением. Эта фотография произвела самый большой фурор, особенно в кругах непрофессионалов, – никто до того не видел ничего подобного и не представлял, что такое возможно. Сегодняшние доклады обильно снабжаются иллюстративным материалом, тем более, что компьютер дает возможность легко демонстрировать слайды любого содержания в ходе устного сообщения. Возник даже новый термин: Power Point Presentation (лекция с помощью компьютерной программы Power Point).

Еще один характерный штрих: научный доклад, произносимый устно, наибольшим образом схож с его письменной родственницей, с научной статьей. Как я пытался доказать, «наука не терпит суеты», и оба ее отражения (устное и письменное) мало отличаются друг от друга.

Жанры письменной речи

Таких жанров и их подразделений – множество. Как и в случае с устной речью, я не намерен останавливаться на каждом из них. Хочу только подчеркнуть некоторые из них, непараллельные устным жанрам, к которым мы обращались выше. Я решил обратить

ваше внимание на *поэзию*, на *сочинение на заданную тему* и на *дневниковый* и *эпистолярный* (написание писем) жанры.

Поэзия

Было бы непростительно не сказать нескольких слов о *поэзии*. Это самый изысканный языковой жанр и самый привлекательный для знатоков. Слова Марины Цветаевой «Мои стихи, как драгоценным винам, настанет свой черед» как нельзя лучше отражают мою точку зрения. Как драгоценные вина, хорошие стихи можно пробовать на вкус. Подлинные поэты (а это очень большая редкость!) живут в языке. Они дышат словами и выдыхают их в виде стихов. Поэзия покрывает огромный диапазон высказываний, от абсолютно ясных и прозрачных:

«Мороз и солнце, день чудесный;
Еще ты дремлешь, друг прелестный...»
(А. С. Пушкин)

до сравнительно сложных для понимания:

«Ах, ничего я не вижу, и бедное ухо оглохло,
Всех-то цветов мне осталось лишь сурик да хрип-
лая охра.
И почему-то мне начало утро армянское снится,
Думал – возьму посмотрю, как живет в Эривани
синица».
(Осип Мандельштам. Из цикла стихов,
посвященных Армении)

Из всех языковых впечатлений, мне известных, наиболее сильным по эмоциональному воздействию на человека я считаю воздействие поэтическое. Речь, разумеется, идет о подлинной поэзии, наряду с ней существует и рифмоплетство. В истории литературы известны научные трактаты, написанные «стихами», но скорее следует сказать – «в рифму». Я рассказываю не о них и не о слабой поэзии, не отвечающей своему назначению – поднимать человека эмоционально, воодушевлять его. В поэзии, как ни в каком ином литературном жанре, не только не возбраняется, но всячески поощряется использование слов не по назначению, использование троп и стилистических фигур. Но в определенных пределах...Переход некоторой черты, когда стилистические изыски становятся самоцелью, убивает поэзию в том смысле, который подразумевается сказанным выше.

Сочинение на заданную тему

Это жанр учебный, и он располагается на другом – противоположном поэзии – фланге литературного фронта. Им пользуются в школах, чтобы научить школьников выражать свои

мысли на письме. Дело это трудное, и ему уделяется много времени и внимания. Ребятам учат выбирать тему сочинения (хотя чаще дают ее в принудительном порядке), предлагают им составить по этой теме план. На этом заканчиваются наставления и начинаются танталовы муки самого сочинительства. Разумеется, учеников знакомят с лучшими образцами русской прозы, их сочинения тщательно проверяются и поправляются, а затем по этому поводу устраиваются подробные обсуждения. Все это очень важно и нужно, только, как мне кажется, за бортом остается самое важное.

Самое важное в написании сочинений (это же касается и прочих прозаических и поэтических жанров) я бы определил словом *искренность*. Если в том, что вы пишете, присутствует ваша личность, в нем видна ваша заинтересованность, считайте, что больше половины дела сделано. Формальным правилам составления плана для будущего сочинения обучиться несложно, постепенно приходит и навык отбора нужных слов и фраз, но отсутствие личной заинтересованности в вашем произведении ощущается незамедлительно и моментально отвращает от него будущих читателей. Поэтому выбирайте из предложенных тем сочинения такую, которая бы вас задела, обеспечила бы ваше присутствие в написанном до завершения всего изложения. Все остальное постепенно, если не сразу, приложится.

В середине прошлого века в России был очень популярен американский писатель Джером Сэлинджер. Он написал небольшую повесть «Над пропастью во ржи», которая была переведена на русский язык и многократно переиздавалась. Повесть эта стала культовой, она отражала очень существенные черты своего времени. Вся она состоит из рассказа главного героя – мальчика по имени Холден. Мальчик этот не укладывался в общую колоду: его выгоняли из всех школ, где он учился; он не находил общего языка со своими родителями и сверстниками и был явным кандидатом в исправительное заведение. Но у него было одно достоинство. Он хорошо писал по-английски, а в написанном он был предельно искренним. Вот выдержки из одного диалога Холдена с учителем, который ему симпатизировал.

Учитель в беседе с ним по поводу выбора темы для сочинения говорит:

«Слушай, Холден... Могу я задать тебе короткий, несколько старомодный педагогический вопрос: не думаешь ли ты, что всему свое время и свое место? Не считаешь ли ты, что, если человек начал рассказывать про отцовскую ферму, он должен придерживаться своей темы, а в другой раз уже рассказать про болезнь дяди?...»

На что Холден отвечает:

«Да, наверно. Наверно, это так. Наверно, надо было взять темой дядю, а не ферму, если ему про дядю интереснее. Но понимаете, чаще всего ты сам не знаешь, что тебе интереснее, пока не начнешь рассказывать про неинтересное. Бывает, что это от тебя не зависит. И, по-моему, надо дать человеку выговориться, раз он начал интересно рассказывать и увлекся. Очень люблю, когда человек с увлечением рассказывает. Это хорошо» [6: 129].

Это, действительно, хорошо. Поэтому следовать мудрым советам по поводу того, как писать сочинение, конечно, надо, но еще важнее следовать своему внутреннему чувству, которое должно всегда присутствовать при написании тех или иных литературных произведений. То же самое преподавала и Любовь Кабо, легендарная учительница литературы одной из московских школ:

«Чего вы боитесь, бледные от страха, потные от изнурения, выпускники и абитуриенты? Собственных слов? Обкладываетесь шпаргалками – заведомо не свое, запасаетесь книгами, которыми услужливо завален рынок, – «100 лучших сочинений», – так ведь не своих же!.. Я вовсе не на моральные темы веду беседу – дескать, списывать нехорошо. Ну, нехорошо, только я-то не о том: *списывать – глупо*. Есть слова свежие, есть – с душком, а вы так и тянетесь к слову заезженному, стереотипному, залежалому на дальних полках позавчерашнего спроса.

Вот так и запишем в первый пункт нашей памятки: *писать надо самостоятельно*. Вовсе не оригинальничать ради оригинальничанья, это всегда видно и всегда противно, писать просто и серьезно и, главное, *самостоятельно* изложить то, что вы сами думаете о данном предмете» [7].

Эпистолярный жанр и дневниковые записи

Искренность на письме обеспечивается еще и выбором литературного жанра. «Самыми искренними» жанрами являются, разумеется, жанр эпистолярный и дневниковые записи, поскольку они в принципе не предназначены для публичного обозрения, а составляются для себя либо для близких к автору людей.

Эпистолярный жанр – это попросту написание писем и переписка с их помощью. Слово *эпистолярный* происходит от греческого *epistolē*, что обозначает «письмо», «послание». Следует не смешивать этот термин с *эпистолярным романом*, который хотя и воспроизводит переписку между персонажами произведения, но переписку, сочиненную автором, а не самими вымышленными героями. Жанр переписки был когда-то очень популярным. Это было в те времена, когда почта служила единственной ниточкой, связывавшей людей, проживавших далеко друг от

друга. Работала она медленно, тем более приятны были письма, полученные издали и сообщавшие о жизненных перипетиях и настроениях людей, мнение которых вы ценили. Да и автор послания, зная о том, что оканчиваясь в будущем не скоро, писал длинные и иногда весьма изощренные и похожие на развернутые рассказы сочинения.

Любопытно, что когда-то обмен письмами служил ученым разных стран Европы единственным источником научной информации. С его помощью ученые узнавали, чем занимаются их ближайшие коллеги по исследованиям, каковы их успехи и что они предлагают. Были даже люди, которые посвящали себя «почтовой деятельности» по обеспечению такого рода переписки. Так, в XVII веке в Париже жил аббат Мерсенн, философ и математик, соученик Декарта по иезуитской коллегии Ла Флеш. Он служил «почтовым ящиком» для многих ученых. Мерсенн, который состоял в активной переписке с выдающимися умами своего времени, жившими во Франции и за ее пределами, копировал и пересылал их письма тем людям, которые могли ими заинтересоваться. Его «клиентами» были в основном математики, среди которых выделялись Декарт, Паскаль, Ферма, Гюйгенс и Торричелли.

Но в основном письма пишутся в расчете на одного адресата, которому автор максимально доверяет и сообщает все свои заботы и соображения. Поэтому эпистолярный жанр и является столь конфиденциальным и доверительным. Письма, как было сказано, могли достигать размеров рассказа или даже небольшой повести, и в них автор раскрывался до пределов возможного. К сожалению, сегодня этот жанр утрачивает свое значение, но не потому, что люди стали менее талантливыми в написании своих посланий, а по ряду технических и социальных причин.

Об этом несколько ниже. Прежде я хочу сказать, что по уровню доверительности есть еще один жанр письменных сообщений, который не только не уступает переписке, но даже превосходит ее. Это дневниковые записи. Если в письмах вы доверяетесь еще кому-то, то в дневнике вы «переписываетесь» с самим собой. Вы просто изливаете на бумагу свои мысли и наиболее яркие впечатления. К тому же вы не придерживаетесь никаких внешних формальных правил и пишете искренне, «как на духу». К сожалению, и этот жанр в последнее время начинает увядать и опять-таки по причинам социального порядка, а не потому, что он перестал привлекать своей раскованностью и интимным характером.

Дело в том, что наше время (особенно ощутимо в только что прошедшем XX веке)

оказало свое деструктивное, разрушительное влияние и на оба обсуждаемых жанра. Тоталитарные режимы (а их было в избытке в этот период) не только не считались с интимным характером личной переписки и дневниковых записей, но почти в открытую охотились за ними и предъявляли их в качестве доказательств «противоправной деятельности» либо враждебных намерений авторов. Письма перехватывались и перлюстрировались на почте, а затем поступали в органы подавления. Страх вынуждал людей отказываться от любых личных суждений критического по отношению к режиму характера, они прекращали свободную переписку. Даже дневники изымались и становились обвинительным материалом. Граждане тоталитарных стран перестали доверять собственные мысли и дневникам. Да и в демократических странах перлюстрация переписки часто превращалась в средство борьбы с противником.

Указанное обстоятельство дополнилось недавно новым фактором, который внес свою лепту в перманентное угасание рассматриваемых жанров. Я имею в виду изобретение компьютеров, а на их базе – внедрение Всемирной Сети для передачи сообщений. К этому подоспело еще и массовое использование сотовых телефонов и передача с их помощью коротких сообщений, так называемых SMS (Short Message Service – служба коротких сообщений). Думаю, моим читателям не надо объяснять, что это такое. На всякий случай поясню, что с помощью обычного мобильного телефона можно отправить короткое сообщение, и оно немедленно дойдет до другого такого же телефона почти в любой точке земного шара. Размеры телефонного экрана и кропотливый набор букв затрудняют посылку развернутых сообщений, и они по необходимости становятся максимально краткими. Отсюда и гибель нормальной переписки, которая в принципе не ограничивает объем посланий: в куцей SMS-записке не очень-то выразишь бушевающие тебя чувства.

Вот эти-то обстоятельства и привели к резкому упадку эпистолярного жанра. Ниже я помещаю заметку из Интернета о проведенном в Китае исследовании, которое однозначно указывает на его (жанра) постепенное исчезновение:

«По мере широкого распространения обычных и мобильных телефонов и сети Интернет, письма, написанные от руки, постепенно уходят в прошлое. Результаты выборочного опроса в Шанхае, проведенного недавно центром общественных исследований газеты «Цзефан жибао» и исследовательской компанией «Шэньчжоу», показывают, что в общении с родными и друзьями доля тех, кто звонит по обычным и мобильным телефонам и посылает краткие

сообщения, составляют соответственно 87,2%, 41% и 23,8%. *Только 2,2% людей продолжают писать традиционные письма.*

Анализ опроса показывает, что возраст и образовательный уровень играют важную роль в выборе формы общения. Очень незначительная часть лиц моложе 35 лет пишет письма и звонит по обычным телефонам, большинство из них пользуется мобильной связью и посылает краткие сообщения. Доля пользователей обычных телефонов среди респондентов (участников опроса. – А. С.), имеющих высшее образование (включая тех, кто прошел трехлетний курс специального обучения в вузах), меньше доли тех, у кого более низкий уровень образования. Доля тех, кто пользуется мобильной связью и посылает краткие сообщения, у первых выше аналогичного показателя у вторых. В использовании сети Интернет для общения – пропорции и тенденции те же самые.

Согласно данным опроса 86,2% респондентов отмечают, что без современных средств общения уже не обойтись. На вопрос, не обидно ли, если в течение дня вам не позвонили и не послали краткого сообщения, около половины опрошенных признали, что обидно: «На самом деле нам обидно потому, что мы привыкли к общению с помощью обычных и мобильных телефонов, сети Интернет. Если нам не звонят, не посылают кратких сообщений и нет писем в электронной почте, это означает, что мы мало общаемся с людьми» [8].

По всей видимости, те же самые тенденции наблюдаются и в отношении ведения дневников, но там главной причиной упадка жанра является страх перед репрессивной силой государственной машины, активно внедряющейся в личную жизнь своих подданных. Кроме того, прекращение жанра переписки и переход на «крайне деловые» и мало эмоциональные формы письма отрицательно воздействуют на навыки письма вообще (да и чтения тоже).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соломоник А. О языке и языках. М.: Спутник+, 2017. 394 с.
2. О проекте «Путешествия по Сибири с Леонидом Боровиковым». URL: <http://littera.websib.ru/borovikov/project.html> (дата обращения: 15.12.2007).
3. Андроников И. Л. Я хочу рассказать вам... URL: http://dere.com.ua/library/andronnikov/ust_memuar.shtml (дата обращения: 15.12.2007).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Соломоник А. Логика знаковых систем разных типов (на примере логик высказывания и жанров речи) // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 6–20. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-6-20

4. Родной язык и речь. Риторика: в 3 ч. Ч. III: учеб. пособие для студентов. Н. Новгород: Нижегород. гос. лингв. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2007. 157 с. URL: <http://www.ustinow.ru/stat/orator.htm> (дата обращения: 15.12.2007).

5. Кони А. Ф. Советы лекторам. URL: <http://www.orator.biz/> (дата обращения: 15.12.2007).

6. Сэлнджер Дж. Над пропастью во ржи. М.: Молодая гвардия, 1963. 256 с.

7. Кабо Любовь. Как писать сочинение. Памятка для учащихся средних школ. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199904301> (дата обращения: 15.12.2007).

8. Эпистолярный жанр уходит от нас // Газета «Жэньминь жибао» он-лайн. URL: <http://russian.xjts.cn/RUSSIAN> (дата обращения: 15.12.2007).

REFERENCES

1. Solomonik A. *O yazyke i yazykakh* [On language and languages]. Moscow, Sputnik+ Publ., 2017. 394 p. (in Russian).
2. *O projekte «Puteshestviya po Sibiri s Leonidom Borovikovym»* (About the project “Traveling on Siberia with Leonid Borovikov”). Available at: <http://littera.websib.ru/borovikov/project.html> (Accessed 15 December 2007) (in Russian).
3. Andronikov I. L. *Ya khochu rasskazat' vam...* [I want to tell you...]. Available at: http://dere.com.ua/library/andronnikov/ust_memuar.shtml (Accessed 15 December 2007) (in Russian).
4. *Rodnoy yazyk i rech'. Ritorika. Chast' III* (Mother tongue and speech. Rhetoric. Part III). Nizhny Novgorod, Linguistics University of Nizhny Novgorod, 2007. 157 p. Available at: <http://www.ustinow.ru/stat/orator.htm> (Accessed 15 December 2007) (in Russian).
5. Koni A. F. *Sovety lektoram* (Advice to lecturers). Available at: <http://www.orator.biz/> (Accessed December 2007) (in Russian).
6. Salinger J. D. *Nad propast'yu vo rzhi* [The catcher in the rye]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1963. 256 p. (in Russian).
7. Kabo Lyubov'. *Kak pisat' sochineniye. Pamyatka dlya uchashchikhsya srednikh shkol* (How to write an essay. Memo for students of secondary schools). Available at: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=199904301> (Accessed 15 December 2007) (in Russian).
8. *Epistolarnyy zhanr ukhodit ot nas* [Epistolary genre leaves us]. *Gazeta «Zhen'min' zhibao» on-layn* (Newspaper “Zhen'min' zhibao” on-line). Available at: <http://russian.xjts.cn/RUSSIAN> (Accessed 15 December 2007) (in Russian).

Статья поступила в редакцию 5.11.2017

For citation

Solomonik A. Logic of Sign Systems of Different Types (on Example of the Logic of Statement and Genres of Speech). *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 6–20. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-6-20.

УДК 81.38+929[Бахтин+Реформатский]

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24

В. М. Алпатов
Москва, Россия

Vladimir M. Alpatov
Moscow, Russia

РЕФОРМАТСКИЙ И БАХТИН О ЖАНРАХ РЕЧИ

REFORMATSKIY AND BAKHTIN ON SPEECH GENRES

Работа М. М. Бахтина о речевых жанрах хорошо известна. Но эта проблема изучалась и другим выдающимся русским ученым А. А. Реформатским в книге «Техническая редакция книги. Теория и методика работы», опубликованной в 1933 г. (работа Бахтина была написана двадцатью годами позже). В отличие от Бахтина Реформатский изучал лишь часть жанров – жанры книги, но его классификация была более детальной и определяла основные черты жанров в зависимости от целей их публикации.

The M. M. Bakhtin's work on speech genres is well-known. However this problem was examined by other outstanding Russian scholar A. A. Reformatskiy in his book «Technical editing of a book. Theory and method of work» published in 1933 (Bakhtin's work was written twenty years later). Unlike Bakhtin Reformatskiy studied only a part of genres – genres of books – but his classification was more detailed and fixed main features of different genres depending on the aims of their publication.

Ключевые слова: А. А. Реформатский, М. М. Бахтин, жанр, речевые жанры, книга, тип и жанр изданий.

Key words: A. A. Reformatskiy, M. M. Bakhtin, genre, speech genres, book, type and genre of editions.

Сведения об авторе: Алпатов Владимир Михайлович, доктор филологических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник, заведующий центром социолингвистики.

Место работы: Институт языкознания РАН, Москва

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

ORCID: 0000-0003-4323-2832

About the author: Alpatov Vladimir Mikhailovich, Doctor of Philology, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Head of the Center for Sociolinguistics.

Place of employment: Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Moscow.

E-mail: v-alpatov@ivran.ru

ORCID: 0000-0003-4323-2832

Как известно, активно ведущиеся в последнее время в нашей стране исследования жанров речи развивают идеи М. М. Бахтина, высказанные им в работе «Проблема речевых жанров», написанной предположительно в 1953 году. Она дошла до читателя лишь через четверть века, уже после смерти автора, но к настоящему времени несколько раз издавалась в оригинале и переведена на другие языки, ее активно используют.

Она надолго была забыта, и вспомнил впервые о ней ученик Реформатского М. В. Панов, подготовивший новое издание ее фрагментов в составе сборника [2] (полностью она с 1933 г. не переиздавалась). А сейчас она вместе с близкими по тематике неизданными работами А. А. Реформатского тех лет стала темой специальной диссертации Е. А. Ивановой [3].

Однако можно отметить и некоторые другие пионерские исследования, посвященные если не совсем тем же, то сходным проблемам. В том числе это книга А. А. Реформатского «Техническая редакция книги. Теория и методика работы» [1], ставшая первой крупной публикацией этого ученого (далее ссылки на нее в тексте с указанием лишь номеров страниц). Впоследствии книга, изданная в Государственном издательстве легкой промышленности, оказалась в тени последующих публикаций того же автора, затем резко изменившего тематику исследований.

Само по себе имя А. А. Реформатского хорошо известно: до сих пор переиздается его классический учебник «Введение в языковедение», значимыми остаются и его фонологические труды. Но это более поздние его сочинения, написанные после 1934 г., когда он перешел на преподавательскую, а затем на научную работу. А перед этим, после окончания Московского университета и обучения в аспирантуре РАНИОН, он несколько лет (с 1925 г.) занимался редакторской и книговедческой деятельностью. Его уход в эту сферу во многом был вынужденным (надо было зарабатывать на жизнь, а научных и пре-

подавательских вакансий было мало), однако и здесь он нашёл немало интересных тем для обдумывания и исследования.

«Техническая редакция книги» – весьма солидное издание объемом более 300 страниц (две главы книги написал М. М. Каушанский). В нем всесторонне рассматривается весь процесс издания книги. Речь идет об архитектонике книги, шрифтах, заголовках, обложке, вычитке, корректуре и др. Однако значительная часть издания выходит за рамки чисто технических проблем. Уже отмечалось, начиная с М. В. Панова, что там содержится интересная семиотическая концепция на примере анализа структуры книжного издания. Помимо идей Ф. де Соссюра (книга которого была впервые издана по-русски в переводе А. М. Сухотина, друга А. А. Реформатского, как раз в 1933 г.), становление семиотических взглядов А. А. Реформатского в этой области со студенческих и аспирантских лет происходило и под влиянием идей Э. Гуссерля, ставших ему известными благодаря Г. Г. Шпету. Недаром в годы, когда Э. Гуссерля у нас считали «реакционным философом», да и просто редко вспоминали, А. А. Реформатский сочувственно упоминал его идеи в своём учебнике [4: 22–23]. Семиотические идеи учёный применил к совершенно новой сфере – структуре книжного издания, где он разделил две стороны книги: книгу как физическую вещь и идеологическую вещь (имеется в виду её содержание), и рассмотрел соотношение между этими двумя сторонами книги. Много говорится об особенностях письменного варианта языка, которые в то время часто игнорировались. Это было свойственно даже Ф. де Соссюру, рассматривавшему письменность лишь как «чуждую внутренней системе языка» «технику, с помощью которой фиксируется язык» [5: 62]. У А. А. Реформатского показано, чем графический знак отличается от звукового знака, рассмотрены различия графического и фонетического слова, особенности пунктуации и др.

Очень важным было и положение А. А. Реформатского о том, что письменная речь, как и устная, должна изучаться не «вообще», а в её конкретных жанровых признаках, где можно видеть переклички с высказанными позже идеями М. М. Бахтина. Раздел в начале книги (21–24) посвящен «признакам, определяющим тип издания с издательской точки зрения» (21). На этот тип влияют два фактора. Во-первых, это тема книги; от нее зависит выбор шрифтов, наличие или отсутствие иллюстраций, иногда даже формат. Во-вторых, даже при одной и той же теме различными могут быть цели издания. В связи с этим по «целеустановке» перечисляется девять типов изданий. Это научно-теоретические, производственные,

научно-популярные, массовые, учебные, справочные издания, циркуляры, художественная литература, детская литература (22). Внутри этих типов могут быть выделены специфические издательские жанры; примерами жанров являются монографии, справочники, учебники, сборники (23). Указывается, что между жанрами могут быть переходные виды, но какой-то один из них преобладает.

А. А. Реформатский останавливается на значении термина «жанр», отмечая, что жанр – «термин, принятый во всех областях искусствознания (литература, музыка, живопись)», в связи с чем приводится определение жанра из советской Литературной энциклопедии (23). Однако очевидно, что понимание жанра у автора книги более широкое (тем более что в энциклопедии речь идет только о литературе), но, видимо, тогда автор не мог больше найти где-либо определения жанра. Указано, что на разграничение жанров, в числе прочего, влияет тип читателя: его социальная группа, возраст, пол, уровень развития, наличие или отсутствие навыков чтения.

Далее (24–27) рассматриваются принципы организации текста в разных типах и жанрах. Научная книга, ориентирующаяся на интеллектуальное восприятие, отличается строгостью, присутствием терминов. Справочник также рассчитан на интеллектуальное восприятие, но фразы там короче и большое место занимают схемы, цифры, таблицы. Производственная литература рассчитана на более широкого читателя, чем научно-теоретическая, но там также встречаются термины. Научно-популярная книга пишется наглядно, образно, общедоступно. Агитационно-пропагандистская литература воздействует на чувства и волю, поэтому она также образна, но при этом предпочтительны короткие фразы, что в научно-популярных текстах не обязательно. В художественной литературе особые приемы и особые средства языка. Художественные приемы оказываются нужными и в детской литературе. В книгах для малограмотных пишут простыми короткими фразами с пояснениями многих слов. Учебная и научно-популярная литература могут иметь одинаковое содержание, но учебник систематизирует, а научно-популярный текст описывает явление в целом. Роман читают быстро, учебник медленно, научно-популярная литература в этом плане где-то посередине. Справочник читают выборочно, а стихотворение, чтобы его понять, надо читать целиком. Много в перечисленных формулировках может показаться тривиальным, но, безусловно, всё это необходимо сформулировать для типологии книжных текстов.

После этого А. А. Реформатский (27–35) рассматривает, как эта типология определя-

ет оформление книги. Говорится о формате (он больше у изданий длительного пользования), шрифте (простой и художественный шрифт), кегле, о курсиве и «черном шрифте» (курсив не годится для массовых изданий, «черный шрифт», наоборот, там выгоден), о наличии или отсутствии полей (полезны в учебнике, где на полях бывает нужно писать, но не в справочнике) и др.

На основе всего этого предложена практическая номенклатура типов изданий (37–55). Помимо более крупных классов, описанных выше, выделены такие дробные разновидности письменных текстов, как производственная литература для рабочих разной квалификации и специалистов разной квалификации, учебники для разных классов, учебная литература иного рода (сборник упражнений, хрестоматия) и др.

Всё это имеет определенное сходство с выделением жанров речи в более поздней работе М. М. Бахтина. На это обратила внимание Е. А. Иванова в диссертации, впервые сделав этот вопрос предметом научного исследования.

М. М. Бахтин, безусловно, ничего не знал о сочинении А. А. Реформатского, в начале 1950-х гг. совсем забытом (впервые обратил на него внимание тот же М. В. Панов в книге [6]). Отмечу, что в опубликованных черновиках и конспектах М. М. Бахтина времени работы над «Проблемами речевых жанров» А. А. Реформатский в отличие от принадлежавших к той же Московской школе В. Н. Сидорова и Р. И. Аванесова не упоминается. Можно говорить лишь о сходствах и различиях двух написанных независимо друг от друга работ.

Разумеется, постановка задачи у М. М. Бахтина шире. Он пишет: «Каждая сфера использования языка вырабатывает свои *относительно устойчивые типы* таких высказываний, которые мы и называем *речевыми жанрами*» [7: 159]. То есть речь идет обо всех сферах использования языка, тогда как у А. А. Реформатского задача ставится много уже: говорится (исключая одну фразу на стр. 23, где речь идет об общем понятии жанра) только о жанрах книги.

Понятие жанра у А. А. Реформатского далее сужается еще больше: разбиение видов изданий производится по трем уровням. Вначале выделены «типы изданий», затем «издательские жанры», которые могут далее делиться на ещё более дробные классы вроде учебников, сборников упражнений, хрестоматий. Жанром именуется лишь класс изданий среднего уровня. У М. М. Бахтина все упоминаемые им жанры выделяются на одном уровне как нечто равноправное, без дальнейших разбиений. Он вовсе не разбирает

вопрос о различии жанра и его разновидности. Последние иногда упоминаются: например, говорится о жанре письма «во всех его разнообразных формах» [7: 159], но на данном вопросе автор работы не останавливается.

И тот и другой автор в то же время не были удовлетворены слишком узким, на их взгляд, пониманием жанра в существовавшей к тому времени науке. М. М. Бахтин отмечал, что ранее никогда не ставилась «общая проблема речевых жанров», а исследовались преимущественно литературные жанры [7: 160]. И А. А. Реформатский, как отмечено выше, указывал, что *жанр* – «термин, принятый во всех областях искусствознания», но не в той области, которую он изучает.

А. А. Реформатский не определил границы явлений, к которым применим данный термин, но следует отметить расширение этих границ в сторону, не предусмотренную у М. М. Бахтина. Он упоминает жанры не только в литературе, но и в музыке и живописи. Этот термин действительно распространен, помимо литературоведения, и в музыковедении и искусствоведении, и его понимание везде достаточно сходно. Здесь М. М. Бахтин, рассматривавший не жанры вообще, а «речевые жанры», учитывал лишь вербальные средства передачи информации. Но А. А. Реформатский подходил к проблеме с семиотической точки зрения, где, как отмечено выше, на него повлияли идеи Э. Гуссерля и Г. Г. Шпета; несомненно и влияние идей Ф. де Соссюра.

Таким образом, если М. М. Бахтин включал в систему речевых жанров все существующие и потенциально возможные высказывания, то А. А. Реформатский имплицитно выделял два уровня исследования. Это общий уровень, включающий в отличие от М. М. Бахтина не только вербальные, но и невербальные явления, и уровень конкретной группы типов и жанров – типов и жанров книги.

Классификация жанров у М. М. Бахтина принципиально не претендует на то, чтобы быть исчерпывающей: по его словам, «богатство и разнообразие речевых жанров необозримо» [7: 159]. Приводятся лишь отдельные иллюстративные примеры: «короткие реплики бытового диалога», письмо, военная команда, приказ, «довольно пестрый репертуар деловых документов», «научные выступления» и «все литературные жанры от поговорки до многотомного романа» [7: 159–160]. Этот список, разумеется, далек от того, чтобы быть закрытым. У А. А. Реформатского на ограниченном плацдарме введен закрытый перечень типов и жанров книжных изданий. В отличие от М. М. Бахтина, разработавшего свою концепцию в самом общем виде, он не ограничился простым перечнем классов, но для

каждого из них выделил определяющие признаки. Всё-таки жаль, что эта детальная классификация оказалась забытой и не нашла отклика в отечественной науке.

Отмечу еще некоторые различия. Поскольку А. А. Реформатский занимался сравнительно узким классом однотипных жанров, ему не нужно было разграничивать жанры на первичные (простые) и вторичные (сложные), что делал М. М. Бахтин [7: 161–162]. Все рассматриваемые им жанры – вторичные. Другое разграничение М. М. Бахтина – стандартизованные и «свободные» жанры [7: 159] – в эксплицитном виде также отсутствует у А. А. Реформатского, однако у него постоянно отмечается большая стандартизация некоторых жанров (например, справочника) и меньшая стандартизация в других случаях.

Отмечу и отражение в книге А. А. Реформатского еще одной (также не эксплицируемой им) проблемы, важной для М. М. Бахтина, который пишет: речевые жанры «для говорящего индивидуума... имеют нормативное значение, не создаются им, а даны ему» [7: 183]. По этому поводу М. М. Бахтин спорил с Ф. де Соссюром [7: 183–184]. В разнообразном перечне типов и жанров у А. А. Реформатского присутствуют как типы и жанры, безусловно имеющие нормативное значение, так и жанры, которые во время публикации его книги формировались в СССР или приобретали новый вид по сравнению с дореволюционным временем. Например, у него особо отмечается жанр «производственных изданий», близкий к «массовому жанру», но требующий использования технических терминов. Разумеется, техническая литература издавалась и до революции, но она была рассчитана на специалистов, а теперь начал формироваться и соответствующий жанр, рассчитанный на рабочих. В 1933 г. в стране шла интенсивная работа по ликвидации неграмотности, причем в это время (в отличие от предыдущих и последующих лет) учебная и прочая литература, рассчитанная на людей с «отсутствием навыков чтения», предназначалась не только для детей, но и для взрослых. А. А. Реформатский особо останавливается на различиях изданий такого рода для детей и взрослых (25). В таких случаях «нормативное значение жанра» могло и не выработаться, хотя особые характеристики жанра могли присутствовать. Здесь специфический материал книги А. А. Реформатского уточняет сами

по себе верные принципы, позднее сформулированные М. М. Бахтиным.

Безусловно, изданная в 1933 г. работа А. А. Реформатского «Техническая редакция книги» и появившаяся на два десятилетия позже работа М. М. Бахтина «Проблема речевых жанров» независимо друг от друга отражали общие поиски решений важных лингвистических вопросов. Эти вопросы остаются актуальными и сейчас.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Реформатский А. А.* Техническая редакция книги. Теория и методика работы. М.: Гос. изд-во легк. пром-ти, 1933. 414 с.
2. *Реформатский А. А.* Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1987. 264 с.
3. *Иванова Е. А.* Лингво-семиотическая теория печатного текста А. А. Реформатского (по материалам работ издательско-полиграфического цикла начала 1930-х годов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 282 с.
4. *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. М.: Учпедгиз, 1967. 536 с.
5. *Соссюр Ф. де.* Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 695 с.
6. *Панов М. В.* И все-таки она хорошая. Рассказ о русской орфографии. М.: Наука, 1964. 171 с.
7. *Бахтин М. М.* Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. Работы 1940-х – начала 1960-х годов. М.: Русские словари, 1996.

REFERENCES

1. *Reformatskiy A. A.* *Tekhnicheskaja redaktsija knigi. Teorija i metodika raboty* [Technical edition of a book. Theory and methods of work]. Moscow, Gos. izd-vo legk. prom-ti, 1933. 414 p. (in Russian).
2. *Reformatskiy A. A.* *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 264 p. (in Russian).
3. *Ivanova Ye. A.* *Lingvo-semioticheskaja teorija pechatnogo teksta A. A. Reformatskogo (po materialam rabot izdatel'sko-poligraficheskogo tsikla nachala 1930-kh godov)* [Linguistic-semiotic theory of printed text by A. A. Reformatskiy (based on the materials of the publishing and printing cycle of the early 1930s)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2009. 282 p. (in Russian).
4. *Reformatskiy A. A.* *Vvedeniye v yazykovedeniye* [Introduction to Linguistics]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1967. 536 p. (in Russian).
5. *Saussure F. de.* *Trudy po jazykoznaniju* [Works on linguistics]. Moscow, Progress Publ., 1977. 695 p. (in Russian).
6. *Panov M. V.* *I vse-taki ona khoroshaja. Rasskaz o russskoj orfografii* [And yet it is good. About Russian spelling]. Moscow, Nauka Publ., 1964. 171 p. (in Russian).
7. *Bakhtin M. M.* *Sobranie sochinenij: v 5 t. T. 5. Raboty 1940-kh – nachala 1960-kh godov* [Works. Vol. 5. Works of 1940 – beginning of 1960]. Moscow, Russkie slovary Publ., 1997, vol. 5, pp. 159–206 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 06.11.2017

For citation

Alpatov V. M. Reformatskiy and Bakhtin on Speech Genres. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 21–24. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Алпатов В. М. Реформатский и Бахтин о жанрах речи // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 21–24. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-21-24

УДК 81.42
ББК 81.2Рус-5
DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-25-38

Е. З. Киреева
Тула, Россия

Elena Z. Kireeva
Tula, Russia

**ЖАНР КАК АКТУАЛИЗАТОР ТЕКСТОВОЙ
МОДАЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ
ДОКУМЕНТОВ РЕГИОНАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА)**

**GENRE AS A TEXTUAL MODALITY
ACTUALIZER (ON THE BASIS OF REGIONAL
LEGISLATION DOCUMENTS)**

Статья посвящена систематизации представлений о взаимосвязи речевого жанра и текстовой модальности. Актуальность работы обусловлена фрагментарностью изучения средств и способов экспликации модальности официального текста в речезанровом аспекте, а также прикладным характером исследования. Предпосылкой исследования послужила идея, что субъект документальной речи может «обнаруживать» себя прямо на уровне лексики и опосредованно через выбор форм грамматических категорий, т. е. через средства выражения текстовой модальности. В результате исследования выявлен двусторонний характер связи рассматриваемых феноменов: жанр определяет средства и способы выражения текстовой модальности и в то же время с их помощью создается. Типы РЖ коррелируют с типами текстов по характеру модальной доминанты на основании критерия общих интенций. Средствами выражения деонтической и эпистемической разновидностей модальности могут служить одни и те же языковые средства, в том числе средства выражения оценки. Открытая оценочность в РЖ не может быть безразличной для его успешного исполнения: прямо или косвенно она ему препятствует. От безошибочности выбора модальных средств зависит качество исполнения жанра, которое в правовом дискурсе может иметь юридические последствия.

Ключевые слова: речевой жанр, официальный документ, текстовая модальность, деонтический/эпистемический текст, оценка, качество исполнения жанра.

The article devote systematization of representations of the relationship between speech genre and text modality. The article is topical. There is the fragmentation of the study of means and methods of explicating the modality of the official text in the recantive aspect and applied research. The presupposition for the study was the idea that the subject of documentary speech can “discover” itself directly at the level of vocabulary and indirectly through the choice of forms of grammatical categories, namely through means of expressing the text modality. As a result of the research, the two-sided character of the connection between the phenomena in question was revealed: the genre determines the means and ways of expressing the text modality and at the same time creates it with their help. The research was revealed the two-way nature of the connection of the phenomena in question: the genre determines the means and ways of expressing the text modality and is created with their help at the same time. Types of speech genres correlate with the types of texts according to the nature of the modal dominant as a criterion of general intentions. Means of expressing the deontic and epistemic varieties of modality can be the same linguistic means, including means of expressing evaluation. Open evaluation in speech genres can't be indifferent to its successful execution. It directly or indirectly hinders this. The quality of the genre's execution depends the unmistakable choice of modal means, which can have legal consequences in legal discourse.

Key words: speech genre, official document, text modality, deontic/epistemic text, evaluation, quality of the genre performance.

Сведения об авторе: Киреева Елена Закировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры документоведения и стилистики русского языка. Место работы: Тульский государственный педагогический университет имени Л. Н. Толстого. E-mail: L89107032507@yandex.ru ORCID: 0000-0002-7440-6746

About the author: Kireeva Elena Zakirovna, Associate Professor, Department of Documentation and Stylistics of the Russian Language. Place of employment: Lev Tolstoy Tula State Pedagogical University. E-mail: L89107032507@yandex.ru ORCID: 0000-0002-7440-6746

Введение

Работа посвящена систематизации представлений о взаимосвязи речевого жанра (РЖ) как феномена речевой системности и текстовой модальности (ТМ) как языковой

универсалии, репрезентированной в тексте. Это становится возможным при: 1) рассмотрении очевидных параллелей в их изучении; 2) описании средств выражения текстовой модальности, типичных для жанров правового дискурса; 3) выявлении текстовых модальных

средств, которые влияют на правильность/неправильность исполнения жанра. Материалом исследования послужил массив подзаконных актов законодательства Тульской области (1995–2013 гг., общее количество 58 тыс. документов) [1] и данные «Словаря видов и разновидностей современной управленческой документации» [2], в котором отражена современная терминосистема в области управления документами (400 терминов) [Там же: 4].

Интерес к проблеме обусловлен и экстралингвистическими факторами. Комплексным междисциплинарным исследованием состояния и качества использования государственного русского языка (Институт проблем государственного языка) выявлены проблемы в создании и понимании текстов нормативных актов: «неопределенность и двусмысленность формулировок» [3], частичное (от 3,5 до 20% граждан) понимание текста правового акта [Там же]. Изучение категории модальности в тексте официального документа в речевом аспекте позволяет решить проблемы прикладного характера: выяснить (на уровне употребления языка) причины неправильного исполнения жанра.

1. Отношения речевого жанра и текстовой модальности

В категории модальности отражаются «сложные взаимодействия между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью» [4: 304]. Такая интерпретация становится возможной при подходе к этой категории как прагматической и коммуникативной. В структуре модальности выделяются следующие группы значений: по признаку реальность – ирреальность, по иллюкативной силе, по отношению говорящего к сообщаемому; значения необходимости и возможности [5]. Учеными признается условность противопоставления объективной и субъективной модальности [4: 304; 6: 41], которая становится особенно очевидной в тексте [7]. Модальность предстает как «комплексная и многоаспектная категория» [4: 304], как языковая универсалия [Там же], в которой отражается базовая характеристика человеческого мышления – «двойственность рассмотрения объекта и мира», т. е. их описание и изменение [8].

Модальность текста обусловлена интенциями автора текста и отражает его гносеологические, ментальные и психологические установки: описать мир, изменить его (в интерпретации Н. Б. Шершневой – изменить и/или сохранить [9: 9]) и дать ему оценку

[10: 105] «с целью повлиять на интеллект, волю и эмоции реципиента» [Там же: 101]. Эти же характеристики могут служить основой для выделения типов жанров, ср.: «Большинство типологий жанров являются, по сути, типологиями интенций» [11: 131]. Так, по Т. В. Шмелевой [12], основу типологии РЖ составляют 4 типа: информативные; оценочные; императивные; ритуальные. Ритуальные РЖ, вероятно, можно интерпретировать как частный случай синтеза информативных и оценочных жанров с очевидным доминированием последних. Л. Р. Дускаева выделяет в журналистском дискурсе информирующие, оценочные, побудительные жанры [13: 27].

Из этого следует, что: 1) одним из плодотворных оснований классификации РЖ служит характер модальной доминанты; 2) все РЖ оценочны, поскольку амодальных текстов (и типов текстов, т. е. жанров соответственно) не существует; 3) все РЖ субъективны. Последнее утверждение становится возможным при широком понимании субъективности как «разноаспектных представлений говорящего в речевом произведении» [14: 3]. Всеобщий характер лингвистической субъективности обусловлен антропо- и эгоцентричностью языка.

Актуализация модальности определяется жанровым типом текста [15]. Представляется, что такое видение связи рассматриваемых феноменов освещает один из ракурсов проблематики. Связь между категорией ТМ и РЖ органична и неразрывна и определяется их общей предназначенностью – способствовать эффективности коммуникации. С одной стороны, жанр диктует «разную степень свободы в развертывании содержательно-смысловой стороны сообщения, а также в выборе и использовании языковых средств» [16: 353], т. е. определяет средства и способы выражения текстовой модальности; с другой – сам РЖ создается, в том числе средствами текстовой модальности. Жанр исполняется правильно при условии безошибочности выбора средств выражения текстовой модальности.

В зависимости от аспекта рассмотрения текстовая модальность участвует в формировании триединства компонентов РЖ:

– темы РЖ. С позиций формирования смысловой организации текста ТМ, наряду с другими категориями, участвует в выявлении содержательно-концептуальной информации [7], в создании концептуально значимого смысла [15]. Вероятно, средствами ее выражения служат перформативы – показатели иллюкативной модальности;

– композиции. Как функционально-семантическая категория, ТМ имеет разные формы выражения и структурируется разноуровневыми единицами;

– стиля. Средствами выражения субъективно-модальных значений создается тональность жанра.

Существуют очевидные параллели в исследовании рассматриваемых феноменов. Так, концептуально значим анализ психологических и социальных факторов. Анкета РЖ Т. В. Шмелевой [12] включает следующие компоненты: коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, диктум, фактор прошлого (будущего), формальная организация. Варианты анализа категории текстовой модальности при прагматическом подходе имеют схожую структуру. Сравним эти компоненты:

1) коммуникативная цель vs авторская интенция. На основании доминирующей интенции (описать, изменить, оценить мир) выделяются деонтическая, эпистемическая и оценочная разновидности модальности;

2) образ автора vs категория производителя речи (говорящего). На текстовом уровне организующим центром текстовой модальности признается категория производителя речи [17: 3], который имеет дискурсивные «лики»: автор (в художественных текстах), образ автора (в научных текстах), субъект документной речи (в документных текстах). Его прагматические пресуппозиции, личная сфера и пространственно-временные рамки, в которых он творит (хронотоп), позволяют выявить основания его речевого поведения. Неотчуждаемым элементом личной сферы говорящего является его социальная сфера. Социологичность РЖ определяется, в числе прочего, характеристиками говорящего как социальной личности;

3) образ адресата vs учет фактора адресата. Выбор жанра высказывания определяется учетом фактора адресата [18: 467]. Так, диалогичность документа определяется по векторам *субъект документной речи* ↔ *адресат и документ* ↔ *социум*. В жанре, таким образом, отражается взаимодействие всех составляющих информационной модели коммуникации (по Р. О. Якобсону). В свою очередь, «сложные взаимодействия между четырьмя факторами коммуникации: говорящим, собеседником, содержанием высказывания и действительностью» [4: 304] отражаются в категории модальности.

В основе изучения ТМ и РЖ лежит: интерес к целям и интенциям говорящего, т. е. иллокутивная составляющая речевого воздействия; учет фактора адресата, т. е. перлокутивная составляющая речевого воз-

действия (по Дж. Серлю). На уровне интенции РЖ облегчает процессы формирования и формулирования мыслей, а модальность участвует в текстопорождении и жанропорождении; на уровне рецепции – РЖ и ТМ способствуют лучшему восприятию речи. Разделение этих аспектов целесообразно в исследовательских целях. В действительности они предполагают друг друга. Так, все РЖ имеют целью воздействие (непосредственная реакция в виде ответного действия (немедленного или постоянного характера)/бездействия, опосредованная – в виде изменения когнитивной сферы адресата);

3) диктум как «событийная основа высказывания» [12] vs диктум как часть предложения, коррелятивная «процессу, образующему предствление» [19: 44];

4) Фактор прошлого/будущего на текстовом уровне определяется в первую очередь средствами грамматической категории времени и его лексическими актуализаторами. В исследовании А. Г. Баранова, выполненном в рамках коммуникативно-прагматического подхода, вычленяется референтивная модальность, в которой отражается отношение содержания текста к действительности [20: 102–103];

5) формальная организация РЖ vs средства и способы выражения ТМ. ТМ как одна из текстовых категорий репрезентируется «различными языковыми, речевыми и собственно текстовыми (композитивными) средствами» [16: 533]. В правовом дискурсе идентифицировать жанр позволяют средства выражения иллокутивной модальности – перформативы. Они называют прагматические цели субъекта документной речи в документе и форме документа (образце, предлагаемом для заполнения гражданину, юридическому лицу) (табл. 1, 2). В первом случае референтами являются органы государственной власти и местного самоуправления, во втором – граждане и юридические лица (организации, предприятия).

Таким образом, сравнение аспектов изучения ТМ и РЖ демонстрирует сходство их содержательных характеристик.

Несмотря на существенную близость рассматриваемых феноменов, очевидную значимость ТМ в образовании РЖ и его функционировании, ТМ в классификациях ученых [11: 130; 13] собственно жанровой не признается, видимо, из-за ее универсального характера: модальные ресурсы языка служат и иным целям.

Таблица 1

Прагматические цели субъекта документной речи в документе
Pragmatic goals of the subject of documentary speech in the document

Иллокутивная цель	Глаголы, именующие иллокутивную силу	Речевой жанр
Зафиксировать ответственность за истинность выражаемого суждения	Репрезентативы: <i>утверждать, заявлять, сообщать, извещать, информировать, напоминать, подтверждать, удостоверять, уведомлять</i>	Сообщение, извещение, подтверждение, разъяснение, справка, пояснение, уведомление-акт, уведомление
Требования/попытки добиться, чтобы адресат нечто совершил	Директивы: <i>постановлять, решать, приказывать, предписывать, предлагать, требовать, запрещать, разрешать, рекомендовать</i>	Постановление, указ, решение, распоряжение, приказ, требования, предписание, поручения, указание, разрешение, рекомендации
Брать на себя обязательство совершить нечто	Комиссивы: <i>гарантировать</i>	Положение, порядок

Таблица 2

Прагматические цели субъекта документной речи в форме документа
Pragmatic goals of the subject of documentary speech in the document form

Иллокутивная цель	Глаголы, именующие иллокутивную силу	Речевой жанр
Зафиксировать ответственность за истинность выражаемого суждения	Репрезентативы: <i>информировать, сообщать, подтверждать</i>	Справка, согласие (например, на обработку персональных данных)
Попытки добиться, чтобы адресат нечто совершил	Директивы: <i>предлагать, просить, ходатайствовать</i>	Исковое заявление, жалоба, заявка, заявление, представление, претензия, предложение, ходатайство
Брать на себя обязательство совершить нечто	Комиссивы: <i>обязываться, гарантировать</i>	Заявление, заявка, соглашение, обязательство, договор в рубрике «Права и обязанности сторон», предложение, гарантийное обязательство

2. Средства и способы выражения текстовой модальности, характерные для жанров правового дискурса

Модальность в официальном документе производна «от функционально-нормативных условий документной коммуникации» и соответствует «унифицирующему или стандартизирующему описанию» [21: 23]. Она задана функционально и определяется стратегиями правового дискурса, жанром и целью документа. Субъект документной речи в тексте выражает волю государства. Ограниченный полномочиями, скованный рамками дискурса, он сообщает (продуцируя тексты) о том, о чем должен и имеет право сообщать и общается так, как должен и имеет на это право: «в жестко предписанных или настоятельно рекомендованных способах... знаковой реализации» [Там же: 203]. Жанр также задается функционально: субъект документной

речи при выборе жанра ограничен рамками законодательства, а сам перечень жанров регламентирован (Конституция РФ, федеральные законы, Словарь видов и разновидностей документов и др.). Жанры являются своеобразным «прокрустовым ложем» для субъекта документной речи, поскольку в их рамках нужно решить многообразные задачи, учитывая субординационные отношения между ним и адресатом (отношения подчинения, сотрудничества). Так, постановление – документ предписательного характера – может содержать рекомендацию, просьбу, предложение, запрет, разрешение.

Однако, несмотря на «значительное воздействие со стороны унифицирующих и стандартизирующих инструментов» [22: 12] и системе формальных требований [Там же: 76], субъект документной речи может «обнаруживать» себя прямо на уровне лексикой и опосредованно через выбор форм грамматических

категорий, т. е. через средства выражения текстовой модальности.

А) Деонтические РЖ и деонтическая разновидность модальности

На основании характера ведущей интенции выделяются императивные жанры, которые оформляют волеизъявление субъекта документной речи (жанры предписаний, рекомендаций, просьб). Тексты, в которых эти жанры исполняются, – деонтические. К ним примыкают тексты (или их строевые компоненты – рубрики), цель которых – обязательство. Жанрообразующие перформативы в них – коммисивы. Имеются основания говорить о том, что оператор деонтической модальности входит в семантику коммисивов [23]. Различие же заключается в том, что в коммисивах предписание адресовано себе, осуществление коммуникации не переносится на сферу адресата. Жанры обязательств, таким образом, можно отнести к императивным.

Императивные жанры характеризуют правовой дискурс, а деонтическая разновидность модальности квалифицирует официальный документ. Ее формируют языковые средства, в которых актуализируется: а) точка зрения говорящего как элемента значения той или иной грамматической формы и б) позиция говорящего, представленная в конкретных высказываниях [24: 248]. Способами выражения служат категории, которые характеризуют сообщаемый факт и/или его участников либо по отношению к факту сообщения, либо к его участникам (категории-шифтеры): грамматические категории лица, времени, наклонения и засвидетельствованности; категории, которые не содержат этих указаний (нешифтерные категории): залог, вид, таксис, род и число [25: 100–101]. Связь категории модальности и нешифтерных категорий заключается в их способности выражать дополнительные модальные оттенки. Категории рода и числа не стали предметом изучения из-за очевидности их назначения; таксиса – из-за однотипности его выражения в тексте документа (отношения предшествования по отношению к основному глагольному действию, ср.: *Рассмотрев, ... комиссия выявила*).

К средствам выражения модальности, таким образом, относятся:

– формы грамматической категории лица (1-е и 2-е лицо);

– формы грамматической категории времени и наклонения. Изучаются темпоральные характеристики высказываний в системе оппозиций коммуникативной рамки (повествовательные, побудительные, вопросительные, оптативные предложения) и формы наклонения в них; перформативы как квалификаторы

модальности и их актанты-распространители; варианты транспозиции временных форм глагола, значение лексических обстоятельственных конкретизаторов;

– формы категории эвиденциальности: косвенная эвиденциальность со значением инференции; косвенная эвиденциальность с репортивными значениями;

– модальные оттенки значения видов глагола;

– модальные аспекты семантики залога (характеристики субъекта в двучленных пассивных конструкциях, эксплицитного субъекта в трехчленных пассивных конструкциях), описывается перформативное употребление глаголов в страдательном залоге.

Зависимость качества исполнения жанра от корректности выбора текстовых модальных средств

Императивные жанры исполняются неправильно при несоблюдении условий успешности и искренности речевых действий, их формирующих.

1. Несоблюдение условий успешности речевых актов, формирующих РЖ.

Средоточием текстовой модальности является категория субъекта документной речи, в частности его прагматические пресуппозиции.

Дж. Л. Остин выделяет 6 условий успешного функционирования перформативного высказывания [26: 32–33]. Видимо, их можно отнести к жанрам, структурированным однотипными речевыми действиями (приказ). В документах, как правило, соблюдаются условия А.1 (существует общепринятая конвенциональная процедура) и А.2 (конкретные лица и обстоятельства пригодны для ее проведения), т. к. процедура создания и принятия правового акта законодательно закреплена и все стадии правотворческого процесса регламентированы. Определен круг лиц (должностных и юридических: органов власти), которые в рамках своих полномочий имеют право создавать документ. Соблюдаются также условия В.1 и В.2 – процедура выполняется правильно и полностью. Так, регламентируются сроки и порядок согласования документа, сроки подписания, размещения на официальном сайте, вступления в силу. Изменения названий органов власти отражаются в тексте документа и его формуляре. Соблюдаются, таким образом, «условия нормального входа и выхода» [27: 162]. Следовательно, «осечек» [26], которые бы привели к провалу всего акта, не должно быть в принципе. Они возникают, если подзаконный акт противоречит нормам действующего законодательства, т. е. субъект документной речи в процессе создания

документа осуществляет речевые действия, на которые не имеет прав (нарушение условия А.2). Причиной таких «осечек» является его ложная прагматическая пресуппозиция: *Я вправе делать это*, которая содержит ложные представления о круге его полномочий, ср.: *Выйдя за пределы своих полномочий при издании оспариваемого Положения, администрация г. Тулы не ограничилась механическим дублированием норм законодательных и иных нормативных правовых актов, имеющих большую юридическую силу, а самостоятельно установила иной порядок демонстрации средств наружной рекламы, обязательный для исполнения всеми юридическими и физическими лицами, нежели тот, который уже определен уполномоченным органом и действующими нормативными актами.* (Решение Арбитражного суда Тульской области от 09.04.2008 по делу № А68-10162/07-10-11/5 «О признании недействующим Постановления главы администрации г. Тулы от 02.11.2006 № 2781 (ред. от 26.07.2007) «Об утверждении Положения о порядке демонтажа средств наружной рекламы, размещенных (эксплуатируемых) с нарушением установленного порядка» // Тула. 14.08.2008. № 31). Документ в таких случаях становится предметом судебных разбирательств и признается утратившим силу.

Мысли, чувства, намерения, желания других участников (например, исполнителей директивы или правоприменителей) могут быть эксплицированы в документе, поскольку, как было рассмотрено выше, на этапе создания документа предполагается его коллективное обсуждение. Вопрос о том, имеют ли исполнители как участники «подлинное намерение» (условие Г.1) совершать поступки, т. е. выполнять директиву или соблюдать предписываемые правила, не стоит. В рамках своих должностных полномочий в соответствии со своей компетенцией или подчиняясь правовой норме, они обязаны это делать.

Выполнение условия Г.2 – «впоследствии они должны на деле вести себя соответственно» [26: 33] в тексте документа не отражено. Оно представлено делопроизводственной отметкой о направлении документа в дело после его исполнения [28]. Выполнение этого условия может также отражаться в документах под названием «О ходе выполнения (программы, решения, постановления, работ ...)», жанрах отчета, акта проверки (в подзаконных актах приводятся их формы).

Итак, причиной неправильного исполнения жанра могут быть прагматические пресуппозиции субъекта документной речи, которые выражаются в ложных представлениях о круге его своих полномочий. Это является одним из коррупциогенных факторов.

2. Несоблюдение условия искренности действий субъекта документной речи. В акте приказания «условие искренности состоит в том, что говорящий желает, чтобы требуемое действие было совершено» [27: 168]. Это означает, что действие должно быть выполнимо. Проблема выполнимости широко обсуждается при рассмотрении вопроса коррупциогенности юридических текстов. Это коррупциогенный фактор, который касается неопределённых, трудновыполнимых и (или) обременительных требований к гражданам и организациям [29; 30]. В распорядительных документах проблема выполнения директив стоит остро.

Несоблюдение условия искренности отражается, прежде всего, в семантике актантов перформативных глаголов:

а) активно применяются «расщепленные» сказуемые, образуемые путем сочетания десемантизированного или фазисного предиката и абстрактного существительного с «размытой» семантикой: *В целях совершенствования инфраструктуры потребительского рынка предлагается:*

– *продолжить формирование системообразующих звеньев потребительского рынка в регионе;*

– *...способствовать развитию интеграции, кооперации и координации деятельности оптовых и розничных предприятий на потребительском рынке* (О концепции развития и совершенствования торговли в Тульской области до 2005 года: Распоряжение губернатора Тульской области от 28.01.2002 № 72-р // Вестн. администрации Тульской области. 2002. № 1(17));

или:

– *Управлению ОГИБДД МО МВД России «Суворовский» усилить контроль за соблюдением автовладельцами правил остановки и стоянки автомобильного транспорта.* (Об уборке и содержании территорий муниципального образования Суворовский район в зимний период 2012–2013 гг.: Постановление главы администрации муниципального образования Суворовский район от 06.11.2012 № 1526 // Светлый путь. 2012. 13 нояб. (№ 89));

или:

– *Управлению культуры администрации города Тулы: 2.4. Совместно с театрально-концертными учреждениями активнее развивать деятельность по привлечению дополнительных ассигнований, инвестиций в развитие их основной деятельности.* (Об обеспечении развития театрально-концертной деятельности: Постановление администрации г. Тулы от 12.11.2012 № 3176 // Тула. 2012. 20 нояб. (№ 87));

или:

– **Обратить внимание на работу с туроператорами и туристическими агентами, организующими отдых детей, в части соблюдения ими требований по исполнению договорных обязательств.** (Об обеспечении отдыха, оздоровления и занятости детей и подростков летом 2013 года: Постановление главного государственного санитарного врача по Тульской области от 09.04.2013 № 8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»);

или:

УВД Тульской области (Рожков В. Д.), финансовому управлению администрации области (Кузнецова В. В.) **принять к сведению и руководству, что** Постановлением Правительства РФ от 08.07.97 № 828 “Об утверждении Положения о паспорте гражданина Российской Федерации” **рекомендовано субъектам РФ принять меры по улучшению размещения и материально-техническому обеспечению паспортно-визовых служб и адресно-справочной работы органов внутренних дел.** (О замене паспорта гражданина бывшего СССР на паспорт гражданина Российской Федерации на территории Тульской области: Постановление Губернатора Тульской области от 31.08.1998 № 372 // Вестн. администрации Тульской области. 1998. № 3);

б) в качестве актантов инфинитивов используется «слабоопределенная именная группа» [31: 90], ср.: 2.1. **Принять необходимые меры к обеспечению надлежащего противопожарного состояния объектов подведомственного жилого фонда и других объектов социального и производственного назначения.** Именная группа **необходимые меры** включает в себя семантический компонент ‘Объект известен говорящему, но предполагается неизвестным слушающему’ [Там же].

Характер предписаний исключает возможность их контроля и, следовательно, остается открытым вопрос об их исполнении. Так, в тексте постановляющей части Постановления Главы города Алексина и Алексинского района Тульской области от 16 февраля 2004 г. № 297 «О состоянии и обеспечении пожарной безопасности на территории муниципального образования – город Алексин и Алексинский район» (доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс») представлены два варианта ситуации:

– не указаны конкретные параметры, которые позволят определить результативность, ср.: 3.1. **Усилить работу по выполнению требований противопожарных норм, касающихся безопасной эвакуации людей, монта-**

жу систем оповещения людей о пожаре..., или: 6.1. **Повысить требовательность за соблюдением руководителями предприятий, организаций и учреждений всех форм собственности, квартиросъемщиками, домовладельцами требований пожарной безопасности;**

– не названы основания сравнения для определения эффективности проделанной работы, ср.: 3.2. **Совместно с 4-м отрядом ГПС МЧС России более качественно проводить разъяснительную работу с населением, учащимися дошкольных и образовательных учреждений по противопожарной тематике;** или: 6.1. **Шире практиковать меры административного воздействия к руководителям всех уровней, допускающих нарушения требований пожарной безопасности, в соответствии с действующим законодательством.**

Приведенные контексты объединены обобщенным характером предписаний. Неконкретность формулировок влечет невозможность их контроля, предопределяет отсутствие сроков исполнения. В результате директивный документ выполняет декларативную функцию, а императивный речевой жанр приобретает характер фикции.

Несоблюдение условия искренности выражается также в характере употребления лексических обстоятельственных конкретизаторов – единиц, значительно повышающих «ресурсы модальности предложения» [17: 37]. Для документа важна точность, а она достигается, в частности, благодаря четкому и определенному обозначению времени.

Обстоятельственный конкретизатор может быть выражен наречиями *срочно, незамедлительно*, словосочетаниями *в кратчайшие сроки, в срочном порядке*: ...*постановляю: 1. Органам исполнительной власти МО Тульской области:*

1.1. **В срочном порядке пересмотреть систему санитарной очистки и уборки территории населенных мест ... в соответствии с требованиями санитарных правил.** (О проведении экстренной санитарной очистки территорий и профилактических дезинфекционных мероприятий по защите территорий области от распространения карантинных инфекций и ‘атипичной пневмонии’ в случае завоза: Постановление главного государственного санитарного врача по Тульской области от 14.05.2003 № 7 // АУДИТ-партнер. 2003. № 10 (май)).

Денотативно-сигнификативный макрокомпонент перечисленных единиц включает в себя интенсивную сему ‘очень’. Директива не несет четкой информации о сроке исполнения и предоставляет возможность

исполнителю интерпретировать его произвольно. Таким образом, нарушаются требования, предъявляемые к категории Количества – одной из составляющих Принципа Кооперации. Тем самым создается барьер для успешной коммуникации.

Б) Информационные РЖ и эпистемическая разновидность модальности

На основании характера ведущей интенции выделяются также информационные жанры. Значимо, что все тексты (кроме отчета) имеют информационный характер для третьих лиц, в интересах которых они создаются – адресатов программы, а для исполнителей это директива [32].

Тексты информационных жанров создаются средствами эпистемической разновидности модальности. В ее выражение вовлекаются те же языковые средства, которые репрезентируют деонтическую разновидность модальности. Кроме того, рассматриваются средства выражения прямой эвиденциальности, невозможной в деонтическом тексте. Анализ дискурса в его понимании учеными французской школы дискурса [33] позволяет определить контекстуализацию высказываний и, в частности, их эпистемический статус «в силу ограничений, накладываемых системой языка и интердискурсом» [34: 29].

Зависимость качества исполнения жанра от корректности выбора текстовых модальных средств

Жанр может исполняться неправильно из-за неверного выбора жанрообразующего репрезентативного перформатива, ср.: *В соответствии со статьей 9 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ 'О противодействии коррупции' Я, _____, (Ф.И.О., должность) настоящим уведомляю об обращении ко мне _____ (дата, место, время) гр. _____ (Ф.И.О.) в целях склонения меня к совершению коррупционных действий (О Порядке уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения муниципального служащего администрации муниципального образования Одолевский район к совершению коррупционных правонарушений: Постановление администрации муниципального образования Одолевский район от 08.04.2010 № 262 // Новая жизнь. 2010. 23 апр. (№ 17)).*

Референтом субъекта документной речи является муниципальный служащий, в роли адресата выступает работодатель (глава администрации муниципального образования Одолевский район) – лицо, занимающее более высокую ступень в иерархии должностей. Уве-

домление – единственный из информационно-справочных документов, который имеет нисходящий характер по вертикали управления (например, уведомление министерства финансов Тульской области о списании задолженности индивидуальному предпринимателю). Следовательно, соблюдая субординацию, служащий вправе обратиться с заявлением (докладной запиской) и информировать, сообщить, поставить в известность, довести до сведения, но не уведомить. Такие примеры имеют единичный характер.

В) Речевые жанры и оценочная разновидность модальности

Собственно оценочные жанры (например, характеристика) в региональном законодательстве представлены скупо из-за их несоответствия главной интенции правового дискурса – волеизъявлению и включаются по принципу часть – целое в гипержанры постановления, решения и пр. Они представлены в форме таблицы (характеристика территориальной системы централизованного оповещения; характеристика общежития) или анкеты (основные характеристики маршрута движения транспорта) и имеют справочно-информационный характер.

Различается языковая оценка вообще (наиболее популярные классификации принадлежат Е. М. Вольф и Н. Д. Арутюновой) и оценка как речевых жанров (М. М. Бахтин, В. В. Дементьев) [35]. Оценочность РЖ имеет разное качество: 1) она может быть связана с содержательной позицией говорящего. Такая оценка является жанрообразующей и порождает РЖ. Вероятно, она формируется на основе иллюкутивных значений модальности; 2) оценочность, связанная с экспрессией (стилем), которая порождает тональность текста, но не сам жанр [36: 20]. Ее выражают субъективно-модальные значения.

В нашей работе вслед за Е. М. Вольф оценка рассматривается как «ценностный аспект значения языковых выражений, который может интерпретироваться как «А (субъект оценки) считает, что Б (объект оценки) хороший/плохой» [36: 5–6]. Элементами ее структуры («модальной рамки»), по Е. М. Вольф [Там же: 12], является субъект оценки – лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка (в документах это субъект документной речи); объект оценки – лицо, предмет, событие или положение вещей, к которым относится оценка; субъект «пользы» – субъект, «для которого предмет или событие имеет ценность» [Там же: 76]; оценочное отношение (хорошо – плохо); шкала оценок и стереотипы говорящих.

Определить основания оценок позволяет характеристика системы ценностей субъекта

документной речи как источника правовых предписаний и норм. Эта система основывается на ценностях правового дискурса (юридическое равенство, охрана правопорядка, распределение материальных и духовных благ, получение достоверной информации, безопасность [37: 89]) и нормативно закреплена в Конституции РФ. В основе системы лежит понятие правовой нормы. На языковом уровне соответствующим норме считается признание чего-либо удовлетворительным. Так, в Постановлении Главы города Тулы от 11.12.2002 № 1756 «О паспортизации социально-экономического положения города Тулы» (доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс») при указании индексов потребительских цен на отдельные группы продовольственных товаров, перечисляется, в частности, *коньяк ординарный отечественный, вино виноградное крепленое, ординарное* (без упоминания марочного и коллекционного), *водка обыкновенного качества (типа Русская, Московская)*. Основываясь на знании экономической, политической и социальной ситуации в стране, среднее предлагается как норма, а норма оценивается положительно. Среднее, актуализируя сему 'соответствующее определенным требованиям и достаточное для реализации определенной цели', в отличие от обыденной речи никогда не коннотируется отрицательно. Возведение среднего, типичного в ранг нормы создает предпосылки для унификации.

Оценочная разновидность модальности в разной степени присуща всем типам текстов [36: 122].

В речевых жанрах правового дискурса могут быть выделены следующие виды оценок:

– *оценка как компонент других разновидностей текстовой модальности*. Части официального документа характеризуются автономностью, поэтому для него характерны «переключения» текстовой оценочной модальности, которые определяются целью фрагмента текста (рубрика, абзац). Оценка характеризуется как компонент деонтической и эпистемической разновидностей текстовой модальности. В этом качестве она может быть эксплицитной и имплицитной:

1) эксплицитная оценка является элементом содержания текста. Так, в обращениях *сограждане, коллеги, земляки* субъект документной речи, проявляя сопричастность адресату, выражает также его положительную оценку. Употребляя эвфемизмы (ср. *задание еще не выполнено*) он оценивает положение дел как поправимое, т. е. положительно;

2) имплицитная оценка может содержаться:

а) в прагматических пресуппозициях субъекта документной речи, которые позволяют

определить основания, на которых базируется его речевое поведение;

б) в выводе из содержания текста, ср.: *Естественная убыль населения в 2004 году составила 1020 человек. В сравнении с 2003 годом показатель естественной убыли населения увеличился на 27,0 процента.*

Число умерших (в Узловском районе в 2004 году. – Е. К.) *превысило число родившихся в 2,7 раза;*

или:

На 100 заключенных браков (в Узловском районе в 2004 году. – Е. К.) *пришлось 142 развода* (в 2003 году – 135, в 1991 году – 61) (Об утверждении Концепции управления демографическими процессами в муниципальном образовании Узловский район на период до 2010 года: Постановление главы администрации муниципального образования Узловский район от 22.08.2006 № 762 (ред. от 10.04.2009). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

В текстах императивных жанров имплицитная оценка выражается коннотируемой семантикой перформативных глаголов и средствами контекста. Например, запрет – вынужденная мера, предпринимаемая для блага адресата; запрет имеет положительную оценку с точки зрения субъекта оценки и чаще всего отрицательную с точки зрения ее объекта.

В распорядительных документах субъект документной речи считает принимаемые меры хорошими не для объекта оценки (прямого адресата – исполнителя документа). Субъектом пользы всегда являются третьи лица, в интересах которых будут осуществляться действия: граждане области, жители муниципального образования, отдельные категории граждан или региона в целом, поскольку любые директивы (даже те, которые имеют непопулярный характер) направлены на оздоровление экономической и социальной сферы, т. е. на благополучие граждан в целом.

Просьба в формах заявлений, заявок имеет знак (+) для субъекта документной речи, референтом которого выступает конкретный гражданин, который нуждается в мерах социальной поддержки. Граждане или их отдельные категории, жители муниципального образования также являются субъектом пользы в текстах документов программных жанров, поскольку цель любой программы – улучшение жизни граждан.

Зависимость качества исполнения жанра от корректности выбора текстовых модальных средств

По М. М. Бахтину, оценочность рассматривается как часть экспрессии, определяя тем

самым тональность жанра [35: 10]. В официальном документе открытая оценочность должна отсутствовать. Однако иллюстративный материал подтверждает это отчасти.

Рассмотрим, как влияет открытая на оценочность успешность исполнения жанра.

В текстах императивных жанров (на подзаконном уровне это постановление, решение, приказ, указ, распоряжение) вследствие своей значимости оценочно наиболее нагружена преамбула: «Развернутая» констатирующая часть в «глазах населения» формирует устойчивое мнение об уровне профессиональной подготовки персонала администрации, характере рассматриваемых проблем, их сложности, важности, позиции, которую занимает администрация» [38]. Развернутая преамбула, состоящая из эпистемических высказываний, позволяет аргументировать правовое решение, и оценочные средства служат этой цели, ср.:

(1) *Тульская область является одной из наиболее развитых в промышленном отношении областей Центрального региона России, находящейся в особо сложных экологических условиях.*

(2) *Постановление Правительства Российской Федерации № 407 от 28.04.94 “О первоочередных мерах по поддержке системы образования в России” нацеливает исполнительную и законодательную власти области на первоочередное развитие и поддержку специальностей высшего образования, направленных на ликвидацию последствий экологического загрязнения и последствий аварии на Чернобыльской АЭС.*

(3) *Перенос центра тяжести экономических реформ на регионы обуславливает необходимость подготовки в них собственных кадров. Ежегодное поступление 130–150 человек из Тульской области в медицинские вузы страны подтверждает целесообразность такой подготовки в регионе.*

(4)... *Тесное сотрудничество практического здравоохранения и медицинской науки области с ведущими медресами страны, обеспеченными высокопрофессиональными педагогическими и научными кадрами, наличие четырех профессоров, докторов медицинских наук и 58 кандидатов медицинских наук в Тульской области, в сочетании с профессионалами-практиками, превосходной клинической и диагностической базами, позволяют уже сейчас начать организацию региональной подготовки медицинских кадров с высшим образованием.*

На основании вышеизложенного постановляю:

1. *Принять предложение Тульского государственного технического университета об организации в его составе медицинского факультета...* (Об организации медицинского факультета в Тульском государственном техническом университете: Постановление Главы администрации Тульской области от 25.08.1994 № 420 // Тульские известия. 30.08.1994. № 164). Оценочность в семантике единиц обуславливает общую тональность текста преамбулы. В (1) ситуация описывается посредством использования частнооценочных прилагательных с интенсификаторами (*наиболее развитый, особо сложные*) и оценивается как плохая. (2) и последующие высказывания логически вытекают из (1) и представляют собой аргументацию выхода из сложившейся ситуации. Прагматические пресуппозиции этого фрагмента текста следующие: *Тульская область пострадала от аварии на Чернобыльской АЭС. Жители часто болеют. Не хватает медицинских кадров, и это плохо.* Аргументируя свое решение, субъект документной речи ссылается на прецедентный текст – Федеральный закон. Образная милитарная метафора *нацеливает*, придает высказыванию динамизм и призвана подчеркнуть значимость принимаемого решения. В (3) оценочная техническая метафора (*перенос центра тяжести*) привносит в аргументацию рациональную оценку.

К оценочным средствам также относятся:

– когнитивная пространственная метафора *тесное сотрудничество*, которая организует представление о спаянности теории и практики медицинской науки (оценивается положительно);

– нормативная рационалистическая оценка (*высокопрофессиональный, профессионал-практик*);

– гедонистическая оценка (*превосходный*);

– имплицитная оценка, выводимая на основании количественных показателей профессорско-преподавательского состава как необходимых и достаточных для осуществления педагогической деятельности;

– дейктическая единица уже с актуализацией потенциальной семы ‘готовность’.

«Оценочные определения всегда предполагают свойства объекта» [36: 23], однако в приведенном примере субъект документной речи акцентирует субъективный компонент оценки. Выбор материала определяет интенцию субъекта документной речи: рассмотрев причинно-следственные связи и определив основание для принимаемого решения, аргументировать это решение. Аргументация, как демонстрирует иллюстративный материал, основывается не на логике, а на экспрессии. Открытая оценочность лишает текст требуе-

мой объективности и является, на наш взгляд, косвенным признаком дилетантства. Жанр разыгрывается правильно, но непрофессионально, на любительском уровне.

2. Эвфемизмы как «эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов или выражений, представляющих говорящему неприличными, грубыми или нетактичными» [4: 590], по определению выражают оценочные смыслы. Эти смыслы могут актуализироваться в контексте, приобретая модально-оценочную окраску [17].

Эвфемизмы формируют стиль РЖ, поскольку позволяют маскировать или ретушировать неблагоприятное существо дела, представить его в более выигрышном свете; дать нейтральное и объективное обозначение конфликтной ситуации, неприятному явлению, факту; соблюсти этикетные требования: сгладить конфликтность, смягчить тональность правового дискурса. Более всего насыщены эвфемизмами документы отчетного (отчет, информация, доклад) и программного жанров (программа, план, стратегия). Благодаря эвфемизмам текст, не искажаясь концептуально, приобретает такие черты, как обтекаемость и аморфность.

Наибольший интерес представляет эвфемистическая замена, произведенная на синтаксическом уровне. Она сложнее вычлняется и менее заметна, чем лексическая и морфологическая. К синтаксическим эвфемизмам относятся:

а) оксюморон, посредством которого создается положительный контекст ср.: *Из двух доминирующих по объемам производства и занятости видов обрабатывающего производства в промышленности (производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования, пищевая промышленность) в последние годы **растут**не вполне стабильно и **более низкими темпами**, чем в среднем по обрабатывающей промышленности.* (О Стратегии инвестиционного развития муниципального образования Кимовский район Тульской области на период до 2025 года: решение Собрании представителей муниципального образования Кимовский район от 24.02.2011 № 41-238 // Районные будни. 21.04.2011. (№ 16));

б) отрицание не глагола, формирующего пропозитивное содержание, а его актанта-распространителя: *Наша муниципальная центральная библиотека **не совсем отвечает** запросам современного посетителя:*

– *неудобство создает несовременное материально-техническое оснащение библиотеки, основная часть фонда расположена в книгохранилище;*

– *отсутствует помещение для культурно-массовых мероприятий, Центра правовой информации, зала краеведения;*

– *продолжает оставаться мизерным выделение средств на комплектование городских и сельских библиотек;*

... *Как следствие, библиотеки сегодня **не в должной мере выполняют** свои функции по обеспечению населения необходимой информацией.* (О муниципальной программе "Чтение" на период 2007–2009 годов: Решение Собрании представителей муниципального образования Кимовский район от 24.05.2007 № 30–240 // Районные будни. 06.07.2007. № 27). Отрицается не целое, а его часть, какой-то аспект (ср. *выполняют не в должной мере – не выполняют в должной мере*). Субъект документной речи частично искажает реальное положение вещей, преуменьшает серьезность общественной проблемы. К средствам синтаксической эвфемизации относятся дискурсивные слова: **не совсем, не в должной мере, не вполне, недостаточно** (полно, быстро, эффективно, подробно);

в) введение в текст дискурсивных единиц **пока, еще, мало**: *Малый и средний бизнес достаточно рационально подходит к поиску и привлечению финансирования... Государственная поддержка как источник финансирования для бизнеса имеет также существенное значение, в то же время мало используется лизинг и **пока не работают венчурные фонды.*** (О Стратегии инвестиционного развития муниципального образования Кимовский район Тульской области на период до 2025 года: решение Собрании представителей муниципального образования Кимовский район от 24.02.2011 № 41–238 // Районные будни. 21.04.2011. (№ 16)). Проблема преподносится как решаемая, трудности – временные.

Синтаксические эвфемизмы позволяют передать оптимистический взгляд на будущее, который позиционирует власть. Е. М. Вольф замечает: «Различные модальные средства, смягчающие категоричность, выявляют специфику ценностей картины мира – существует, очевидно, общее прагматическое правило "оптимистического взгляда на мир", которое можно сформулировать как "обычно дела идут к лучшему"» [39: 99]. Однако уместность применения этого правила в официальном документе вызывает сомнения. При синтаксическом способе образования нарушается требование к категории Количества [40] и, следовательно, категории Способа (постулат ясности).

Таким образом, открытая оценочность в РЖ не может быть безразличной для его

успешного исполнения: прямо или косвенно она ему препятствует.

Заключение

Итак, связь между РЖ и ТМ является двусторонней: жанр определяет средства и способы выражения текстовой модальности и с помощью их создается. Сравнение аспектов изучения ТМ и РЖ демонстрирует сходство их содержательных характеристик. В категории ТМ отражаются и выражаются диалогичность и социологичность РЖ. В выражение деонтических и эпистемических модальных значений вовлекаются одни и те же языковые средства, в том числе средства выражения оценки. От безошибочности их выбора зависит качество исполнения жанра, которое в правовом дискурсе может иметь юридические последствия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Справочно-правовая система КонсультантПлюс: Сводное региональное законодательство. Тульская область. URL: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=home&utm_csourc=online&utm_cmedium=button (дата обращения: 12.10.2016).
2. Словарь видов и разновидностей современной управленческой документации. М.: ВНИИДАД, 2014. 81 с.
3. Кропачев Н. Смысл нормативных актов «как-то» понимают до 20 процентов граждан // Известия. 2016. 27 июня. URL: <http://izvestia.ru/news/619519#ixzz4KoKJM7Uu> (дата обращения: 12.10.2017).
4. Лингвистический энциклопедический словарь // гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Больш. Рос. энцикл., 2002. 709 с.
5. Проект корпусного описания русской грамматики. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения: 12.10.2016).
6. Дешериева Т. И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. 1987. № 1. С. 34–45.
7. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Едиториал УРСС, 2004. 144 с.
8. Зеленищikov А. В. Пропозиция и модальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2016. 216 с.
9. Шершинева Н. Б. Семантика и прагматика деонтической модальности (функциональная характеристика в системе языка и текста): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000. 187 с.
10. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.
11. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
12. Шмелева Т. В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. Научный журнал актуальных проблем преподавания русского языка. Berlin, 1990. № 2. URL: <https://refdb.ru/look/2627347.html> (дата обращения: 12.10.2017).
13. Дускаева Л. Р. О жанровых текстовых категориях // Жанры речи. 2016. № 2. С. 25–32.
14. Химик В. В. Категория субъективности и ее выражение в русском языке. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 184 с.
15. Дымарский М. Я. Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX–XX вв.). М.: Едиториал УРСС, 2001. URL: <http://www.twirpx.com/file/505564/> (дата обращения: 12.10.2017).
16. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта; Наука, 2006. 696 с.
17. Солганик Г. Я. Очерки модального синтаксиса. М.: Флинта; Наука, 2010. 136 с.
18. Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. 543 с.
19. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.
20. Баранов А. Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1993. 182 с.
21. Кушнерук С. П. Современный документный текст: проблемы формирования, развития и состава. Волгоград: Волгогр. науч. изд-во, 2005. 337 с.
22. Кушнерук С. П. Документная лингвистика (русский деловой текст): учеб. пособие. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1999. 96 с.
23. Кобозева И. М. Значение модальных предикатов должествования в русском языке // Russistik. 1991. № 1. С. 68–76.
24. Бондарко А. В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянской культуры, 2011. 488 с.
25. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1972. С. 95–113.
26. Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI I. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.
27. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI I. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
28. ГОСТ Р 7.0.97–2016. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Организационно-распорядительная документация. Требования к оформлению документов. М.: Стандартинформ, 2016. 24 с.
29. Гаврилин Ю. В. Преодоление коррупционных явлений при проведении конкурсов на право заключения государственных контрактов // Публичное и частное право. 2012. № 3. С. 89–92.
30. Талатина Э. В., Южаков В. Н. Методика первичного анализа (экспертизы) коррупционности нормативных правовых актов. М.: Центр стратег. разраб.; Статут, 2007. 96 с.
31. Падучева Е. В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985. 271 с.
32. Киреева Е. З. Жанры подзаконного дискурса // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 78–86.
33. Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. 416 с.
34. Бурцев В. А. Референция высказываний в дискурсе русской православной проповеди. Елец: Елец. гос. ун-т им. И. А. Бунина, 2014. 250 с.
35. Дементьев В. В. Аксиологическая генеристика: аспекты проблемы «оценка» и «жанр» // Жанры речи. 2016. № 2. С. 9–24.
36. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с.

37. Нефедов С. И. Проблемы правовой идеологии в современной России // Гражданское общество и правовое государство: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Краснодар, 2011. Т. 1. С. 88–92.

38. Гричук А. Г. Памятка работнику управления (комитета, отдела) по подготовке постановлений главы администрации муниципального образования // ЧиновникЪ. Электрон. журн. 2007. № 398 (3). URL: <http://chinovnik.uara.ru/modern/about.php>. (дата обращения: 12.10.2017).

39. Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М.: Индрик, 2003. С. 87–101.

40. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.

REFERENCES

1. Spravochno-pravovaya sistema Konsul'tantPlyus: Svodnoe regional'noe zakonodatel'stvo. Tul'skaya oblast' (Reference and legal system Consultant Plus: Consolidated regional legislation. Tula region). Available at: http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=home&utm_source=online&utm_medium=button (Accessed 12 October 2016) (in Russian).

2. Slovar' vidov i raznovidnostej sovremennoj upravlencheskoj dokumentacii [The dictionary of modern management documentation types and varieties] Moscow, VNIIDAD, 2014. 81 p. (in Russian).

3. Kropachev N. Smysl normativnykh aktov «kak-to» ponimayut do 20 procentov grazhdan (The meaning of normative acts “somehow” is understood by up to 20 percent of citizens). *Izvestiya*, 2016, 27 iyunya. Available at: <http://izvestia.ru/news/619519#ixzz4KokJM7U> (Accessed 12 October 2017) (in Russian).

4. *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow, Bol'shaya Rossijskaya enciklopediya, 2002. 709 p. (in Russian).

5. *Proekt korpusnogo opisaniya russkoj grammatiki* (The corpus description of Russian grammar project). Available at: <http://rusgram.ru> (Accessed 12 October 2016) (in Russian).

6. Desherieva T. I. O sootnoshenii modal'nosti i predikativnosti [On the ratio of modality and predicativity]. *Voprosy yazykoznanija* [Linguistic questions], 1987, no. 1, pp. 34–45 (in Russian).

7. Gal'perin I. R. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya* [Text as an object of linguistic research]. Moscow, Editorial URSS, 2004. 144 p. (in Russian).

8. Zelenshchikov A. V. *Propoziciya i modal'nost'* [Proposition and modality]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2016. 216 p. (in Russian).

9. Shershneva N. B. *Semantika i pragmatika deonticheskoy modal'nosti (funkcional'naya karakteristika v sisteme yazyka i teksta)* [Semantics and pragmatics of the deontic modality (functional characteristic in the system of language and text)]. Dis. Cand. Sci. (Philol.). Krasnodar, 2000. 187 p. (in Russian).

10. Baranov A. G. *Funkcional'no-pragmaticheskaya koncepciya* [Functional and pragmatic concept]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1993. 182 p. (in Russian).

11. Dement'ev V. V. *Teoriya rechevykh zhanrov*. Moscow, Znack Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

12. Shmeleva T. V. Rechevoj zhanr. Vozmozhnosti opisaniya i ispol'zovaniya v prepodavanii yazyka (Speech

genre. Possibilities of description and using in teaching language). *Russistik. Nauchnyj zhurnal aktual'nykh problem prepodavaniya russkogo yazyka*, Berlin, 1990, no. 2. Available at: <https://refdb.ru/look/2627347.html> (Accessed 12 October 2017) (in Russian).

13. Duskaeva L. R. O zhanrovnykh tekstovykh kategoriyah [About genre text categories]. *Zhanry rechi*, 2016, no. 2, pp. 25–32 (in Russian).

14. Himik V. V. *Kategoriya sub'ektivnosti i ee vyrazhenie v russkom yazyke* [The category of subjectivity and its expression in Russian]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1990. 184 p. (in Russian).

15. Dymarskij M. Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst (na materiale russkoj prozy XIX–XX vv)*. Moscow, Editorial URSS, 2001. Available at: <http://www.twirpx.com/file/505564/> (Accessed 12 October 2017) (in Russian).

16. *Stilisticheskij enciklopedicheskij slovar' russkogo yazyka* [Stylistic Encyclopedic Dictionary of Russian language]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2006. 696 p. (in Russian).

17. Solganik G. Ya. *Ocherki modal'nogo sintaksisa* [Essays of modal syntax]. Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2010. 136 p. (in Russian).

18. Bahtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1986. 543 p. (in Russian).

19. Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy francuzskogo yazyka* [General Linguistics and French Language Questions]. Moscow, Izd-vo inostr. lit. Publ., 1955. 416 p. (in Russian).

20. Baranov A. G. *Funkcional'no-pragmaticheskaya koncepciya teksta* [Functional and pragmatic concept of the text]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1993. 182 p. (in Russian).

21. Kushneruk S. P. *Sovremennyy dokumentnyj tekst: problemy formirovaniya, razvitiya i sostava* [Modern document text: the problems of formation, development and composition.]. Volgograd, Volgogr. nauch. izd-vo, 2005. 337 p. (in Russian).

22. Kushneruk S. P. *Dokumentnaya lingvistika (russkij delovoj tekst)* [Documentary Linguistics (Russian Business Text)]. Volgograd, Izd-vo Volgogr. gos. un-ta, 1999. 96 p. (in Russian).

23. Kobozeva I. M. Znachenie modal'nykh predikatov dolzhenstvovaniya v russkom yazyke [The meaning of modal predicates of obligation in Russian language]. *Russistik*, 1991, no. 1, pp. 68–76 (in Russian).

24. Bondarko A. V. *Kategorizaciya v sisteme grammatiki* [Categorization in grammar system]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2011. 488 p. (in Russian).

25. Jakobson R. O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol. In: *Principy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya* [Principles of typological analysis of the languages of various structures]. Moscow, Nauka Publ., Glav. red. vost. lit. Publ., 1972. pp. 95–113 (in Russian).

26. Ostin Dzh. L. Slovo kak dejstvie [Word as Action]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vol. XVII. Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics]. [The theory of speech acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 22–129 (in Russian).

27. Serl' Dzh. R. Chto takoe rechevoj akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vol. XVII. Teoriya rechevykh aktov* [New in Foreign Linguistics. The

theory of speech acts]. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 151–169 (in Russian).

28. GOST R 7.0.97–2016. *Sistema standartov po informacii, bibliotechnomu i izdatel'skomu delu. Organizacionno-rasporyaditel'naya dokumentaciya. Trebovaniya k oformleniyu dokumentov* [The System of Standards on Information, Librarianship and Publishing. Organizational and administrative documentation. Requirements for registration of documents]. Moscow, Standartinform Publ., 2016. 24 p. (in Russian).

29. Gavrilin Yu. V. Preodolenie korrupcionnyh yavlenij pri provedenii konkursov na pravo zaklyucheniya gosudarstvennyh kontraktov [Overcoming corruption phenomena in conducting tenders for government contracts]. *Publichnoe i chastnoe pravo* [Public and private law], 2012, no. 3, pp. 89–92 (in Russian).

30. Talapina Eh. V., Yuzhakov V. N. *Metodika pervichnogo analiza (ehkspertizy) korrupciogennosti normativnyh pravovyh aktov* [The technique of the primary analysis (expertise) of corruption-relatedness of normative legal acts]. Moscow, Centr strateg. razrab, Statut Publ., 2007. 96 p. (in Russian).

31. Paducheva E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s dejstvitel'nost'yu (referencial'nye aspekty semantiki mestoimenij)* [Statement and its correlation with reality (referential aspects of the semantics of pronouns)]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 271 p. (in Russian).

32. Kireeva E. Z. Zhanry podzakonnogo diskursa [The genres of sublegislative discourse]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 1(13), pp. 78–86 (in Russian).

33. *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa* [Quadrature meaning: the French school of discourse analysis]. Moscow, Progress Publ., 1999. 416 p. (in Russian).

34. Burcev V. A. *Referenciya vyskazyvanij v diskurse russkoj pravoslavnoj propovedi*. [The reference of statements in the discourse of Russian Orthodox sermon].

Yelets, Yelets gos. un-t im. I. A. Bunina, 2014. 250 p. (in Russian).

35. Demytyev V. V. Aksiologicheskaya genristika: aspekty problemy “ocenka” i “zhanr” [Axiological Genistry: aspects of “evaluation” and “genre” problem]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, no. 2, pp. 9–24 (in Russian).

36. Vol'f E. M. *Funkcional'naya semantika ocenki* [Functional semantics evaluation]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2002. 280 p. (in Russian).

37. Nefedov S. I. Problemy pravovoj ideologii v sovremennoj Rossii [Problems of legal ideology in modern Russia]. In: *Grazhdanskoe obshchestvo i pravovoe gosudarstvo: Materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Civil Society and the Rule of Law: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference]. Krasnodar, 2011, vol. 1, pp. 88–92 (in Russian).

38. Grichuk A. G. Pamyatka rabotniku upravleniya (komiteta, otdela) po podgotovke postanovlenij glavy Administracii municipal'nogo obrazovaniya [Memory card to the employee of the management (committee, department) for the preparation of decisions of the head of the administration of the municipality]. *ChinovnikЪ. Ehlektron. Zhurn.* [Officer. E-magazine], 2007, no. 398 (3). Available at: <http://chinovnik.uapa.ru/modern/about.php>. (Accessed 12 October 2017) (in Russian).

39. Vol'f E. M. Sub'ektivnaya modal'nost' i semantika proposicii [Subjective modality and semantics of the proposition]. In: *Logicheskij analiz yazyka. Izbrannoe. 1988–1995* [Logical analysis of the language. Favorites. 1988–1995]. Moscow, Indrik Publ., 2003, pp. 87–101 (in Russian).

40. Grajs G. P. Logika i rechevoe obshchenie [Logic and Speech Communication]. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vol. XVI. Lingvisticheskaya pragmatika* [New in Foreign Linguistics. Linguistic pragmatics]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 217–237 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 19.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Киреева Е. З. Жанр как актуализатор текстовой модальности (на материале документов регионального законодательства) // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 25–38. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-25-38

For citation

Kireeva E. Z. Genre as a Textual Modality Actualizer (on the Basis of Regional legislation documents). *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 25–38. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-25-38.

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 49:008

ББК 81.871:71

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47

В. И. Карасик
Волгоград, Россия
Тяньцзинь, Китай

Vladimir I. Karasik
Volgograd, Russia
Tianjin, China

ПРЕДСКАЗАНИЕ КАК РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Рассматривается коммуникативное действие «предсказание», содержанием которого является категоричное утверждение о том, что произойдет в будущем. С позиций семантики «предсказание» является разновидностью класса коммуникативных концептов, с позиций прагматики этот тип коммуникативного действия соединяет в себе декларацию и комиссив. Предсказания могут быть рационально обусловленными и интуитивно порождаемыми, первые характерны для научного дискурса, вторые – для обиходного и религиозного. Противопоставляются пророчества – предсказания, представляющие собой выражение божественного послания, и предсказания, полученные посредством гаданий. В качестве объекта предсказания выступает значимое для адресата событие. Субъекты предсказания, выступающие в качестве пророков, обычно критически воспринимают реальность, выступающие как гадалки принимают действительность как данность. Пророкам противопоставлены лжепророки, колдуны, а также шарлатаны. Предсказания могут включать условия их реализации. Обычно предсказания формулируются в туманной форме, допускающей неоднозначную интерпретацию.

Ключевые слова: предсказание, пророк, гадалка, речевое действие, интерпретация.

PREDICTION AS A SPEECH GENRE

The article deals with a speech act «prediction», its content is a categorical declaration of future events. Semantically it is a type of communicative concepts, and pragmatically, it combines characteristics of declarations and commissives. Predictions may be either rationally determined or intuitively generated, the former are typical of a scientific discourse whereas the latter mostly function within religious and habitual communication. Two types of predictions are singled out – prophecies and divinations, the first are sent from the God, the second are obtain by means of esoteric practice. The object of a prediction is a significant event for an addressee. Prophets as subjects of prediction usually criticize people, and fortune tellers take the reality as it is. Prophets are opposed to pseudo-prophets, sorcerers and frauds. Predictions may include conditions of their realization. Predictions are usually formulated in a vague manner and their interpretation is often ambiguous. Their genre system is very diverse and ranges from horoscopes to scientific and pseudo-scientific prognoses.

Key words: prediction, prophet, fortune-teller, speech act, interpretation.

Сведения об авторе: Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет; Тяньцзиньский университет иностранных языков.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8306-5317

About the author: Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of the English Philology.

Place of employment: Volgograd State Socio-Pedagogical University; Tianjin Foreign Studies University.

E-mail: vkarasik@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8306-5317

Стремление заглянуть в будущее заложено в природе человека. С древних времен эта способность предвидения считалась признаком сверхъестественных существ и людей, наделенных особым даром предсказывать судьбу. В нашем сознании противопоставлены ясновидцы, гадалки, пророки, деятельность

которых не поддается рациональному объяснению, и представители науки, разрабатывающие объективные методики прогнозирования в разных областях освоения мира. В этом плане представляется интересным определение характеристик предсказания как особого коммуникативного поступка.

В теории речевых действий детально охарактеризованы разные виды коммуникативного поведения [1–9]. Предсказание, по нашим данным, специально рассматривалось только в работе М. Я. Гловинской [10]. В этой весьма информативной статье сделаны интересные наблюдения и выводы по поводу наивной религии, представленной в «предсказаниях».

В когнитивном плане предсказание включает получение особого типа знания – знания о будущем, передачу этого знания и реакцию людей на него. Центральным моментом в этом процессе является экстернизация знания, которая может быть представлена как концепт – разновидность коммуникативных концептов. В этом плане представляется перспективным осмысление теории речевых актов с учетом достижений когнитивной лингвистики, в частности – теории концептов [11–18].

Будучи действием, предсказание дефинируется как глагол следующим образом: 'имея знание о будущем, которое обычно люди не могут иметь заранее, сообщать им о том, что произойдет' [19: 825]. В русском языке идея предсказания концептуализируется в глаголах «предсказывать», «предрекать», «пророчить», «пророчествовать», «прорицать», «прогнозировать». Эта идея уточняется в следующих направлениях: источник знания о будущем – мистический или рациональный; характер предсказываемых явлений – целостная картина либо неординарное событие, либо параметр ситуации; особые внешние формы выражения речевого акта; мотивировка высказывания; истинность предсказания; тип адресата; возможность несовпадения адресата предсказания и субъекта предсказываемого события; возможность перформативного употребления [Там же].

Предсказание соединяет в себе признаки декларативных и комиссивных действий: говорящий констатирует некоторое положение дел, информируя своих адресатов, но поскольку эта ситуация относится к сфере будущего, берет на себя обязательства, гарантируя, что предсказание сбудется. Характеристики предсказания как декларации соответствуют общим признакам этого коммуникативного акта: сообщение должно содержать новую информацию, быть релевантным и правдоподобным. Нельзя квалифицировать в этом качестве высказывания «*Через 20 лет люди будут радоваться подаркам и плакать от обиды*» или «*На следующей неделе вам захочется позвонить старому знакомому*», или «*В ноябре к нам прилетят инопланетяне*». В качестве комиссива, т. е. взятия на себя обязательства, предсказание обладает следующими признаками: перспективной направленностью, правом говорящего на соответствующее высказывание

и готовностью взять на себя ответственность в случае неисполнения того, что сказано. Соответственно не попадают под определение предсказания высказывания «*Мир мог взорваться, но я этого не допустил*», или «*Завтра я, Серёжа Волков, объявляю войну Сатурну*» (за исключением игровых ситуаций), или «*Через сто лет мы встретимся в новом обличье на этом месте и не узнаем друг друга*». Предсказание должно быть посвящено значительному, а не обыденному явлению или событию, этим оно отличается от указания на совершение действия в будущем (Ср.: «*Через 10 лет на этом острове произойдет катастрофическое извержение вулкана*» – «*Этим летом подорожает проезд на общественном транспорте*»). Предсказание в модальном плане отмечено абсолютной уверенностью говорящего в том, что произойдет, и в этом состоит его отличие от выражения намерения или предположения (Ср.: «*Он будет казнён и воскреснет*» – «*Надеюсь, он не забудет о своём обещании*»).

Кто является носителем такого тайного знания о будущем? Предполагается, что бессмертные боги знают будущее потому, что существуют в особом временном измерении, у них есть вечно длящееся настоящее. В мифологии дар предвидения даётся смертным как миссия либо компенсация за утрату некоторых важных качеств обычного человека. В хрестоматийном стихотворении А. С. Пушкина сказано о том, кому может открыться пророческий дар: «*Духовной жаждой томим...*», следовательно, тот, кто не испытывает потребности в отрыве от земных забот, такого дара не получает. В греческой мифологии юноша Тиресий был ослеплён богиней Афиной за то, что подсматривал за её купанием, но поскольку он был сыном одной из нимф, любимиц богини, в качестве компенсации он получил способность видеть будущее.

В античные времена выделились три типа предсказателей будущего: оракулы (особые жрецы, служившие в специальном храме, где обитало божество, к которому приходили с вопросами о будущем, такой храм также именовался оракулом), сивиллы – прорицательницы, которые в экстазе выкрикивали о предстоящих бедствиях, жрецы, которые занимались гадательной практикой – мантикой. Различные гадатели обращались к особым предметам как знакам передачи тайной информации: гаруспики – к внутренностям животных, авгуры – к полету птиц, другие предсказатели – к изображениям на костях или картах и т. д. В шаманской практике ясновидение открывалось во время особого ритуала, в ходе которого шаман приводил себя в состояние истопления.

В Библии четко противопоставляются пророки и прорицатели. Первые получают от Бога свой дар и несут народам правду о том, что ждет людей, попутно критикуя их за нарушения божественных заветов. Вторые обращаются к темным силам для получения тайных знаний, приводят себя в исступление либо гадают при помощи специальных предметов и обычно берут за это плату. Исторически гадатели предшествуют пророкам, поскольку первые свойственны политеистическому, а вторые – монотеистическому обществу, и поэтому в религиозном сознании любые языческие процедуры объявляются колдовством и находятся под запретом.

Древние прорицатели с достоинством воспринимали свою миссию (у А. С. Пушкина «...идёт вдохновенный кудесник»). В ряде случаев, впрочем, их судьба была незавидной. С античных времен распространен сюжет о пророчице, которой никто не верит. Бог Аполлон дал Кассандре дар предвидения будущего, но затем сделал так, чтобы ее предсказаниям не верили. Прорицатель не может удержать в себе это знание, он или она выкрикивает людям правду. Поведение людей, которым сообщается информация о будущем, сводится к благоговейному трепету перед прорицателем либо к насмешке над ним.

Для выявления релевантных признаков ситуации предсказания мы обратились к Национальному корпусу русского языка (Ruscorpora).

В ситуации предсказания можно выделить субъектные, объектные и обстоятельственные характеристики, а также предикатные уточнения прорицания. Иллюстративные примеры показывают, что субъектные признаки в этой ситуации уточняются в виде имен собственных и атрибутов субъекта.

Агентами предсказания выступают известные ученые, и тогда их имена называются:

В 1886 году немецкий химик Клеменс Александр Винклер открыл германий, новый элемент, существование которого еще за 15 лет до этого было предсказано Дмитрием Ивановичем Менделеевым (А. Макареня).

Замедление времени в сверхбыстром полете предсказано великим физиком Эйнштейном (Е. Велтистов).

Если имя предсказавшего считается общеизвестным, сфера его деятельности не называется. Так, носители русской культуры должны знать, что Д. И. Менделеев был химиком. Обратим внимание на предикатное уточнение в приведенном примере: *открыл – предсказал*.

В качестве агентов предсказания выступают известные политики:

Председатель Центризбиркома Александр Вешняков предсказал Ирине Нагорных, что авторы поправок вскоре сами от них откажутся (И. Нагорных, И. Булавинов).

Политика как сфера деятельности характеризуется многовариантными сюжетами развития, и поэтому опытный политик должен предвидеть наиболее предполагаемый исход событий.

Предсказаниями делятся историки и публицисты:

Керсновский предсказал неизбежность Второй мировой войны задолго до ее начала (А. Храмчихин).

А. И. Керсновский, эмигрировавший после революции на Запад, в своих публицистических статьях предупреждал современников об угрозе для России со стороны Германии.

Агентом предсказания может выступать неизвестный человек, но тогда подчеркиваются его необычные признаки:

Когда-то на рынке в Горьком сказочно-го вида старик предсказал ей зажиточную и очень яркую жизнь (И. Найденов).

Сфера предсказаний относится к миру волшебства, и поэтому у старика на рынке сказочный вид. Гадатели с древних времен встречаются в людных местах. Рынок – типичное место их деятельности. В России эта практика давно занята цыганками, в Китае в рядах торговцев можно увидеть предсказателей с их атрибутами – особыми карточками.

Заслуживает внимания описание деятельности жреца-прорицателя:

В некоторых храмах жрец-предсказатель сам садился внутрь идола, изображавшего бога, и вещал оттуда (В. В. Мезенцев, К. С. Абиляханов).

Мы понимаем, что в данном случае предсказатель говорил народу то, что считал нужным сказать в соответствии с повелениями царя.

Если деятельность предсказателя, не относящегося к сфере науки, часто характеризуется критически, то пророк определяется однозначно как посланец Всевышнего:

Он обзрел собственный творческий путь как посланец Бога, как пророк, которому Творец дал особую высоту (Ю. С. Осипов).

Пророк приравнивается к ангелу – посланцу Бога. Обратим внимание на то, что Создатель не обращается к массам непосредственно, но всегда выбирает особых представителей народа, через которых доводит до людей свою волю. В этом плане пророк выступает как носитель и интерпретатор божественного послания.

В религиозных текстах пророки противопоставлены не только прорицателям-колдунам,

но и лжепророкам, которые намеренно выдают себя за посланцев Бога:

...и многие лжепророки восстанут, и прельстят многих (Матфей, 24:11).

Прельщение – основное занятие дьявола.

Предсказатели будущего могли также исцелять больных:

Древние легенды, воспевая мудрость Мардука, отмечали, что он был великий врачеватель и предсказатель будущего (В. Бурлак).

Эти два вида деятельности с древних времен рассматриваются людьми как проявление чуда.

Поскольку предсказание является коммуникативным актом, в нем выделяется адресат как участник этой ситуации.

Адресатом предсказания гипотетически может быть любой человек, но в примерах в этом качестве фигурируют люди, имеющие особые права и обязанности. Например, это монархи:

Общеизвестная фабула мифа об Эдипе сводится к следующему: фиванскому царю Лайю было предсказано, что сын, если таковой родится, убьет его и женится на собственной матери (А. Чайковская).

Предсказание, как мы знаем из содержания этого сюжета, исполнилось.

Пророчества предшествуют получению короны:

Согласно легенде, одному древнему военачальнику было предсказано: если он сможет хотя бы единожды бросить взгляд на Лоне Комптон, то станет королем Англии (А. Тюняев).

В данном примере следует обратить внимание на четко сформулированное условие для того, чтобы прорицание сбылось.

Адресатами пророчества могут быть избранные:

Как было предсказано, вы будете равны богам (Н. Александрова).

Вряд ли это обращение относится ко всем.

Суровое наказание за отступничество от божественных заповедей предсказано в пророчестве Исайи:

Горе вам, прибавляющие дом к дому, соединяющие поле к полю, так что другим не остается места, как будто вы одни поселены на земле.

В уши мои сказал Господь Саваоф: многочисленные дома эти будут пусты, большие и красивые – без жителей (Исайя, 5:8–9).

Адресаты этого послания – алчные люди, которых ждет гибель.

В качестве объекта предсказаний называется нечто значимое. Таковы научные предсказания, прогнозы, основанные на глубоких знаниях предмета:

Это новое явление – радиоизлучение химической реакции – сначала было предсказано

теоретически, а затем обнаружено экспериментально (В. А. Тартаковский, С. М. Алдошин).

В соответствии с принципами научного познания теория предшествует эксперименту.

Мы говорим о предсказаниях в прошедшем времени («было предсказано»), устанавливая тем самым приоритеты в научном освоении мира:

Тюринг предсказал, что к концу второго миллениума (трудно поверить, но подобные машины существовали уже тогда) программы смогут обмануть тридцать процентов судей после пяти минут беседы (В. Пелевин).

Речь идет об известном ученом, который работал над созданием искусственного интеллекта.

Научные предсказания – это доказательство силы разума:

Он предсказал, что с помощью разработанного им метода ученые смогут не только создавать модели уже известных генетических аномалий, но и определять функции совершенно неизученных генов (О. Белоконев).

В научном предсказании особенно важна методика установления истины.

В 2002 году социолог Говард Рейнгольд предсказал появление «умных толп», которые будут самоорганизовываться с помощью социальных сетей (А. Лонская).

Обратим внимание на близкое к нам по времени предсказание, касающееся изменения общества, которое организуется в социальных сетях.

Особенно значимы предсказания писателей-фантастов, произведения которых описывают будущее:

Артур Кларк, к прогнозам которого о достижении человечества в XXI веке мы не раз обращались, предсказал к 2030 году вступление в контакт с внеземными цивилизациями (Космос: разговоры с продолжением).

Эта тема является одной из самых актуальных в современной фантастике, хотя следует заметить, что встреча с инопланетянами как сюжетный прием дает возможность писателю показать прежде всего человеческие характеры, поскольку больше всего человека интересует человек.

Заслуживают внимания условия, которые характеризуют предмет предсказания:

По одной из легенд, это сделал раджа Анангапал, поскольку учёный брахман предсказал ему: династия Томаров сохранит власть до тех пор, пока колонна прочно стоит на земле (В. Кашин).

Аналогичные смысловые связи распространены в мифологии и истории: например, сказано, что Англия будет существовать до тех

пор, пока в Тауэре живут вороны (как известно, англичане не только кормят этих птиц отборной говядиной, но и на всякий случай подрезают им крылья).

Предсказания политиков касаются экономических и социальных перспектив развития государств:

Критикуя решения Парижской мирной конференции, выбросившей Россию за борт с корабля мировых держав, он пророчески заметил, что страны – участники этого «международного судилища» – «горестно ошибутся в своих ожиданиях и в исторической перспективе уготовят себе несколько смешное положение» (А. Матвеева).

Можно заметить, что в предсказаниях собственноручно футурологическое содержание органически связано с оценочным.

Не все предсказания сбываются, но в том случае, когда они оказываются верными, мы с удивлением и некоторым страхом отмечаем это:

Джордж Реджинальд Бахус ... создает трилогию «На суше и на море», в которой журналистски поверхностно, но исторически удивительно точно запечатлены приметы времени и пугающе верно предсказано многое на будущее: мировые войны, политические кризисы, новые эстетические методы и виды искусства (Э. Ретин).

Войны, кризисы, развитие искусства и многое другое – это закономерные характеристики человеческого бытия. Они поражают нас в предсказаниях в тех случаях, если формулируются конкретно. Обычно объективное содержание предсказаний вуалируется. Таковы знаменитые центурии Мишеля Нострадамуса, который в предисловии к их публикации, адресованном своему сыну, выразился следующим образом: «...чтобы не шокировать хрупкого слуха живущих, все мои писания я облек в форму туманную и пророческую». Например:

В правление одного человека везде будет мир,

Но через некоторое время будут грабеж и восстание.

Из-за отказа город, суша и море подвергнутся нападению,

Мертвых и пленных треть миллиона.

«Толкования пророчества разнятся. Некоторые считают, что речь идет о Второй империи Наполеона III (чей девиз был «Империя – это мир», первая строка) и вспыхнувшей в конце его правления Франко-прусской войне 1870–1871 годов, в ходе которой французы потерпели полный разгром (только в плен было взято более 100 тыс. человек, вторая часть четверостишия), и Сентябрьской революции («восстание»). Другие считают, что

это описание нападения японцев на Перл-Харбор в 1941 году, которое стало началом Тихоокеанской войны Японии с США, окончившейся тяжелым поражением и большими потерями для агрессоров» (Предсказания Нострадамуса. Новое прочтение. Белгород, 2015. – www.bookz.ru). Диапазон вариативности в интерпретации предсказаний, зашифрованных в этой книге, весьма широк. Специфика предсказания как особого типа действия состоит в том, что оно принципиально связано с конкретным человеком и конкретными обстоятельствами, и поэтому различные попытки обобщить те знаки, которые адресованы другому человеку, неизбежно терпят фиаско, либо являются манипуляциями, либо свидетельствуют об определенных типовых ассоциациях в нашем сознании (таковы, например, сонники). Можно лишь с определенной степенью уверенности констатировать, что некоторым людям открыто особое знание будущего, но передача такого знания осуществляется прямо только для конкретного адресата. В лингвистическом отношении, тем не менее, способы выражения предсказаний заслуживают внимания как особый тип коммуникативной практики.

Содержание предсказаний в отношении конкретных людей касается точного определения их срока жизни:

Оказывается, ему было предсказано, что умрет он восьмидесяти трех лет в Гренландии (А. Стругацкий, Б. Стругацкий).

В приведенном примере речь идет не только о том, сколько лет проживет человек, но и о месте его кончины.

Прорицатель может точно определить пол ребенка, который будет рожден в отдаленном будущем:

Эта беседа особенно запала в память, ибо именно Кенраб Норбу предсказал, что у меня родится не сын, а дочь (В. В. Овчинников).

Подобные предсказания запоминаются.

Обстоятельные характеристики предсказаний касаются времени и места их произнесения и способа их выражения.

Значимы предсказания, сделанные достаточно давно:

Причина этого заключается в том, что ей ещё в детстве предсказано, что она сама себя лишит жизни (В. М. Бехтерева).

Этот пример интересен еще и тем, что предсказание может программировать поведение человека.

Прорицатели выглядят особым образом, когда произносят свои пророчества:

Потому что красное может не выиграть, – сказал он, пророчески глядя вдаль (В. П. Катаев).

Взгляд, устремленный вдаль, – характерный облик человека, которому открыто будущее.

Вспомним в этой связи о парадных портретах Сталина: взгляд вождя всегда был направлен вдаль. Очевидцы, впрочем, отмечали, что его прямой взгляд было трудно вынести.

Пророческий стиль характеризуется подчеркнутой прямоотой:

Не доведется... – жестко и пророчески ответил старик. – И сам сюда дорогу забудешь, и другим не укажешь (В. Бурлак).

Персонаж, как можно видеть, хотел сказать старику, что их пути, возможно, еще пересекутся и им доведется встретиться.

Заслуживает внимания частотный оборот «как и было предсказано» при изложении сбывшихся пророчеств:

Как и было предсказано, самолет улетел недалеко (Б. Левин).

И вот, едва вкусив от этих кровью налитых румяных плодов, как и было предсказано: «в тот же день – смертью умрете» – стали умирать один за другим, не отходя от развесистого древа (М. Эпштейн).

Говорящий тем самым свидетельствует, что предсказание было верным.

Иногда это свидетельство дополняется иронией:

Всякий предсказатель погоды, особенно в Антарктиде, должен быть чуть фантазером и чуть юмористом (В. Песков).

В этом высказывании подчеркивается малая вероятность исполнения предсказания.

Иронически может оцениваться и верное предсказание:

Как пророчески шутили организаторы поездки, в крайнем случае будет чем питаться (Ю. И. Андреева).

Пророчество и шутка редко сочетаются, но такая комбинация тональностей возможна.

В прорицании может подчеркиваться обстоятельство причины:

Даже христиане смотрели на Саббатаи со страхом, потому что подобное явление предсказано на апокалипсический год (В. М. Бехтерев).

Речь идет о человеке, который провозгласил себя в 1648 г. мессией (по расчетам каббалистов именно в этот год должен был прийти Спаситель).

Заслуживает внимания психологически точное описание предсказания с позиций того, кто его произносит:

Я один понимал тёмное значение этих слов: они относились ко мне; я предсказал невольно бедному его судьбу; мой инстинкт не обманул меня: я точно прочёл на его изменившемся лице печать близкой кончины (М. Ю. Лермонтов).

В повести М. Ю. Лермонтова «Фаталист» говорится о персонаже, который демонстрирует презрение к смерти и на пари стреляет

себе в лоб из пистолета, происходит осечка, но в этот же вечер его убивает пьяный казак, и перед смертью герой произносит: «Он прав!», вспоминая слова Печорина, который предсказал ему скорую смерть и от лица которого ведется повествование. Не каждому дано увидеть на лице кого-либо печать близкой кончины.

Предвидение может быть причиной действия:

Пророчески предчувствуя все это и пытаясь все это остановить, Достоевский и сказал: «Если Бога нет – все дозволено» (Ф. Искандер).

Обычно люди, наделенные даром предвидения, не вмешиваются в ход событий, полагая, что одно зло неизбежно заменится другим. Эта тема детально разрабатывается в научной фантастике. Интересна серия сюжетов, метафорически названная «Эффект бабочки»: в рассказе Р. Брэдбери путешественник во времени во время охоты на динозавров раздавил бабочку, и это привело к непоправимым последствиям в дальнейшей истории Земли. Но тем более заслуживают нашего уважения попытки противодействия злу со стороны тех, кто способен предвидеть будущее.

Мы понимаем, что одними только предсказаниями события не объясняются:

В тех примерах, что я дал, люди погибли не только потому, что им было предсказано, что они погибнут (В. Финогеев).

...падение Вавилона произошло вовсе не так, как это было предсказано (М. Рижский).

Причинно-следственная связь событий и ощущение того, что должно произойти – явления разного порядка. И не всё, что происходит, предсказано:

Что-то не помнится, чтобы появление пишущей машинки в какой-то степени было предсказано, как это бывает с другими чудесами в этом роде (Ю. К. Олеша).

Для писателя пишущая машинка – инструмент его творчества – одно из чудес, которое заслуживало того, чтобы быть предсказанным.

Несбывшееся предсказание заставляет некоторых смеяться. Но затем оно сбывается:

...один философ умер от хохота, видя, что день, в который ему было предсказано умереть, подходит к концу, а он все еще жив (М. Л. Гаспаров).

Насмешка над судьбой – высшее право философа.

Наш опыт учит нас критически относиться к предсказаниям, поскольку часто в качестве предсказателей выступают шарлатаны:

Я, кстати, по-прежнему не склонен доверять вам всецело. Любой предсказатель вызывает подозрение. – Особенно тот, чьи

предсказания сбываются, – вставила Ксения (Е. Прошкин).

Невозможность рационального объяснения предсказаний пугает людей.

Оценочные характеристики предсказателей весьма вариативны.

Эти люди часто производят впечатление безумцев:

Ты не можешь знать, кто сумасшедший, а кто – пророк (Д. Рубина).

Пророки понимают, что они не имеют права отказаться от своей миссии, хотя ее выполнение зачастую связано со страданиями:

Да и зачем вам ещё своя мысль, люди, когда я, ваш пророк, один за всех и раз навсегда передал вам моё великое отчаяние? (И. Ф. Анненский).

Близкая по смыслу мысль сформулирована Л. Н. Андреевым: «Ужасно, когда тоска коснётся божьей души». Имеется в виду душа Создателя. Становится понятно, в какие глубины вынужден заглядывать тот, кому выпал дар прорицателя.

Судьба пророка обычно бывает трагичной:

Как все поэты, он был пророк и напрогночил себе золотое Аллилуйя над высокой могилой (В. П. Катаев).

Поэзия в значительной мере смыкается с пророчеством и требует принесения жертвы от того, кому выпал такой жар. Заслуживает внимания сравнение поэта и пророка:

Поэт лишь прикасается к тайне, тогда как пророк говорит из глубины тайны, он сам является тайной, обретшей человеческий голос, тайной, обладающей высшей властью (Е. Чижов).

Комментируя эту фразу, замечу, что пророчество – это одна из ипостасей поэзии, но вряд ли справедливы утверждения о том, что поэзия непременно должна быть пророческой или гражданственной:

Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан (Н. А. Некрасов).

Заставляет нас задуматься следующее горькое наблюдение:

...я вспомнила Вертинского «Будет это пророк или просто обманщик, но в какой только рай нас погонят тогда?» (М. А. Журинская).

Вряд ли нас радует рай, в который людей загоняют, и уже не столь важно, кто толкает людей туда – искренне уверенный в своей правоте лидер с огненным взором пророка или циничный обманщик-манипулятор.

Если прорицание становится обычной профессиональной деятельностью, оно становится похожим на работу фокусника:

30 лет практики, предсказатель человеческой судьбы по хиромантии, астрологии, по звездам, по индийско-арабским наукам

и по разным картам, для торговцев особенно по их делам, – прошедшее, настоящее и будущее; предсказания проверены – все верно (Объявление).

В этом объявлении можно заметить ориентацию прорицателя на определенную группу людей – торговцев, работа которых в значительной мере зависит от удачи.

Предсказание как культурный феномен неоднократно привлекало к себе внимание афористов.

Отмечено, что судьба настоящих пророков трагична:

Дело пророков – пророчествовать, дело народов – побивать их камнями (Владислав Ходасевич).

Побивание камнями – ритуальная казнь в древней Иудее, когда всё сообщество убивало преступника, забрасывая его камнями.

Интересно сравнение историка и пророка:

Историк – это вспять обращенный пророк (Фридрих Шлегель).

Люди должны делать выводы из своей истории, а не только констатировать происходящее. Пророчество имеет модальность должностования, и приведенная сентенция заставляет нас понять, что события в прошлом развивались по определенной логике.

Обязанность пророка – критически воспринимать мир:

Пророк призван спорить с царем или даже с историей (Мартин Бубер).

Спор с царем редко заканчивается в пользу пророка. Если же речь идет о споре с историей, то здесь высвечиваются те ошибки, которые люди совершили по глупости или равнодушию.

Общим местом является софистика политиков:

Политик должен уметь предсказать, что произойдет завтра, через неделю, через месяц и через год. А потом объяснить, почему этого не произошло (Уинстон Черчилль).

Это высказывание может быть истолковано двояко: с одной стороны, политик делает безответственные заявления о будущем, на которое он не в силах повлиять, с другой стороны, он повышает свою значимость в глазах аудитории, намекая на то, что нежелательные события не произошли благодаря его усилиям по их предотвращению.

Заслуживает внимания следующее высказывание:

Мудрецы стоят выше пророков, ибо если мудрость присуща мудрецам постоянно, дар пророчества выказывает себя лишь изредка (Зохар).

В этой фразе отмечена неподконтрольность дара пророчества человеку, который выступает в данном случае инструментом высшего разума.

Пророки часто изъясняются так, что их трудно понять. В таких случаях на первый план выходят интерпретаторы:

В пророчествах истолкователь часто более важная персона, чем сам пророк (Георг Кристоф Лихтенберг).

Соответственно от мудрости и честности интерпретатора зависит судьба пророчества.

Людам свойственно внимательно следить за ошибками тех, кто пытается предсказать будущее:

Никогда не пророчествуйте: если вы ошибетесь, никто этого не забудет, а если угадаете, никто об этом не вспомнит (Генри Уиллер Шоу).

В данном случае речь идет не о предсказании, которое обусловлено способностью заглядывать в будущее, а о гадании.

Гадатели часто бывают мошенниками:

Удивляюсь, как может удерживаться от смеха один гаруспик [прорицатель, гадающий по внутренностям птиц], когда смотрит на другого (Марк Порций Катон).

Мошенники смеются над наивной толпой, верящей им.

Этическую оценку предсказателям дает известный римский оратор:

Всякое предсказывание зла только тогда – доброе дело, когда оно сопровождается советом, как это зло отвести (Марк Туллий Цицерон).

В этой сентенции подчеркивается важность действий по предотвращению зла.

Предсказания в сфере политики не бывают беспристрастными:

Политические предсказания – это выраженные вслух желания (Пьер Буаст).

Можно заметить, насколько значимой является дискурсивная специфика предсказаний. Жанровый потенциал предсказаний весьма широк, от гороскопов до научных и квазинаучных прогнозов.

Подведем основные итоги.

Предсказание представляет собой коммуникативный поступок, содержанием которого является категоричное утверждение о том, что произойдет в будущем. В содержательном плане «предсказание» является разновидностью класса коммуникативных концептов, по своей речеактовой природе этот тип коммуникативного действия соединяет в себе декларацию и комиссив.

Выделяются рационально обоснованные и интуитивно порождаемые предсказания, первые функционируют преимущественно в научном дискурсе, вторые – в обиходном и религиозном общении. Противопоставляются пророчества-предсказания, представляющие собой выражение божественного

послания, и предсказания, полученные посредством гаданий.

Объектом предсказания является значимое для адресата событие, субъекты этого коммуникативного поступка делятся на предсказателей и получателей предсказаний. Предсказатели, выступающие в качестве пророков, обычно критикуют существующий порядок вещей, а выступающие в качестве гадателей принимают действительность как данность. Судьба настоящих пророков трагична, поскольку подлинное пророчество является самопожертвованием. Пророки часто выглядят как безумцы. Пророкам противостоят лжепророки и колдуны, а также многочисленные шарлатаны и мошенники, извлекающие пользу из желаний людей узнать будущее.

Предсказания могут включать условия их реализации. Пророчества и предсказания формулируются в высказываниях, требующих интерпретации. Способы выражения предсказаний варьируются от шаманского экстатического камлания до продуманной софистики в политическом дискурсе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богданов В. В. Классификация речевых актов // Личностные аспекты языкового общения: сб. науч. тр. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1989. С. 25–37.
2. Гак В. Г. Прагматика, узус и грамматика речи // Иностранные языки в школе. 1982. № 5. С. 11–17.
3. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 22–130.
4. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения: пособие по теоретическим курсам. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
5. Серль Дж. Р. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986. С. 151–169.
6. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Винница: Нова Книга, 2009. 272 с.
7. Ballmer T., Brennenstuhl W. Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs. Berlin: Springer, 1981. 274 p.
8. Kreckel M. Communicative Acts and Shared Knowledge in Natural Discourse. L.: Academic Press, 1981. 316 p.
9. Stiles W. B. Classification of Intersubjective Illocutionary Acts // Language in Society. 1981. Vol. 10. P. 227–249.
10. Гловинская М. Я. Предсказания и пророчества в русском языке // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994. С. 174–180.
11. Воркачев С. Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta. Волгоград: Парадигма, 2014. 331 с.
12. Демьянков В. З. Понятие и концепт в художественной литературе и научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1. С. 35–47.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

14. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. М.: Гнозис, 2008. 374 с.

15. Пименова М. В. Концепт *сердце*: Образ. Понятие. Символ. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с.

16. Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и мета-концепты. Волгоград: Перемена, 2004. 340 с.

17. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.

18. Стернин И. А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. Вып. 1 / науч. ред. И. А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2008. С. 8–20.

19. Гловинская М. Я. Предсказывать // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. 2-е изд. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 825–830.

REFERENCES

1. Bogdanov V. V. Klassifikatsija rechevykh aktov [Classification of speech acts]. In: *Lichnostnyye aspekty yazykovogo obshcheniya: Sb. nauch. tr.* [Personal aspects of language communication: Coll. sci. papers]. Kalinin, Kalininsky gos. un-t, 1989, pp. 25–37 (in Russian).

2. Gak V. G. Pragmatika, uzus i grammatika rechi [Pragmatics, usage and grammar of Speech]. *Inostrannyje jazyki v shkole* [Foreign Languages in School], 1982, no. 5, pp. 11–17 (in Russian).

3. Austin J. Slovo kak deystvie [Word as action]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics]. Iss. XVII. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 22–129 (in Russian).

4. Romanov A. A. *Sistemnyj analiz reguljativnykh sredstv dialogicheskogo obshchenija* [System analysis of regulatory means of dialogical communication]. Moscow, In-t yazykoznanija AN SSSR, 1988. 183 p. (in Russian).

5. Searle J. Chto takoe rechevoy akt? [What is a speech act?]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in foreign linguistics], iss. XVII. Moscow, Progress Publ., 1986, pp. 151–169 (in Russian).

6. Susov I. P. *Lingvisticheskaja pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Vinnitsa, Nova Knyga Publ., 2009. 272 p. (in Russian).

7. Ballmer T., Brennenstuhl W. *Speech Act Classification: A Study in the Lexical Analysis of English Speech Activity Verbs*. Berlin, Springer, 1981. 274 p.

8. Kreckel M. *Communicative Acts and Shared Knowledge in Natural Discourse*. London, Academic Press, 1981. 316 p.

9. Stiles W. B. Classification of Intersubjective Illocutionary Acts. *Language in Society*, 1981, vol. 10, pp. 227–249.

10. Glovinskaya M. Ya. Predskazaniya i prorochestva v russkom jazyke [Predictions and prophecies in the Russian language]. In: *Ponyatije sud'by v kontekste raznykh kul'tur* [The concept of fate in the context of different cultures]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 174–180 (in Russian).

11. Vorkachev S. G. *Voploshchenije smysla: conceptualia selecta: monografiya* [The embodiment of meaning: conceptualia selecta]. Volgograd, Paradigma Publ., 2014. 331 p. (in Russian).

12. Dem'jankov V. Z. Ponjatije i kontsept v khudozhestvennoj literature i nauchnom jazyke [NOTION and CONCEPT in fiction and scientific language]. *Voprosy filologii* [Questions of philology]. 2001, no. 1, pp. 35–47 (in Russian).

13. Karasik V. I. *Jazykovej krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 390 p. (in Russian).

14. Krasavskiy N. A. *Emotsional'nyje kontsepty v nemetskoj i russkoj lingvokul'turakh* [Emotional concepts in German and Russian linguocultures]. Moscow, Gnozis Publ., 2008. 374 p. (in Russian).

15. Pimenova M. V. *Kontsept SERDTSE: Obraz. Ponjatije. Simvol* [Concept HEART: Image. Notion. Symbol]. Кемерово, КемГУ, 2007. 500 p. (in Russian).

16. Sлышкин Г. Г. *Lingvokul'turnyje kontsepty i metakontsepty* [Linguistic-cognitive concepts and meta-concepts]. Volgograd, Peremena Publ., 2004. 340 p. (in Russian).

17. Stepanov Yu. S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. Dictionary of Russian culture. Experience of research]. Moscow, Shkola "Jazyki russkoj kul'tury" Publ., 1997. 824 p. (in Russian).

18. Sтернин И. А. Opisanije kontsepta v lingvokontseptologii [Description of a concept in linguoconceptology]. *Lingvokontseptologija* [Linguoconceptology]. Voronezh, Istoki Publ., 2008, iss.1, pp. 8–20 (in Russian).

19. Glovinskaya M. Ya. Predskazyvat' [Predicting]. In: *Novyj objasnitel'nyj slovar' sinonimov russkogo jazyka* [New Explanatory Dictionary of Synonyms of the Russian Language]. 2nd ed. Moscow, Shkola "Jazyki slavjanskoj kul'tury" Publ., 2003, pp. 825–830 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 01.10.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Карасик В. И. Предсказание как речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 39–47. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47

For citation

Karasik V. I. Prediction as a Speech Genre. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 39–47. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-39-47.

УДК 811.161.1.38

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-48-54

В. Н. Базылев
Москва, Россия

Vladimir N. Bazylev
Moscow, Russia

**ЖАНРЫ СОЦРЕАЛИЗМА: «СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ» И «ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ»
ОТ СОВЕТСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЛИДЕРОВ**

**GENRES OF SOCIALIST REALISM
“COLLECTED WORKS” AND “SELECTED
WORKS” FROM SOVIET POLITICAL
LEADERS**

Статья посвящена рассмотрению жанра «собрания сочинений», а именно собрания сочинений политических лидеров Советского Союза. Объектом изучения в статье выступает собрание сочинений Л. И. Брежнева «Ленинским курсом», вышедшим в 9 томах с 1973 по 1983 г. Формулируется гипотеза, что «собрания сочинений» представляют собой жанровую типологическую разновидность литературных метатекстов, то есть ансамблевых или составных текстовых образований. Они являются жанровой формой художественной циклизации по совокупности содержательных и конституирующих признаков. Формальный подход при исследовании концентрируется на односторонне оформленных единицах (томах), содержащих все или основные произведения советского политика в качестве его идеологического, пропагандистского, литературно-художественного или публицистического наследия, а также научно-справочный аппарат – сопроводительные статьи, комментарии, указатели и т. п. Содержательный аспект исследования сосредоточен на собрании сочинений как издании двойственном по хронологу: ретроспективном и проспективном одновременно. Совокупность жанров, объединенных в единый гипержанр «собрание сочинений советского политического вождя», концентрирует накопленный личностью политика опыт руководства внутренней и внешней политикой страны, опредмечивает практику организационной и идеологической работы. Жанровое разнообразие текстов, составляющих репертуар собрания сочинений, получает вес и значение аргументов, которые историография может представить политическому деятелю для политической пропаганды, обоснования политических притязаний и реализации его планов. Единый хронологический принцип «динамического монументализма» (по Д. С. Лихачеву) позволяет составителям собрания сочинений такого рода решать прагматические задачи идеологического воздействия на адресата – советского читателя.
Ключевые слова: жанр, гипержанр, собрание сочинений, Л. И. Брежнев, соцреализм, советская идеология, формовка советского читателя.

The article is devoted to the consideration of the genre “Collected Works”, namely the works of political leaders of the Soviet Union. The object of the study is the collected works of Leonid Brezhnev “Lenin’s course”, published in 9 volumes from 1973 to 1983. Formulated The hypothesis is formulated: the “Collected Works” is a typological variety of the literary metatexts, i.e. the ensemble or composite of several text structures. It is a generic cyclization form of substantive and constitutive characteristics. The formal approach to the study concentrates on the same type of the units (volumes) that contain all or major works of Soviet statesman, his literary and publicistic heritage, accompanying by articles, comments, pointers, etc. The substantial aspect of the study focuses on the “Collected Works” as a dual edition of the chronotope: a retrospective and prospective at the same time. The combination of genres combined into the hypergenre “Collected Works of the Soviet Political Leader” concentrates on the politician’s experience of leading internal and external policy of the country and practice of organizational and ideological work. The variety of genres of texts that make up the repertoire of the “Collected Works” get weight and importance of the arguments that historiography can represent as political propaganda, the justification of politician’s claims and the implementation of his plans. The chronotopical principle of “dynamic monumentalism” (D. S. Likhachev) allows to the author of the “Collected Works” solve the most important pragmatic problem, i.e. the ideological influence on the Soviet reader.

Key words: genre, hypergenre, collected works of L. I. Brezhnev, socialist realism, Soviet ideology, gestalt of the Soviet reader.

Сведения об авторе: Базылев Владимир Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и прикладного языкознания.

About the author: Vladimir Nikolayevich Bazylev, Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Applied Linguistics.

Место работы: Московский педагогический государственный университет.

E-mail: vladimir@4unet.ru

ORCID: 0000-0001-8952-9485

Place of employment: Moscow Pedagogical State University.

E-mail: vladimir@4unet.ru

ORCID: 0000-0001-8952-9485

Введение

Социалистический реализм, как известно, представляет собой эстетическое выражение социалистически осознанной концепции мира и человека, обусловленной эпохой борьбы за установление и созидание социалистического общества. Концепция, разрабатываемая еще А. В. Луначарским, свелась в конечном итоге к тому, что изображение жизненных идеалов при социализме обуславливает и содержание, и основные художественно-структурные принципы любого произведения, созданного в любом жанре. Тот же Луначарский в докладе на 2-м пленуме Оргкомитета Союза писателей СССР 12 февраля 1933 г. говорил о том, что «нужно описать реального великого пролетарского вождя <...> конечно, это гигантская задача, для которой нужен очень высокий уровень мировоззрения и огромный талант» [1: 21].

Разумеется, одному автору не под силу было решить эту задачу, что заставило инициаторов этого начинания обратиться к такому жанру, как «собрание сочинений» советского политического вождя – от Ленина до Горбачева.

Речь в статье идет именно о жанре или, скорее, гипержанре «собрания сочинений» применительно к собранию сочинений политических лидеров Советского Союза. О жанре, существующем с 20-х гг. прошлого века, но не привлекавшем активного внимания с позиций жанроведения. Дело в том, что подобные «собрания сочинений» представляют собой именно жанровую типологическую разновидность литературных метатекстов, то есть ансамблевых или составных текстовых образований. Они являются жанровой формой художественной циклизации по совокупности содержательных и конституирующих признаков.

Проблемное поле

«Собрание сочинений» и «Избранные сочинения» от советских политических лидеров как жанры нуждаются в специальном теоретическом и историко-литературном изучении, поскольку принадлежат к наименее исследованным метатекстовым образованиям.

Прежде всего, это тот вид издания, которое концентрирует в однотипно оформленных единицах (томах) все или основные произведения советского политика в качестве его идеологического, пропагандистского, литера-

турно-художественного или публицистического наследия. Помимо собственно произведений автора, собрание сочинений включает и научно-справочный аппарат – сопроводительные статьи, комментарии, указатели и т. п. Собрание сочинений – издание двойственное по хронологу: ретроспективное и проспективное одновременно. Оно предпринимается тогда, когда уже официально утверждено и признано идейное и идеологическое значение его личности как вождя для общества и наступило время его исторического или актуального изучения.

В советской издательской практике в XX в. (1920–1990) сложились следующие виды собраний сочинений политических лидеров Коммунистической партии и Советского государства: сочинения, собрание сочинений, полное собрание сочинений, избранные сочинения. Эти издания носят так называемый научно-массовый характер. Они имеют относительно небольшой библиографический аппарат, рассчитанный на популяризацию творческого наследия и дающий оценку его современной наукой: обычно это вступительная статья и реально-исторический комментарий.

Парадигматика исследования

В основе подхода к материалу лежит теория речевых жанров, как она представлена в саратовской школе, возглавляемой В. В. Дементьевым. Одной из исследовательских задач, обозначенных этой школой, как известно, выступает выявление и систематизация речевых жанров – коммуникативно-речевых и деятельностных [2: 13].

С нашей точки зрения, к исследуемому материалу в целом, безусловно, следует подходить как к жанру. Дело в том, что «собрание сочинений» советских вождей совершает различные операции с информацией. В данном контексте уместным оказывается образ «выпрямления коммуникации», обусловленный решением прагматических задач идеологического воздействия на адресата. Кроме того, оно содержит в себе образ автора, обладает комплексной структурой и формой, характеризуясь «мягкой формализацией», обнаруживает определенную степень ритуализации, занимая некое место среди иных социолингвистических типов «советского дискурса», а именно дискурса политического [2: 244, 236, 191, 185, 144]. Тем самым «собрание сочине-

ний» занимает определенное место в речевой системе русского языка XX века.

Говоря о решении прагматических задач с помощью «собрания сочинений» советскими вождями, мы имеем в виду следующее. Во-первых, выход в свет собрания сочинений любого советского вождя (от Ленина до Горбачева) был государственным мероприятием идеологического, научного и культурно-исторического значения. Во-вторых, их адресат, т. е. советский читатель, никогда не был просто адресатом и пассивным потребителем этих политических нарративов. По словам Е. А. Добренко, согласно общественно преобладающей доктрине, лежавшей в основании соцреализма, он был объектом преобразования и формовки. Он сам оказывался существенной активной частью общего политико-идеологического проекта, который состоял в ковке и перековке человеческого материала [3]. Надо признать, что в жанре «собрания сочинений» советская культура вплоть до последних изданий «трудов» Ю. В. Андропова, К. У. Черненко и М. С. Горбачева действительно реализовала авангардный политико-идеологический проект. Соцреалистическое «собрание сочинений» вождей было своеобразной встречей и культурным компромиссом двух потоков: массы и власти.

Исследовательское поле

Объектами исследования в целом становятся «собрания сочинений» политических вождей Советского Союза: от Ленина до Горбачева.

Первое издание «Сочинений» Ленина было предпринято в 1920 г. Оно начало выходить при жизни Ленина и было завершено в 1927 г. Сразу же после смерти Ленина в 1924 г. начался выпуск 2-го и 3-го издания «Сочинений» Ленина. В 1940 г. начало выходить 4-е издание «Сочинений». В январе 1957 г. началось издание «Полного собрания сочинений В. И. Ленина», законченное к 1966 г.

13 томов «Сочинений» Сталина также вышли при жизни автора (1946–1951 гг.). Еще не завершённое (том 13 прерывался на 1934 г.), оно с кончиной вождя в марте 1953 г. было прекращено. Параллельно с названным изданием выходили его «Избранные труды». Издание «Сочинений» Сталина было возобновлено в 1997 г. (вышли тома 14–16) и продолжено в 2007 г. изданием дополнительных томов собрания сочинений (т. 17 и 18).

Прерывает хронология издания «сочинений вождей» период «коллективного руководства» страной после смерти Сталина. Но ненадолго. В 1962–1964 г. Госполитиздат выпускает в свет 8 томов «Собрания сочинений» Н. С. Хрущева

с подзаголовком «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства [Собрание сочинений]», охватывающее 1953–1964 гг.

Далее по хронологии следует собрание сочинений Л. И. Брежнева под общим заголовком «Ленинским курсом». 9 томов, увидевшие свет в 1970–1983 г., включали речи и статьи, выступления и воспоминания.

После смерти Л. И. Брежнева оба, последовательно сменившие его на посту главы государства Ю. В. Андропов и К. У. Черненко, удостоились изданием «Избранных речей и статей».

Наконец, для последнего лидера Советского Союза М. С. Горбачева, последнего Генерального секретаря ЦК КПСС и последнего Председателя Президиума Верховного Совета СССР, были изданы «Избранные речи и статьи» в 7 томах за период 1986–1990 г.

После этого, с нашей точки зрения, следует говорить о переходе или о переориентации (м.б. присоединении) нашей культуры в совершенно иную эпоху – эпоху массового постиндустриального общества, безразлично к индивидуальным обстоятельствам жизни и деятельности даже самого выдающегося «я» и даже при миллионкратном его тиражировании.

Ограничения исследовательской задачи

В данной статье мы по необходимости ограничили свою исследовательскую задачу, обратившись в качестве примера для исследования к «собранию сочинений» Л. И. Брежнева. Период его нахождения у власти – это одна из важнейших эпох в истории России XX в. Напомним основные вехи политической карьеры Л. И. Брежнева. С 1960 г. по 1983 г. с перерывами он – Председатель Президиума Верховного Совета СССР, с 1964 г. – Первый секретарь ЦК КПСС, с 1966 г. – Генеральный секретарь ЦК КПСС.

Издательство политической литературы так напишет об истории выпуска томов: «От “речей и статей” до “собрания произведений” Л. И. Брежнева – такой путь проделало издательство политической литературы с 1973 по 1983 год, выпуская в свет 9 томов под общим названием “Л. И. Брежнев. Ленинским курсом”» [4: 3].

Собрание сочинений включило в себя не только речи и выступления, но также статьи и автобиографические публикации. Это были не только цикл «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», но и серии воспоминаний – «Жизнь по заводскому гудку», «Чувство Родины», «Молдавская весна» и «Слово о коммунистах». Таким образом, перед чита-

телем советской эпохи представляли не только формальные и «сухие» речи и выступления вождя, но и своеобразные биография и автобиография политика. Неважно, написанные им самим или его «свитой»: как известно, по словам Макиавелли, «короля делает свита». Важно то, что читатель обращался именно к сочинению – литературному произведению, в котором нашли отражение политические и идеологические, жизненные и философские, прагматические и экономические и пр. взгляды и отдельного человека, и народа, советского народа в целом.

Перед читателем представала концепция идеального правления, идеальный образ «правителя настоящего» и наставления его «наследникам».

«В речах и статьях Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева обобщается накопленный партией опыт руководства коммунистическим строительством и внешней политикой страны, государственными и общественными организациями, анализируется практика организационно-партийной и идеологической работы в современных условиях. Речи и статьи Л. И. Брежнева – яркое свидетельство незыблемости, научной обоснованности и последовательности генерального курса Коммунистической партии Советского Союза, строго соблюдающей ленинские нормы партийной жизни, творчески развивающей ленинские принципы партийного руководства. Издание речей и статей Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева поможет партийным и советским работникам, идеологическим кадрам, многочисленному партийному активу, коммунистам, всем трудящимся глубже усвоить важнейшие актуальные вопросы марксистско-ленинской теории и политики Коммунистической партии Советского Союза, лучше понять значение ее опыта в руководстве делом строительства социализма и коммунизма в нашей стране» [5: 3–4].

Собрание сочинений Л. И. Брежнева, по замыслу составителей, служило основным ориентиром не только для партийно-правительственных кругов, но и для самых широких масс.

«Издание четвертого тома речей и статей Л. И. Брежнева поможет коммунистам, всем трудящимся глубже усвоить актуальные вопросы марксистско-ленинской теории и политики КПСС, представить себе во всей полноте многогранную деятельность КПСС по созданию материально-технической базы коммунизма, совершенствованию общественных отношений, формированию нового человека, по укреплению международных позиций нашей социалистической Родины и мирового социализма в целом и реализации Программы мира» [6: 4].

Тем самым собрание сочинений может быть отнесено к официально-историческим сочинениям. Влияние политического лидера, его взглядов и политических устремлений прослеживается в подборке и аранжировке всего массива текстов.

Комплексная структура и формы «собрания сочинений» Л. И. Брежнева

Концентрируя в однотипно оформленных единицах (томах) все или основные произведения Л. И. Брежнева в качестве его идеологического, пропагандистского, литературно-художественного или публицистического наследия, собрание сочинений формирует в совокупности комплексную структуру жанра. Интерес представляет как сам репертуар жанров, из которых складывается весь комплекс (иначе, гипержанр), так и хронология их введения в речевую практику.

О репертуаре.

Основным и преобладающим по частоте является, безусловно, речь как жанр институциональной коммуникации, составляющий, по определению Е. И. Шейгал, основу собственно политической деятельности [7: 269]. В собрании сочинений Л. И. Брежнева – это самый ранний жанр, представленный серией традиционно выделяемых, например И. А. Тортуновой, субжанров, задающий, как было сказано выше, мягкую формализацию всему гипержанру [8]. Например:

– речь на митинге (напр., *Речь на митинге представителей трудящихся, посвященном встрече космонавтов. 19 октября 1964 года*);

– речь на торжественном заседании (напр., *Речь на торжественном заседании в Ташкенте, посвященном 40-летию Узбекской ССР. 20 ноября 1964 года*);

– речь на съезде (напр., *Речь на IX съезде Румынской коммунистической партии. 20 июля 1965 года*);

– речь на обеде (напр., *Речь в Большом Кремлевском Дворце на обеде в честь президента Насера. 27 августа 1965 года*);

– речь на завтраке (напр., *Речь на завтраке в посольстве Финляндии в Москве по случаю подписания протокола о продлении Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Финляндией. 20 июля 1970 года*);

– речь на ужине (напр., *Речь на ужине в здании Союзного исполнительного веча в Белграде. 15 ноября 1976 года*);

– речь на пленуме (напр., *Речь на Пленуме ЦК КПСС. 29 сентября 1965 года*);

– речь заключительная (напр., *Речь при закрытии XXIII съезда КПСС. 8 апреля 1966 года*);

- речь на встрече (напр., *Служение народу – высшая цель партии. Речь на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа г. Москвы. 10 июня 1966 года*);
- речь перед избирателями (напр. *Речь перед избирателями. 10 марта 1967 года*);
- речь на конференции (напр., *Речь на конференции европейских коммунистических и рабочих партий. 24 августа 1967 года*);
- речь на приеме (напр., *Речь на приеме в Кремле в честь выпускников военных академий. 5 июля 1967 года*);
- речь на открытии памятника (напр. *Речь на открытии памятника В. И. Ленину в Кремле. 2 ноября 1967 года*);
- речь на первомайских торжествах (напр., *Речь на первомайских торжествах на Красной площади в Москве. 1 мая 1969 года*);
- речь при открытии (напр., *Речь при открытии международного Совещания коммунистических и рабочих партий. 5 июня 1969 года*);
- речь по прибытии/ отъезде (напр., *Речь по прибытию в Прагу на Рузинском аэродроме. 5 мая 1970 года; Речь на аэродроме перед отъездом из Югославии. 25 сентября 1971 года*);
- речь при вручении награды (напр., *Речь при вручении Тодору Живкову ордена Ленина. 26 сентября 1971 года*);
- речь на траурном митинге (напр., *Речь на траурном митинге, посвященном памяти члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС, депутата Верховного Совета СССР Михаила Андреевича Суслова. 29 января 1982 года*).

Далее в репертуар вводится жанр доклада.

- доклад на торжественном заседании (напр., *Великая Победа советского народа. Доклад на торжественном собрании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном 20-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. 8 мая 1965 года*);
- доклад на пленуме (напр., *О неотложных мерах по дальнейшему развитию сельского хозяйства СССР. Доклад на Пленуме ЦК КПСС. 24 марта 1965 года*);
- доклад отчетный (напр., *Отчетный доклад Центрального Комитета КПСС XXIII съезду Коммунистической партии Советского Союза. 29 марта 1966 года*).

Маргинальным оказывается в «паре» с докладом жанр заключительного слова (напр., *Заключительное слово на XXIII съезде Коммунистической партии Советского Союза. 4 апреля 1966 года*).

Одной из важных форм общественно-политической коммуникации изначально считалось выступление. Разнообразие форм этого жанра присутствует с необходимостью в репертуаре

Л. И. Брежнева, все более дифференцируясь со временем:

- выступление на приеме (напр., *Выступление в Кремле на приеме в честь выпускников военных заведений. 3 июля 1965 года*);
- выступление на совещании (напр., *За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. Выступление на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве. 7 июня 1969 года*);
- выступление перед трудящимися (напр., *Выступление на Харьковском тракторном заводе. 13 апреля 1970 года*);
- выступлении при посещении (напр., *Выступление в Париже при посещении Музея-квартиры В. И. Ленина на улице Мари-Роз. 27 октября 1971 года*);
- выступление по телевидению (напр., *Выступление по французскому телевидению. 29 октября 1971 года; Выступление по американскому телевидению. 24 июня 1973 года; Выступление по японскому телевидению. 7 ноября 1977 года*);
- выступление на встрече (напр., *Выступление на встрече с руководителями союзов молодежи социалистических стран. 5 ноября 1976 года*).

Особо составители собрания сочинений обращают внимание на различного рода приветствия:

- приветствие (напр., *Участникам Международного симпозиума, посвященного столетию со дня рождения В. И. Ленина. 1 октября 1969 года, город Алма-Ата; Приветствие неprisоединившимся странам. 16 февраля 1981 года*).

В 1970 г. впервые фиксируется совершенно новый жанр: новогоднее поздравление советскому народу (напр., *Новогоднее поздравление советскому народу. Выступление по радио и телевидению. 31 декабря 1970 года*).

С начала 70-х в корпус собрания сочинений вводятся:

- ответы на вопросы (напр., *Ответы на вопросы главного редактора журнала «Штерн». 18 мая 1973 года; Ответы на вопросы корреспондента газеты «Правда». 29 июля 1976 года*);
- поздравление трудящимся и коллективам (напр., *Трудящимся города-героя Новороссийска, участникам битвы за Новороссийск. 15 сентября 1973 года; Коллективу издательства «Детская литература». 26 ноября 1973 года*);
- поздравление государству и народу (напр., *Поздравление государствам и народам Африки по случаю Дня освобождения Африки. 24 мая 1978 года*);

– приветствие (напр., *К читателям журнала «Студенческий меридиан»*. Приветствие, опубликованное в журнале «Студенческий меридиан» № 1 за 1974 года);

– приветственное письмо и телеграмма (напр., *Участникам III фестиваля советской и болгарской молодежи. 27 сентября 1975 года; Участникам Всемирной встречи девушек. 13 октября 1975 года; Посетителям советской выставки «Сибирь научная». 28 октября 1975 года*);

– заявление (напр., *Заявление корреспонденту агентства Пренса Латина. 28 января 1974 года*);

– беседа (напр., *Беседа с французскими журналистами. 10 марта 1974 года*);

– письмо трудящимся (напр., *Совхоз «Московский» Целинского района Ростовской области, комбайнерам товарищам Бочкареву, Новикову, Афоничеву, Киселеву. 19 июля 1974 года; Экипажу отличной атомной подводной лодки Краснознаменного Северного флота. 25 января 1975 года; Доярке совхоза «Вильянди» Эстонской ССР товарищу Пейне Лейде Аугустовне. 4 февраля 1975 года*);

– письмо в редакцию (напр., *Письмо в редакцию еженедельника СДПГ «Форвертс». 11 декабря 1975 года*);

– интервью (напр., *Интервью французскому телевидению. 5 октября 1976 года*);

– сообщение (напр., *Сообщение об итогах работы Редакционной комиссии по подготовке окончательного текста проекта Конституции СССР. 7 октября 1977 года*);

– запись в книге почетных гостей (напр., *Запись в книге почетных гостей, сделанная после осмотра национального памятника на горе Витков (Прага). 30 мая 1978 года; Запись в книге почетных посетителей Музея В. И. Ленина. 31 мая 1978 года*);

– телеграмма соболезнования (напр., *Телеграмма соболезнования вдове Сайруса Итона. 11 мая 1979 года*);

– обращение (напр., *Обращение к читателям журнала «Совет лайф». 23 августа 1979 года*);

– ответ товарищу (напр., *Ответ Е. С. Перебийновой. 19 февраля 1981 года*).

На этом репертуарном фоне появляется в начале 70-х совершенно новый жанр – жанр благодарности (напр., *Сердечная благодарность. 7 сентября 1973 года; Искренняя благодарность. 4 марта 1978 года*).

Наконец, составители не могут отказаться от традиционного уже включения в собрание сочинений такого жанра, как статья – журнальная или научная:

– статья журнальная (напр., *К новым победам коммунизма. Статья в журнале «Проблемы мира и социализма» № 11, 1967 года*);

– статья книжная (напр., *Друзья, союзники, братья. Статья из книги «Братская дружба, всестороннее сотрудничество». Москва, 1969 год*).

Вне сложившейся издательской традиции (от собрания сочинений Ленина, Сталина и Хрущева) в собрание сочинений Л. И. Брежнева включаются целые книги: *Малая земля. Возрождение. Целина. 1978 год. Воспоминания: Жизнь по заводскому гудку. Чувство Родины. 1981 год. Воспоминания: Молдавская весна. Космический Октябрь. Слово о коммунистах. 1982 год*. А также Предисловие или Слово к читателю (напр. Л. И. Брежнев. *Сборник докладов, выступлений, статей. Изд-во «Отава» (Финляндия). 1977 год; Предисловие к зарубежным изданиям книг, начиная с 1978 года; Слово к французскому читателю. Из книги «На переднем крае. Воспоминания. 1941–1956»*).

Таким образом, совокупность жанров, объединенных в единый гипержанр «собрание сочинений советского политического вождя», концентрирует накопленный прежде всего самой личностью политика опыт руководства внутренней и внешней политикой страны, опредмечивает практику организационной и идеологической работы.

По сути, все жанровое разнообразие текстов, составляющих репертуар собрания сочинений, получают вес и значение аргументов, которые историография может представить политическому деятелю для политической пропаганды, обоснования политических притязаний и реализации его планов.

Единый хронологический принцип «динамического монументализма» (по Д. С. Лихачеву) позволяет составителям собрания сочинений такого рода решать прагматические задачи идеологического воздействия на адресата. Отметим сформировавшееся в практике издания подобных собраний сочинений акцентирование личности политика. На суперобложке и на титульном листе указывается фамилия: *Л. И. Брежнев. Ленинским курсом. Речи, приветствия, статьи, воспоминания*. По словам С. И. Кормилова, в советской издательской практике не заглавие, а личность автора в то время становится «визитной карточкой» произведения [9: 19].

Заключение

Обращение внимания исследователей на гипертекстовые жанровые образования типа собрания сочинений может оказать помощь при изучении всех отдельных элементов, входящих в их репертуар. Дело в том, что подобно любому языковому знаку жанр обладает не только формой и значением, но и значимо-

стью. Последняя же может быть осмыслена и проинтерпретирована не изолированно, а лишь в соотношении с иными знаками-жанрами. Следовательно, от рассмотрения собраний сочинений зависит уровень последующего исследования различных жанровых и гипержанровых образований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Луначарский А. В. Социалистический реализм: Доклад на 2-м пленуме Оргкомитета Союза писателей СССР 12 февраля 1933 года // Советский театр. 1933. № 2–3 (февраль–март). С. 113–119.
2. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
3. Добренко Е. А. Формовка советского читателя. М.: Академ. проект, 1997. 340 с.
4. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: в 9 т. М.: Политиздат, 1983. Т. 9. 672 с.
5. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: в 9 т. М.: Политиздат, 1973. Т. 1. 544 с.
6. Брежнев Л. И. Ленинским курсом: в 9 т. М.: Политиздат, 1974. Т. 4. 488 с.
7. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. М.; Волгоград: Перемена, 2000. 367 с.
8. Тортунова И. А. К вопросу о жанровой классификации политических PR-текстов // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2006. Вып. 32. С. 78–87.
9. Кормилов С. И. Роль подписи автора при публикации литературного произведения. Ярославль: ЯГПИ, 2011. 160 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Базылев В. Н. Жанры соцреализма: «собрание сочинений» и «избранные труды» от советских политических лидеров // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 48–54. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-48-54

REFERENCES

1. Lunacharskij A. V. Socialisticheskij realizm: Doklad na 2-m plenumе Orgkomiteta Sojuza pisatelej SSSR 12 fevralja 1933 goda [Socialist realism: a Report to the 2nd Plenum of the organizing Committee of the Union of writers of the USSR. 12 February 1933]. *Sovetskij teatr* [The Soviet theatre], 1933, no. 2–3, pp. 113–119 (in Russian).
2. Dementyev V. V. Teorija rechevyh zhanrov [The Theory of Speech Genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
3. Dobrenko E. A. Formovka sovetskogo chitatelja [The Gestalt of the Soviet Reader]. Moscow, Akadem. proekt Publ., 1997. 340 p. (in Russian).
4. Brezhnev L. I. *Leninskim kursom: v 9 t.* [Lenin's Course: in 9 vols]. Moscow, Politizdat Publ., 1983, vol. 9, 672 p. (in Russian).
5. Brezhnev L. I. *Leninskim kursom: v 9 t.* [Lenin's Course: in 9 vols]. Moscow, Politizdat Publ., 1973, vol. 1, 544 p. (in Russian).
6. Brezhnev L. I. *Leninskim kursom: v 9 t.* [Lenin's Course: in 9 vols]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 4, 488 p. (in Russian).
7. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Volgograd, Peremena Publ., 2000. 367 p. (in Russian).
8. Tortunova I. A. K voprosu o zhanrovoj klassifikacii politicheskikh PR-tekstov [The Question of Genre Classification of Political PR-texts]. *Jazyk, soznanie, kommunikacija* [Language, consciousness, communication], Moscow, MAKS Press Publ., 2006, iss. 32, pp. 78–87 (in Russian).
9. Kormilov S. I. *Rol' podpisi avtora pri publikacii literaturnogo proizvedenija* [The Role of the Byline when Publishing Literary Works]. Jaroslavl', JaGPI, 2011. 160 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 24.08.2017

For citation

Bazylev V. N. Genres of Socialist Realism “Collected Works” and “Selected Works” from Soviet Political Leaders. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 48–54. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-48-54.

УДК [811.111.42+811.161.1.42]:27-246
ББК 81.2Рус-5+81.2Англ-5
DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59

Е. Ю. Балашова
Саратов, Россия

Elena Yu. Balashova
Saratov, Russia

**РЕЧЕЖАНРОВЫЙ АНАЛИЗ
ЕВАНГЕЛЬСКОЙ ПРИТЧИ
НА МАТЕРИАЛЕ ПРАВОСЛАВНЫХ
И ПРОТЕСТАНТСКИХ ИСТОЧНИКОВ**

**GENRE COMMUNICATIVE ANALYSIS
OF THE GOSPELS PARABLE
ON THE MATERIAL OF ORTHODOX
AND PROTESTANT SOURCES**

Исследования отдельных видов дискурса становятся всё более актуальными в современной лингвистике. Последние десятилетия в отечественной науке о языке дискурсология сложилась как отдельное направление, ориентированное на исследование теоретических и прикладных аспектов дискурса. В этой связи изучению религиозного дискурса посвящено большое количество работ конца 1990-х и начала 2000-х годов. Жанр Евангельской притчи является неотъемлемой частью системы жанров указанного вида дискурса и в то же время представляет собой своеобразный подтип, занимающий промежуточное положение между первичными и вторичными религиозными жанрами. Таким образом, исследование жанра притчи вносит существенный вклад в изучение жанровых образцов религиозного дискурса, а также его жанровой специфики в целом. Целью данной статьи является лингвофилософский анализ Евангельской притчи о неводе на материале русскоязычного и англоязычного Нового Завета, а также анализ православных и протестантских толкований упомянутой притчи. Для достижения поставленной цели в работе были использованы метод контекстного и семантико-когнитивного анализа, а также методы дискурсивного, лингвокультурного и лингвофилософского анализа. Изучение толкований притчи о неводе в православной и протестантской традициях показало, что протестантскому субдискурсу, в отличие от православного, свойствен эсхатологический трагизм, тогда как в православном преобладает морально-этический акцент.

Ключевые слова: религиозный жанр, притча, религиозный дискурс, макроконцепт, семантико-когнитивный анализ, когнитивная единица, лингвофилософский анализ, библейская филология.

The study of particular kinds of discourse becomes more and more actual in modern linguistics. During the last decades in Russian linguistics discourses developed into a separate direction focused on study of theoretical and applied aspects of discourse. In this connection many researches of the end of 90s and beginning of 2000s are dedicated to the study of religious discourse. The Gospels parable genre is an integral part of the genre system of the above-mentioned discourse and at the same time it is a specific subtype taking the intermediate position between primary and secondary religious genres. So the research of parable genre contributes to study of religious genres and genre specifics of religious discourse in general. The purpose of the given article is linguophilosophical analysis of the Gospels' parable of the net on the material of Russian and English New Testament and also analysis of Orthodox and Protestant commentaries of the above-mentioned parable. To reach the given purpose the method of contextual and semantic-cognitive analysis, the method of discourse analysis, linguocultural and linguophilosophical analysis were used in this article. The study of the parable of the net in Orthodox and Protestant interpretation traditions showed that Protestant subdiscourse, unlike Orthodox subdiscourse, is characterized by eschatological tragedy while in the Orthodox subdiscourse there is moral and ethical accent.

Key words: religious genre, parable, religious discourse, macroconcept, semantic-cognitive analysis, cognitive constituent, linguophilosophical analysis, biblical philology.

Сведения об авторе: Балашова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков.

Место работы: Саратовская государственная юридическая академия.

E-mail: balashovaelena@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9993-8116

About the author: Balashova Elena Yurevna, Doctor of Philology, Professor of Foreign Languages Department.

Place of employment: Saratov State Academy of Law.

E-mail: balashovaelena@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-9993-8116

Жанр Евангельской притчи занимает особое место в классификации жанров религиозного дискурса и, по сути, представляет собой промежуточный жанровый подтип, обладающий характеристиками как первичных религиозных жанров (прецедентность, интертекстуальность), к которым принадлежат тексты Священного Писания, так и вторичных религиозных жанров (самостоятельность композиции, особые образные средства, формально-знаковое выражение содержания), включающих церковную публицистику, проповеди, молитвы, духовную поэзию, святоотеческие писания и проч.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров выделяют «два аспекта притчи – *ретроспективный*, поскольку она подытоживает целый ряд ситуаций, имевших между собой общие, типические черты, и *перспективный*, так как слушатели способны применить содержание притчи к новой конкретной ситуации, в которой они оказались» [1: 741–742]. Основными функциями этого жанра повествования, по мнению указанных исследователей, являются «функция типизации жизненных ситуаций, а также управление поведением адресата в соответствии с определёнными парадигмами поведения, эксплицитно содержащимися в притче и получающими ту или иную этическую оценку» [Там же].

В фокусе исследований западных лингвистов и библеистов находится триада «притча – аллегория – метафора». В XX в. большинство западных учёных, занимавшихся исследованием притчей, чувствовали необходимость ограничивать притчи от аллегорий. Подчёркивалось, что притчи строятся вокруг одного центрального пункта сопоставления между событиями рассказа и Царством Божиим, каким его представляет слушателю Иисус, а потому из каждой притчи можно извлечь лишь один главный урок. Второстепенные детали имеют значение лишь в той мере, в какой они подкрепляют и усиливают центральную мысль. Аллегии же – это более сложные рассказы, в которых подлечит «расшифровке» большее число деталей. Однако некоторые современные исследователи (Gregoire Rouiller, John W. Sider) считают, что «притчи Иисуса можно признать аллегориями» [2: 73–74]. «Это не означает, что каждая деталь притчей обладает собственным смыслом, такого требования к аллегорическому жанру не предъявляется. Многие детали служат исключительно для создания фона или усиления интереса к персонажам для большей выразительности создаваемой картины» [Там же: 73].

По мнению К. Бломберга, «Евангельские притчи представляют собой аллегии, независимо от дополнений и интерпретаций позд-

нейшей традиции, и вполне вероятно, что каждая из них несёт в себе более одного смысла» [Там же: 74].

В свою очередь, другая группа западных учёных-библеистов стоит на позициях отождествления притчи с метафорой (Ernst Fuchs, Eberhard Jüngel, Eta Linnemann, Paul Ricoeur). Выдающимся поборником понимания притчи как метафоры принято считать Поля Рикера, который перечислил 6 различий между традиционным и современным пониманием термина «метафора», во всех шести случаях отстаивая современный подход:

«1) как основную единицу смысла нужно рассматривать не отдельное слово, а всё предложение;

2) метафора – это не отклонение от буквального значения слова, а создание напряжения путём сопоставления слов, которые обычно не вступают в сочетание друг с другом (“этот человек – волк”, “добрый самарянин”);

3) понимание метафоры возникает не из выявления сходства между буквальным и переносным значениями включённых в неё слов, а из ощущения шока, вызванного сочетанием обычно несовместимых слов;

4) поэтому метафоры – не подмена буквального языка, а семантическая инновация;

5) их нельзя перевести языком пропозиций, как обычно пытаются сделать;

6) поэтому метафора – не просто литературное украшение, а способ передачи информации о реальности» [3: 76–77; 4: 173–215].

«Если признать “новый” взгляд на метафору верным, то, будучи метафорами, притчи не могут быть также аллегориями. Можно сказать, что притчи, подобно метафорам “перформативны”, а не “пропозициональны”, то есть они не передают информации, а осуществляют некий акт: обещают, предостерегают, сообщают дар или призывают к чему-то» [2: 145].

Как западноевропейские, так и отечественные исследователи религиозного дискурса сходятся во мнении, что одним из его ключевых системных макроконцептов является макроконцепт *Царство Божие*, составляющий когнитивный фундамент указанного дискурса и несущий особую смысловую нагрузку. Наиболее ярко данный макроконцепт представлен в блоке притч о Царстве Божием, где оно сравнивается с горчичным зерном (Мф. 13: 31), закваской (Мф. 13: 33), скрытым на поле сокровищем (Мф. 13: 44), жемчужиной (Мф. 13: 45–46) и, наконец, закинутым в море неводом (Мф. 13: 47–48).

Примечательно, что термин «Царство» большая часть протестантских источников предлагает понимать как «всеобщее и суверенное правление Бога, а не Церковь» [2:

213], тогда как православные авторы разграничивают Царство Небесное как Царство Бога, предназначенное для праведников после окончательного Суда, и Царство Божие как основанное Христом на земле объединение верующих в Него, то есть Церковь.

Как правило, и протестантские, и православные исследователи библейского текста включают 6 Евангельских притч о Царстве Божиим в единый понятийный блок и проводят их параллельный сопоставительный анализ, однако в рамках данной статьи мы ограничимся лингвофилософским анализом одной из самых ярких и в некоторой степени трагичных притч этого блока – притчи, где «Царствие Божие подобно неводу, закинутому в море и захватившему рыб всякого рода» (Мф. 13: 47–48).

Лингвофилософский анализ как особый вид анализа текста представляет собой интерпретацию его содержания, проводимую с когнитивных позиций и ориентированную на выявление сети базовых когнитивных единиц, стоящих за текстом и выступающих в качестве мельчайших элементов смысла. Существуют разные степени освоения содержания текста языковой личностью и разные способы его существования в индивидуальном сознании: интуитивный, метафорический, дискурсивный [5]. Как показывает анализ толкований притчи, этот особый религиозный жанр может существовать в сознании индивида как в интуитивном (интуитивное восприятие основной морали притчи), так и в метафорическом (восприятие системы образов притчи) и дискурсивном (отнесение жанра притчи к религиозному дискурсу) планах. Исследование жанра притчи на материале православных и протестантских источников позволяет выявить специфику его дискурсного функционирования.

Так, православные источники ориентированы прежде всего на богословский и аксиологический анализ указанной притчи, раскрывающей, по мнению Ф. Болгарского, суть христианской веры, которая должна заключаться в делах человека: «Страшна эта притча ибо она показывает, что если мы и веруем, но не имеем доброй жизни, то брошены будем в огонь...Ибо хотя бы мы и веровали, но если окажемся дурными, то будем выброшены вон...» (1: 217–218). Семантико-когнитивный анализ данного толкования позволяет вычлнить такие когнитивные единицы макроконцепта *Царство Божие*, как *действенность веры, страх Божий, спасение*.

Иоанн Златоуст сопоставляет притчу о неводе с притчей о плевелах: «Чем различается эта притча от притчи о плевелах? И там одни спасаются, а другие погибают. Но там одни погибают от принятия вредных учений,

а другие от невнимания к слову (Божию); здесь же причиною гибели бывает порочная жизнь...» (2: 96–97). Кроме того, упомянутый автор ставит в один ряд весь блок притч о Царстве Божиим, показывая, что во всех притчах содержится единый элемент – путь к гибели: «Видишь ли, сколько путей к гибели? Камень, терния, путь, плевелы, невод» (Там же: 97). Таким образом, данное толкование содержит такую бинарную оппозицию, как *спасение – гибель*.

М. Барсов предлагает следующее толкование притчи о неводе: «Под именем невода, коему Господь уподобил Царство Небесное (Мф. 13: 47), разумеется то, что, как брошенный в море невод захватывает всякого рода рыбу, так и вечное Царство Христово, заключая в себе людей всех стран, доставляет спасение каждому, по мере веры... Посему, как из невода по извлечении его из воды добрые рыбы собираются в сосуды; так, когда над Церковью Господнею, то есть над именующимися христианами и соединёнными единством веры, будет суд, то устоявшие в истине будут взяты в сосуды, то есть в вечные обители, а еретики... будут извержены из Царствия Небесного» (3: 872). Так, анализ представленного толкования позволяет выделить когнитивные единицы: *спасение, единение, истинность*.

Толкование исследуемой притчи Б. И. Гладковым также содержит бинарную оппозицию *спасение – гибель*. Здесь говорится о том времени, когда «Евангельская проповедь распространится по всему миру, когда основанная Христом Церковь вместит в себе (охватит) все народы земли; тогда вытащат невод на берег, хорошее соберут в сосуды, а худое выбросят вон» (4: 332).

В целом можно говорить о том, что в центре анализа притчи о неводе по материалам православных источников является её аксиологический компонент, её мораль, заключающаяся в грядущем наказании грешников и блаженстве праведников. Ключевой когнитивной оппозицией притчи является оппозиция *спасение – гибель*.

Принципы анализа данной притчи (и в целом притчи как религиозного жанра) в протестантских источниках представляются нам несколько иными. Прежде всего необходимо отметить, что западноевропейским комментаторам свойственна литературоведческая и отчасти лингвистическая направленность анализа – тщательное исследование системы метафорики притчи и её контекста, выявление скрытых смыслов, импликаций, анализ тематической структуры.

Так, К. Бломберг выделяет три группы притч: «простые притчи с тремя основными

темами, сложные притчи с тремя основными темами и притчи с двумя и с одной главной темой. Так, притча о добром семени и плевелах, а также притча о неводе относятся к первой группе притч, где обычно действуют три главных персонажа с одной авторитетной фигурой и двумя противопоставленными друг другу подчинёнными» [2: 183].

Упомянутый исследователь относит притчу о неводе к группе простых притч с тремя основными темами и соотносит её с притчей о пшенице и плевелах: «Вместо образов хороших и плохих семян появляется хорошая и плохая рыба. Не описывая периода, когда оба вида рыбы сосуществуют в море, Иисус сразу же сосредотачивает внимание на моменте поимки и рассортировки. Но в прочем содержание и структура притчей на редкость схожи, хотя в притче о неводе меньше подробностей» [Там же: 215]. Таким образом, на основе анализа тематической структуры указанных притч К. Бломберг объединяет обе притчи в единый структурно-семантический блок. Кроме того, он выделяет тему «трагичности» притч о неводе, пшенице и плевелах и о десяти девах в качестве определённого семантического стержня, связующего перечисленные притчи на сюжетном и понятийном уровнях.

К. Бломберг выделяет в притче о неводе три эпизода и предлагает следующее их истолкование: «1) ст. 47–48 описывают работу невода, который обозначает Бога, пришедшего в последний день судить свой народ; 2) ст. 48 описывает судьбу хорошей рыбы, которая означает праведников, – они будут собраны и сохранены для дальнейшего служения; 3) ст. 48 описывает судьбу гнилой рыбы, символизирующей неискуплённых, – они будут выброшены вон. Итог в ст. 49–50 завершает только эту последнюю тему, так что акцент, по видимому, делается на ней» [Там же: 215–216].

Так, семантико-когнитивный анализ данного толкования позволяет выделить следующие когнитивные единицы макроконцепта *Царство Божие*: *праведность, служение, единение, спасение – погибель*. Кроме того, когнитивная единица *проповедь* может быть выделена из следующего контекста: «Упоминание различных видов рыбы обычно понимается как призыв к ученикам проповедовать всем народам, невзирая на этнические различия» [Там же: 216].

New American Bible (NAB) также проводит параллель между притчей о неводе и притчей о пшенице и плевелах, смещая акцент на трагический конец первой: «The concluding parable of the fishnet resembles the explanation of the parable of the weeds with its stress upon the final exclusion of evil persons from the kingdom»

(NAB: 53). Таким образом, представленное толкование имплицитно содержит когнитивную оппозицию *спасение – погибель*, являющуюся частью когнитивной структуры целого ряда притч.

Существенным отличием протестантских толкований Евангельских притч является наличие эсхатологического контекста, придающего трагический смысл всей притче. Православные толкования подобных импликаций не содержат [6]. Так, К. Бломберг приводит пример толкования притчи о неводе одним из протестантских комментаторов: «Все прежние формы теократии закончились судом и карой: изгнание из Эдема, катастрофический потоп, Вавилонская башня и Вавилонское пленение. Возникает вопрос, к чему приведёт новая форма Божьего правления. Христос даёт ответ в притче о неводе» [2: 217]. Приведённый пример показывает, насколько функциональна когнитивная единица *трагичность* в протестантском субдискурсе, тогда как в православном акцент смещается на бинарную оппозицию *спасение – погибель*, оба элемента которой являются последствиями свободного выбора образа жизни.

Таким образом, можно сказать, что анализ притчи как особого религиозного жанра неодинаково представлен в западноевропейских и отечественных источниках. Первые ориентированы на литературоведческие принципы исследования (изучение степени сложности сюжета, выявление количества главных тем и персонажей и т. д.), тогда как вторые интерпретируют притчи в лингвофилософском и богословском направлениях, раскрывая глубинную суть основ веры и духовной жизни человека. Как в православном, так и в протестантском субдискурсах макроконцепт *Царство Божие* содержит относительно стабильный набор когнитивных единиц: *действенность веры, служение, единение, праведность, спасение – погибель*, однако протестантскому субдискурсу в гораздо большей степени свойственен эсхатологический акцент, которого практически лишён православный субдискурс, обнаруживающий тенденцию перевеса морально-нравственного компонента.

В целом можно сказать, что в силу своей композиционной и когнитивной сложности жанр Евангельской притчи требует глубокого разностороннего изучения. Методы анализа указанного жанра, на наш взгляд, целесообразно разделять на 2 группы: литературоведческие приёмы и собственно речевой анализ отдельных образцов, а также приёмы лингвофилософского и лингвокогнитивного анализа, позволяющие выявить набор базовых когнитивных единиц, составляющих своеобразный фундамент жанра Евангельской

притчи, а также определить специфику функционирования исследуемого жанра не только в религиозном дискурсе, но и в сознании языковой личности. Применение перечисленных методов в комплексе может оказаться весьма продуктивным не только в плане изучения притчи как отдельного жанра, но и в плане разработки методологии анализа в таких областях, как библейская филология, лингвофилология и лингвокультурология.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1040 с.
2. *Бломберг К.* Интерпретация притчей / пер. Л. Сумм. М.: Библейско-богословский ин-т св. апостола Андрея, 2005. 380 с.
3. *Ricoeur P.* Biblical Hermeneutics // *Semeia*. 1975. № 4. 168 p.
4. *Ricoeur P.* The Rule of Metaphor. Toronto ; L.: Univ. of Toronto Press, 1977. 136 p.
5. *Чернейко Л. О.* Лингвофилософский анализ абстрактного имени. 2-е изд. М.: URSS, 2010. 272 с.
6. *Балашова Е. Ю.* Жанровая специфика концептуального поля *надежда/hope* в православном и протестантском субдискурсах // Язык – Коммуникация – Образование: методология исследования и практика преподавания: сб. науч. тр. по материалам I Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 24 марта 2017 г.) / под ред. Е. Ю. Балашовой. Саратов: «ИП Коваль Ю. В.», 2017. С. 9–15.

ИСТОЧНИКИ

1. Святое Евангелие от Матфея с толкованием блаженного Феофилакта, Архиепископа Болгарского. М.: Новая книга; Ковчег, 2004. 512 с.
2. *Святитель И. Златоуст.* Толкование на Евангелие от Матфея. Беседы 1–41 / ред. С. Ерёмин. М.: Правило веры, 2008. 928 с.
3. *Барсов М. В.* Сборник статей по истолковательному и назидательному чтению Четвероевангелия с библиографическим указателем: в 2 т. М.: Лепта, 2002. Т. 1. 858 с.
4. *Гладков Б. И.* Толкование Евангелия. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2004. 846 с. (Репринт 1913 г.).
5. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Саратов: Изд-во Саратов. епархии, 2006. 831 с.
6. The New American Bible revised New Testament. N.Y.: Costello Publishing Company; Michigan: William B. Eerdmans Publishing Company, 1986. 774 p.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Балашова Е. Ю. Речезанровый анализ евангельской притчи на материале православных и протестантских источников // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 55–59. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59

REFERENCES

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kultura* [Language and Culture]. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1040 p. (in Russian).
2. Blomberg Craig L. *Interpreting the Parables*. InterVarsity Press, Illinois, 1990. 380 p. (in Russian).
3. Ricoeur P. Biblical Hermeneutics. *Semeia*, 1975, no. 4. 168 p.
4. Ricoeur P. *The Rule of Metaphor*. Toronto, London, Univ. of Toronto Press, 1977. 136 p.
5. Чернейко Л. О. *Lingvophilosophskiy analiz abstraktnogo imeni* [Linguistic-philosophical analysis of an abstract name]. 2-е изд. Moscow, URSS, 2010. 272 p. (in Russian).
6. Balashova E. Yu. Zhanrovaya spetsifika kontseptualnogo polya nadezhda/hope v pravoslavnom i protestantskom subdiskursah [Genre specificity of the conceptual field of Hope]. In: *Yazyk – Kommunikatsiya – Obrazovaniye: metodologiya issledovaniya i praktika prepodavaniya: sb. nauch. tr. po materialam I Vseros. Nauchno-praktich. Conf.* [Hope in Orthodox and Protestant sub-discourses. Language – Communication – Education: research methodology and teaching practice: coll. sci. works. on materials I all Russian scientific and practical Conference] (Saratov, 24 March 2017). Saratov, IP Koval' Yu. V., 2017, pp. 9–15. (in Russian).

SOURCES OF MATERIAL

1. *Svyatoye Evangeliiye ot Matfeya s tolkovaniem blazhennogo Feofilakta, Arkhiepiskopa Bolgarskogo* [The Holy Gospel of Matthew with the interpretation of the blessed Theophylactus, Archbishop of Bulgaria]. Moscow, Novaya kniga, Kovcheg Publ., 2004. 512 p. (in Russian).
2. Svyatitel I. Zlatoust. *Tolkovaniye na Evangeliiye ot Matfeya. Besedy 1–41* [Prelate I. Chrysostom. Interpretation of the Gospel according to Matthew. Conversations 1–41]. Moscow, Pravilo very Publ., 2008. 928 p. (in Russian).
3. Barsov M. V. *Sbornik statey po istolkovatelnomu i nazidatelnomu chteniyu Chetveroevangeliya s bibliograficheskimi ukazatelem* [Collection of articles on the interpretive and instructive reading of the Fourth Gospel with a bibliographic index]. Moscow, Lepta Publ., 2002. Vol. 1. 858 p. (in Russian).
4. Gladkov B. I. *Tolkovaniye Evangeliiya* [Interpretation of the Gospel]. Svyato-Troitskaya Sergieva Lavra, 2004. 846 p. (in Russian).
5. *Novy Zavet Gospoda nashego Iisusa Hrista* [The New Testament of our Lord Jesus Christ]. Saratov, Izd-vo Sarat. eparhii., 2006. 831 p. (in Russian).
6. The New American Bible revised New Testament. New York, Costello Publishing Company; Michigan, William B. Eerdmans Publishing Company, 1986. 774 p.

Статья поступила в редакцию 14.10.2017

For citation

Balashova E. Yu. Genre Communicative Analysis of the Gospels Parable on the Material of Orthodox and Protestant Sources. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 55–59. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-55-59.

УДК 811.161.1.23

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-60-66

О. П. Ермакова
Калуга, Россия

Olga P. Ermakova
Kaluga, Russia

**ФУНКЦИИ СОГЛАСИЯ И НЕСОГЛАСИЯ
В ДРУЖЕСКОЙ БЕСЕДЕ
(ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ
ЗАМЕТКИ)**

**FUNCTIONS OF CONSENT
AND DISAGREEMENT IN FRIENDLY CHAT
(PSIKHOLOGO-LINGUISTIC NOTES)**

В статье рассматриваются функции согласия и несогласия в естественном непринужденном общении. В центре внимания автора вопрос: всегда ли согласие собеседника с говорящим ожидаемо, всегда ли оно содержит положительный эффект, а несогласие – отрицательный? Материал, который приводит автор статьи, преимущественно в рамках жанра утешения, показывает, что нередко согласие имеет знак минус, а несогласие – плюс.

Рассматриваются также некоторые общие особенности согласия и несогласия, а также роль молчания в их выражении.

Ключевые слова: согласие, несогласие, иронические реакции как вид согласия и несогласия, косвенные ответы, утешение, молчание.

In article functions of consent and disagreement in natural easy communication are considered. In the center of attention of the author question: whether always the consent of the interlocutor with speaking is expected whether always it contains positive effect, and disagreement – negative? Material which is given by the author of article mainly within a consolation genre, shows that quite often consent has a minus sign, and disagreement – plus.

Also some general features of consent and disagreement and also silence role in their expression are considered.

Key words: consent, disagreement, ironical reactions as type of consent and disagreement, indirect answers, consolation, silence.

Сведения об авторе: Ермакова Ольга Павловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского.

E-mail: Liter@kspu.kaluga.ru
ermakowa_olga@mail.ru

About the author: Ermakova Olga Pavlovna, Doctor of Philology, Professor of Russian Language Department.

Place of employment: Tsiolkovsky Kaluga State University.

E-mail: Liter@kspu.kaluga.ru
ermakowa_olga@mail.ru

Категория согласия и несогласия играет заметную роль в дружеском общении. На первый взгляд в большинстве случаев положительную роль играет согласие: оно ожидается собеседником в жанре утешения, оценки ситуации. Оно нередко необходимо одному из собеседников и несогласие может привести к конфликту. Некоторые примеры такого употребления согласия и несогласия:

1. Две близкие подруги. Одна жалуется другой на несправедливое увольнение.

А: Нет, ты подумай: я всего два раза опоздала, и он меня уволил. И сразу взял на мое место этого балбеса Яшина. Ну, не подлость ли это?

Б: Конечно, подлость.

Ты посмотри только. – Подруга сунула ценник, приклеенный на лоточек, ей под нос. – Цельнозерновой называется. Семьдесят шесть рублей! Ужас! А всего-то четыре булочки.

– Ужас, – согласилась Наташа. (Т. Устинова. Великая сила настоящего детектива).

2. Две приятельницы обсуждают внешность известной певицы, которая после рождения ребенка заметно располнела.

А: Какой вальяжной стала N.

Б: В ней прямо что-то королевское, особенно в этой шали.

А: По-моему, скорее купеческое.

Б [вспыхивая]: вы всегда назло мне не соглашаетесь и унижаете меня.

Другой случай.

Ситуация, когда один из друзей считает себя смертельно обиженным общим знакомым. На самом деле это сильно преувеличено, является следствием обидчивости и непомерного самолюбия «обиженного».

А: Он [обидчик] Подлец! Негодяй! Я теперь с ним здороваться не буду!

Б вместо, очевидно, ожидаемого согласия, солидарности с А пытается смягчить ситуацию: Ну ты уж зря так. Он, наверное, не хотел тебя обидеть и, возможно, даже не понял, что обижает тебя.

А [с яростью]: *Ах, конечно, о тебе он почему-то ничего не сказал!*

Это примеры наиболее обычных функций несогласия в диалоге приятелей или (чаще) подруг.

Однако нередки случаи, когда именно несогласие с говорящим играет положительную роль и служит в определенных случаях утешением говорящему.

В то время как согласие не только не желательно, но и может привести к конфликту.

Функции согласия и несогласия определяются прежде всего рядом психологических моментов: ситуацией, важностью темы и содержанием беседы (для обоих партнеров или хотя бы для одного), состоянием и характером беседующих и другими факторами. Исчислить все возможные в дружеском общении ситуации, разумеется, невозможно. В статье приводятся лишь некоторые, которые, по наблюдению автора, очень типичны.

Так, бывают ситуации, когда друг (чаще подруга) в сердцах жалуется на близкого человека – мужа, сына, дочь, брата, сестру и т. д.

А: *Нет, ты подумай – «Я ей [дочери] испортила жизнь», ну как можно быть такой наглой эгоисткой!*

– *Я просто не знаю, как теперь жить, никогда предположить не могла такого бессердечия: «Ты мне испортила жизнь!» – Это я-то!*

Б (подруга): (наблюдаются два варианта).

1-й – согласие с А: *Ой, это ужасно. Она вообще, я замечаю, часто ведет себя не как дочь и совсем тебя не ценит* (и так далее в том же духе). Это согласие с А в оценке дочери нередко вызывает неожиданную для Б реакцию: в лучшем случае недовольство, а может быть, и раздражение, и гнев. Мотив: *я-то могу ругать свою дочь (сына, брата, сестру), а ты – не имеешь права. Твоя-то чем лучше?*

Таким образом, согласие, солидарность с оценкой источника обиды вовсе не всегда желательны.

2-й вариант.

Б: *Ну что ты! Она хорошая девчонка. Она любит тебя. Это у неё нервный срыв: с работой не выходит, личной жизни нет. Ты её пожалей и прости.*

А: *Да, конечно, мне её жалко...*

В таких случаях «обвинитель» близкого человека подсознательно ждет опровержения собственного обвинения. И в этом находит утешение. Именно несогласие играет здесь положительную роль.

Конечно, варианты бывают и в этом случае. Как и многое в общении, это зависит и от характера общающихся. Но главное – различие в ситуациях: осуждение чужого (несвоего)

жаждет согласия с оценкой, может быть, еще более сильного осуждения.

Осуждение близкого человека подсознательно предполагает опровержение, поэтому несогласие играет положительную роль, выполняет функцию утешения.

Приведу еще одну ситуацию, когда несогласие желанно и утешительно.

Ситуация самокритики одной из подруг.

1. А: *Смотрела свои фотографии, где я 20 лет назад. На всех у меня большие глаза. Почему же сейчас такие маленькие?*

Б: *Да это тебе кажется. Совсем они не маленькие.*

2. А: *Иду на собеседование, а даже причесаться не успела. На голове – воронье гнездо.*

Б: *Не выдумывай, нормальная ты.*

А (радостно): *Да! Я нормальная?*

Не так много людей, которые в таких ситуациях скажут приятельнице: *Да, неужели были большие? – Могла бы и причесаться. Выглядишь ужасно.*

В случаях, когда один из общающихся жалуется приятелю (приятельнице), сообщая о неприятностях, неудачах в серьезных делах, о плохом диагнозе, потере работы и т. п., и представляет свою жизнь как исключительно несчастную. «*И за что мне всё это?!*», «*Что у меня за жизнь?! Ничего светлого!*»

Согласие с говорящим в оценке ситуации было бы не только не желательным, но нередко жестоким: «*Да, действительно жизнь у тебя ужасная, ни у кого такой нет*»

Один из примеров согласия, которое усугубляет состояние говорящего.

– *Мерзко! Подло!* – бормотал Путохин, возвращаясь домой после объяснения с начальством. – *И осрамился и место потерял... Подло, гадко!*

– *Хоть застрелиться впору!* – бормотал он.

– *Да, плохая история!* – соглашался сопровождавший его сослуживец Федор Елисеич. – *Всё бы ничего, но вот что скверно: место потерял! Это хуже всего, брат... Именно стреляться впору...* (А. П. Чехов. Беда).

Отмечу еще некоторые формы утешения, представляющие собой синкретизм согласия – несогласия или полусогласия.

По нашим наблюдениям, здесь существуют по крайней мере три модели.

1. «*Все такие же, у всех так*».

2. «*У меня тоже так, у меня не лучше*».

3. «*У других еще хуже (опасный вариант)*».

1. Разговор двух подруг среднего возраста. А. расстраивается из-за поведения сына: учиться не хочет, целые дни сидит в Интернете.

Б: *Ой, ты думаешь только твой так себя ведет, они сейчас все такие.*

Здесь есть невыраженное словами согласие: «ясно, что парень не золото», но...

После операции Макс ушел из больницы. Отец разговаривает с медсестрой.

– *Вы сильно так не беспокоитесь. Вы только следите, чтобы он корсет не снимал – четыре ребра сломаны, это не шутки.*

– *За ним проследишь...* – не удержался Борис Осипович. – *Вы же видите, какой он!*

– *Ох, да они все такие! Ничего, обойдется, дай бог вам всем здоровья...* (Е. Михалкова. Манускрипт дьявола).

Наблюдения показывают, что определенный тип людей, не желая осознавать себя неудачниками, радуется, узнав о ком-то с аналогичными неприятностями, бедами и т. п. «Не я один (одна)».

2. Утешение по модели «у меня не лучше» часто воспринимается положительно, даже более положительно, чем «у всех так»: психологически, видимо, в таких случаях рождается чувство солидарности и (теперь уже) потребность утешить бывшего утешителя. Ср.: *И твой (муж) тоже так? Ну, один к одному. Не повезло нам с тобой, но мы сильные женщины.*

3. А модель «у кого-то еще хуже» в зависимости от ситуации и характера человека может вызывать разную реакцию.

А: – *Все-таки сволочное у нас руководство: неужели нельзя было найти ставку!*

Б: – *Конечно, безобразия, но у тебя хоть полставки, а Н, говорят, даже четверти не дали.*

А: *Правда? Ну, чего тогда мне...*

В приведенных примерах и многих других наблюдается «полусогласие»: «да», но у других хуже.

А: *Почему ты не носишь короткие юбки?*

Б: *У меня ноги некрасивые!*

А: Ну и что. У Маши еще хуже, а она носит.

Естественно, что такое «утешение» – прямая обида. Ср. пример, который приводит С. Довлатов «Лева Дроздов говорил: “За что все так ненавидят евреев? По-моему, румыны и китайцы еще хуже”» (С. Довлатов. Ремесло).

В разговоре о юбках (и ногах) обида возникает из-за признания (согласия), что ноги некрасивые (вместо опровержения, возможно, ожидаемого).

В других случаях «у кого-то хуже» вызывает скорее недовольство. Человеку хочется исключительности: «у других это не так уже серьезно» и подобное утешение его раздражает. Хотя, некоторых людей сознание «у другого хуже» может утешить. Приведу пример из рассказа Ф. Искандера. Человек потерял отца, и друг, Зенон, приехал посочувствовать ему.

«Зенон обнял его, прижал к себе и постарался успокоить. Через несколько минут тот несколько успокоился и вдруг, приосанившись, сказал Зенону с интонацией собственной выгоды:

– *У тебя трое умерло, а у меня все-таки один...*

– Как он был хорош, – подумал Зенон, – когда рыдал у меня на груди, и как стал жалок и беден, когда пытался при помощи логики себя утешить» (Ф. Искандер. Утраты).

Конечно, утешение себя за счет других – проявление низменных чувств. Но это бывает.

Среди косвенных ответов есть такие, которые не выражают ни согласия, ни явного несогласия. Это случаи, когда на конкретный вопрос собеседник отделяется общей сентенцией о природе людей, о превратности судьбы и т. п.

– По-моему, его поступок – страшная подлость. – Ты так не считаешь?

– *Люди, к сожалению, не делаются лучше.*

– Ты правда веришь, что он виноват?

– *Жизнь полна неожиданностей.*

«Полчаса назад я страстно желал смерти, теперь же, когда горит свеча и возле меня сидите вы, я и не думаю о смертном часе. Объясните-ка вы эту перемену! Стал ли я богаче, или воскресла моя жена? Повлиял ли на меня этот свет, или присутствие постороннего человека?»

– Свет, действительно, влияет... – пробормотал я, чтобы сказать что-нибудь. – *Влияние света на организм...*» (А. П. Чехов. Рассказ без конца).

«– Пусть я виноват, но ведь я просил прощения, на коленях ползал! Я, если хотите знать, даже... плакал!

– *Да, женщины большая загадка.*» (А. П. Чехов. Ниночка) [1: 165–166].

И согласие и несогласие могут быть ироническими, и тем самым превращаться друг в друга.

Некоторые примеры иронического согласия.

«– Вы вот, например, пишете, что под казачком лошадь плясала. К чему это? Этого не надо... Вам надо работать над собой. Поехать куда-нибудь в деревушку и хорошенько поработать

– *Спасибо. Я непременно. В деревушку.*» (Тэффи. Как быть?).

В зависимости от степени несуразности совета ироническое согласие представляет более или менее явную насмешку.

Разговор двух приятельниц об общей знакомой – женщине лет 50.

А: *В. сильно похудела и выглядит очень молодо.*

Б: *Ну да, прямо как двадцатилетняя!*

А: Ну, она вам не кажется красивой, я зря сказала.

Особый вид иронического согласия – согласие с самой несущественной частью рассказа говорящего, не требующей никакой реакции.

1. N получил место без протекции. Он очень честный человек, очень. Он, кстати недавно женился. Ты не веришь этому, да?

– Нет, почему же, что женился – верю.

2. Герою романа в целях предостережения говорится о злой колдунье в деревне, куда он собрался ехать.

Он: «– А в деревне с кем-нибудь уже что-нибудь случилось?»

– Я точно не знаю, – нервно ответила рассказчица. – Но говорят... Вот... Недавно коза бабки Дарьи забрела в ведьмин огород и съела горох. А вечером пришла домой, легла и сдохла.

– Ты мне не веришь, да?

– Что коза сдохла? Верю». (Г. Куликова. Кошачий патруль).

Об этом явлении как о реакции на дискрипцию писала Е. В. Падучева, позднее – О. П. Ермакова и Е. А. Земская при анализе коммуникативных неудач [1: 60–61; 2: 150].

Ироническое несогласие.

А: Я думаю, он женился на ней по расчету.

Б: Ну что ты! Это была искренняя любовь... к её папе – генералу и пятикомнатной квартире.

Ироническое согласие и несогласие представляют собой обратимы: каждое выражает противоположность другому.

Можно заметить, что в естественной речи непринужденной беседы употребительнее ироническое согласие. Это больше соответствует природе иронии, а выражение согласия через отрицание того, с чем собеседник согласен – более сложный и не всегда оправданный путь. Ср. возможность выражения прямого согласия в приведенном тексте о мотивах женитьбы:

Конечно, по расчету – у неё папа генерал и пятикомнатная квартира.

И согласие, и несогласие могут быть фальшивыми. Но больше это свойственно согласию: фальшивое согласие (не обязательно ироническое) скрывает несогласие, а притворное несогласие вовсе не обязательно выражает согласие. Ср. случаи «самокритики».

А: Как я пойду в театр? Я же не успела сходить в парикмахерскую. У меня на голове воронье гнездо!

Б: Не выдумывай. Нормальная у тебя голова.

Б не соглашается с «самокритикой» А, очень возможно, притворяется, чтобы утешить подругу.

Но возможно полного несогласия с критикующей себя приятельницей тут все же нет: прическа могла быть получше, да и просто – не ах, но уж не «воронье гнездо».

И фальшивое согласие, и фальшивое несогласие могут иметь одни и те же цели: утешение собеседника, угождение (вышестоящему). Так, в рассказе Чехова «В пансионе» учитель Дырявин, добиваясь прибавки к жалованью, упорно доказывает начальнице, что таких красавиц, какой она была в молодости, сейчас нет. И, глядя на очаровательную девушку, по мнению начальницы, – образец красоты, отрицает это, про себя восхищаясь девушкой.

«– Дырявин отродясь не видал таких красавиц, как Пальцева, но жажда прибавки берет верх над справедливостью, и он продолжает доказывать “старой шельме”, что в настоящее время красавиц нет...»

– Ничего в ней нет хорошего, – угрюмо вздыхает Дырявин» (А. П. Чехов. В пансионе).

Но цель – прекратить разговор, «отвязаться» от собеседника больше свойственна согласию. Несогласие может скорее способствовать продолжению разговора.

Согласие может быть вынужденным. Это может быть из боязни противоречия (на стороне вынуждающего согласиться власть, сила) или из безразличия к тому, что утверждает говорящий. Ср.:

«– Хлеб сам родится в земле, мужик только щекочет ее сохой, как баба коровье вымя! Это неполный труд. Верно, хозяин?»

– Да, должно, так, – поддакнул накормивший их человек. – Ваша власть, вам видней.

– Дурак ты, кулацкий кум, – вмиг рассердился Копенкин. – Наша власть не страх, а народная задумчивость.

Сторож согласился, что теперь – задумчивость». (А. Платонов. Чевенгур).

Сторож, естественно, не может понять столь «глубокую мысль Копенкина», но отчасти опасается нового взрыва с его стороны, да и «пусть говорит, что хочет, спорить – себе дороже».

Еще пример.

«Я, помню, читал где-то, что у вас у всех (французов. – О. Е.) ум приобретенный, из книг, а у нас ум врожденный. Если русского обучить как следует наукам, то никакой ваш профессор не сравняется.

– Может быть... – как бы нехотя говорит Шампунь». (А. П. Чехов. На чужбине).

Шампунь – старик француз, бывший гувернер у помещика Камышева, в настоящее время живет у него на хлебном и вынужден выслушивать глупости и обидные слова любящего празднословить хозяина.

Может ли быть вынужденным несогласие? Очевидно, может.

Например, в ситуации допрашиваемого, который на вопросы отвечает искренне и правдиво, что отлично осознает и следователь. Но, получив установку – обвиняемого нужно посадить, не соглашается ни с одним его утверждением.

Молчание – знак согласия?

О роли молчания в коммуникации писали неоднократно. Исследовались и классифицировались виды молчания [3–13].

Не касаясь всех аспектов анализа молчания как языкового знака, рассмотрим кратко выражение молчанием согласия и несогласия.

Не вызывает сомнений, что это важный способ коммуникации. Как показывают наблюдения исследователей, молчание занимает разное место в общении представителей различных национальностей. Поэтому определять функции молчания по отношению к согласию и несогласию можно в пределах определенного этноса [9: 233].

В русском языке существует выражение «молчание – знак согласия», но оно вызывает сомнение. Гораздо более соответствует действительности высказывание Н. Д. Арутюновой: «Молчание есть знак самоустранения, а не согласия» [3: 110].

По нашим наблюдениям, молчание едва ли не чаще выражает несогласие. И хотя молчание – далеко не однозначно, выражаемое им несогласие легко прочитывается. Некоторые примеры.

«– Я же не кричал в прессе и по телевидению, что Гамсахурдия нам послал бог. Меня обвинили в антигосударственной пропаганде. “Какая же это пропаганда, если я молчу?” – возражал я. “–Да, ты молчишь, но молчишь против”» (Известия. 1999 18 дек.) [пример из: 10: 234]; «Все молчали против него» (А. Платонов. Котлован).

«Мосальский. Народ! Мария Годунова и сын её Фёдор отравили себя ядом. Мы видели их мертвые трупы.

Народ в ужасе молчит.

Что же вы молчите? Кричите: да здравствует царь Дмитрий Иванович!

Народ безмолвствует» (А. С. Пушкин. Борис Годунов).

В тех случаях, когда согласие большинством выражается одобрительными возгласами, молчание одного (нескольких) понимается как несогласие.

Молчание в ответ на прямое предложение, вопрос, обращенный к собеседнику – это явное несогласие, часто невежливое. В самом деле, если говорящий спрашивает, согласен ли собеседник принять участие в чем-либо, а собеседник молчит, иначе как несогла-

сие это нельзя определить. Замена словесно выраженного несогласия молчанием может быть адекватной, но замена словесного [или жестового] выражения согласия – молчанием – отнюдь нет. Некоторые примеры:

«– У меня, знаешь, и денег почти нет. Мне в голову не приходило, что со мной можно так... Я вот билет купила, а там у меня всего ничего... осталось... Лиль, ну, разве так можно?!

Лилия сказала, что, разумеется, нельзя.

– И главное, знаешь, ничто не предвещало!.. А потом вдруг в один день: назначают Вишнякова, а меня увольняют! Он же меня всегда терпеть не мог. Нет, ну скажи, разве это не свинство?!

Лилия согласилась, что свинство». (Т. Устинова. Где-то на краю света).

Представить, что вместо выраженных форм согласия здесь могло бы быть молчание можно, только если Лилия хотела уклониться от ответа, а следовательно, не была согласна с подругой.

Молчание как согласие часто отождествляется с отсутствием возражения.

«– Сказывают, что вы Акулине новую избу поставили, – говорит Пелагея.

– Стало быть, она вам по сердцу...

– Счастье уж твое такое, судьба! – говорит охотник, потягиваясь.

– Терпи, сирота» (А. П. Чехов. Егерь).

Вторую реплику Пелагеи Егор также оставляет без ответа, хотя тут и нет слов автора «молчит».

В данном случае молчание, отсутствие возражений со стороны егеря можно толковать как согласие. Но это может быть и выражение нежелания отвечать, продолжать разговор на данную тему, а это не всегда одно и то же. Таким образом, молчание как протест может пониматься однозначно, молчание как выражение согласия, очевидно, как правило, нуждается в подкреплении другими невербальными средствами – жестами (кивком головы и др.). Ср.:

«– Кощей приходил, – зачем-то понизив голос, сообщила Леночка. – А меня еще не было. Мне секретарша сказала. Я думала, он сегодня на совещание поедет, в главк, как обычно.

Марина Денисовна степенно кивнула.

– Теперь орать будет, что я разваливаю дисциплину на предприятии.

Гришина снова кивнула» (Н. Солнцева. Следы богов);

«– Правда сегодня вертолет прилетит? – спросила Алла у спины Зои Петровны. Спина ничего не ответила, но как-то так дрогнула, что стало понятно – правда» (Т. Устинова. Ковчег Марка).

Возможный вывод: в оппозиции согласие/несогласие – несогласие, на наш взгляд, более сильный член.

Итак, согласие и несогласие в зависимости от ситуации несут различную психологическую и эмоциональную нагрузку. Как видно из примеров, нельзя утверждать, что согласие – это всегда «хорошо», а несогласие всегда «плохо», что только согласие предотвращает или устраняет конфликт, а несогласие его создает. Нередко именно согласие может вызвать конфликт, а несогласие его предотвратит.

Что касается молчания как выражения этих реакций на высказывание одного из субъектов общения, то, на наш взгляд, это скорее знак несогласия или устранения от ответа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ермакова О. П., Земская Е. А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 30–64.
2. Падучева Е. В. Проблема коммуникативной неудачи в сказках Льюиса Кэрролла // *Tekst i Zdanie / Zbior studiow.* Wroclaw; Kraków; Gdansk; Łódź, 1983. С. 139–160.
3. Арутюнова Н. Д. Молчание: Контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 106–117.
4. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Возражение под видом согласия // Облик слова: сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. М.: РАН Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 1997. С. 137–148.
5. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 376 с.
6. Ермакова О. П. Попытка типологии косвенных ответов // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 156–169.
7. Кибрик А. А. Молчание как коммуникативный акт // Действие: лингвистические и логические модели: тез. докл. М. Наука, 1991. С. 49–56.
8. Крысин Л. П. Толерантность как фактор в речевом общении // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения. М.: Флинта; Наука, 2012. С. 253–259.
9. Меликян С. В. Речевой акт молчания в структуре общения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2004. 20 с.
10. Норман Б. Ю. Молчание как способ коммуникации // Культурные практики толерантности в речевой коммуникации. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 231–243.
11. Почепцов Г. Г. Молчание как знак // Научные ведомости. Сер. гуманитарных наук. 2010. № 18. С. 90–91.
12. Федосюк М. Ю. Комплексные жанры разговорной речи: «утверждение», «убеждение» и «уговоры» // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург: Арго, 1996. С. 102–120.
13. Шалина И. В. Утешение как коммуникативная неудача // Русский язык сегодня. Вып. 6. Речевые жан-

ры современного общения. М.: Флинта; Наука, 2015. С. 362–372.

REFERENCES

1. Ermakova O. P., Zemskaya E. A. K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach (na materiale estestvennogo russkogo dialoga) [To creation of typology of communicative failures (on material of natural Russian dialogue)]. In: *Russkii yazyk segodnya. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt* [Russian in its functioning. Communicative and pragmatical aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 30–64 (in Russian).
2. Paducheva E. V. Problema kommunikativnoj neudachi v skazkah Lewis Carrolla [Problem of communicative failure in fairy tales by Lewis Carroll]. In: *Tekst i Zdanie. Zbior studiow.* Wroclaw, Kraków, Gdansk, Łódź, 1983. pp. 139–160 (in Russian).
3. Arutyunova N. D. Molchanie: Konteksty upotrebleniya [Silence: Use contexts]. In: *Logicheskii analiz yazyka. Yazyr rechevyh dejstviy* [Logical analysis of language. Language of speech actions]. Moscow, Nauka Publ., 1994. pp. 106–117 (in Russian).
4. Bulygina T. V., Shmelyov A. D. Vozrazhenie pod vidom soglasiya [Objection under the guise of consent]. In: *Oblik slova. Sbornik statei pamyaty D. N. Shmel'eva* [Shape of a word. Collection of articles of memory of D. N. Shmelyov.]. Moscow, RAN, In-t rus. yaz. im. V. V. Vinogradova, 1997, pp. 137–148 (in Russian).
5. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikaciya* [Indirect communication], Moscow, Gnosis Publ., 2006. 376 p. (in Russian).
6. Ermakova O. P. Popytka tipologii kosvennykh otvetov [Attempt of typology of indirect answers]. *Russkii yazyk segodnya.* Vyp. 5. Problemy rechevogo obsheniya [Russian today. Iss. 5. Problems of speech communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 156–169 (in Russian).
7. Kibrik A. A. Molchanie kak kommunikativnyi akt [Silence as communicative act] In: *Dejstvie: lingvisticheskie i logicheskie modeli* [Action: linguistic and logical models: Theses of reports]. Moscow, Nauka Publ., 1991, pp. 49–56 (in Russian).
8. Krysin L. P. Tolerantnost' kak faktor v rechevom obshenii [Tolerance as a factor in speech communication]. *Russkii yazyk segodnya. Vyp. 5. Problemy rechevogo obsheniya* [Russian today. Iss. 5. Problems of speech communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2012, pp. 253–259 (in Russian).
9. Melikyan S. V. Rechevoj akt molchaniya v strukture obsheniya [The speech act of silence in structure of communication]. Thesis Diss. Cand. Sci (Philol.). Voronezh, 2004. 20 p. (in Russian).
10. Norman B. Yu. Molchanie kak sposob kommunikacii [Silence as a way of communication]. In: *Kulturnye praktitsi tolerantnosti v rechevoj kommunikacii* [Cultural practitioners of tolerance in speech communication]. Yekaterinburg, 2004, pp. 231–243 (in Russian).
11. Pochepstov G. G. Molchanie kak znak [Silence as sign]. *Nauchnye vedomosti. Ser. gumanitarnykh nauk* [Scientific sheets. Ser. of the humanities]. 2010, no. 18, pp. 90–91 (in Russian).
12. Fedosyuk M. Yu. Kompleksnye ghanry razgovornoj rech: "utverzdenie", "ubezhdenie", "ugovory" [Complex genres of informal conversation: "statement", "belief" and "arrangements"]. In: *Russkaya narodnaya rech kak yavlenie gorodskoj kul'tury* [Russian informal conversation as phe-

nomenon of city culture]. Yekaterinburg, Argo Publ., 1996, pp. 102–120 (in Russian).

13. Shalina I. V. Uteshenie kak kommunikativnaya neudacha. *Russkij yazyk segodnya*. Вып. 6. Rechevye ghanry

sovremennogo obsheniya [Consolation as communicative failure. Russian today. Iss. 6. Speech genres of modern communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. pp. 362–372 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 09.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ермакова О. П. Функции согласия и несогласия в дружеской беседе (психолого-лингвистические заметки) // *Жанры речи*. 2018. № 1 (17). С. 60–66. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-60-66

For citation

Ermakova O. P. Functions of Consent and Disagreement in Friendly Chat (Psikhologo-Linguistic Notes). *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 60–66. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-60-66.

ЖАНРЫ СМИ

УДК 811.161.1.38:070

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72

М. А. Кормилицына
Саратов, Россия

Margarita A. Kormilitsyna
Saratov, Russia

ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ
В СТИЛИСТИЧЕСКОМ ОБЛИКЕ
ТРАДИЦИОННЫХ
ЖУРНАЛИСТСКИХ ЖАНРОВ
В СОВРЕМЕННОЙ ПРЕССЕ

TRENDS OF CHANGES IN THE STILISTIC
IDENTITY OF TRADITIONAL JOURNALISTIC
GENRES IN THE PRESENT PRESS

Основной процесс, который происходит в традиционных журналистских жанрах и изменяет их стилистический облик, – это взаимодействие, взаимопроникновение, конвергенция журналистских жанров. Журналисты стремятся представить многоаспектную картину усложнившейся современной жизни, что делает информационное пространство особенно плотным и разнородным. В статье названы некоторые тенденции, изменившие стилистический облик традиционных жанров газетного текста: тенденция к интерактивности и тенденция к поликодовости, визуализации информации. Основное внимание уделяется основным средствам реализации этих тенденций. Усиление интерактивности обеспечивается особыми средствами актуализации информации, привлечения и удержания внимания адресата; средствами помощи адресату в понимании текста; диалогизацией: включением в монологический текст единиц диалога, вопросно-ответных единств разных типов, а также вопросительных предложений, риторических вопросов, разговорных конструкций и под. Тенденция к поликодовости проявляется в том, что печатные СМИ, особенно самые массовые, пошли по пути визуализации информации. Вербальная часть текстов занимает всё меньше места на полосе издания. Много внимания уделяется расположению материалов и их фрагментов на газетной полосе. Широко используется инфографика: диаграммы, таблицы, рисунки, коллажи и пр. Очень много фотографий. Все эти визуальные средства воздействия систематизируют передаваемую информацию, сокращают объём вербальной части текста, делают его более привлекательным для читателя, которого электронные СМИ и Интернет приучили к получению визуально интересной информации.

Ключевые слова: взаимопроникновение жанров, конвергенция, тенденция к интерактивности, диалогизация текстов, тенденция к визуализации информации, инфографика.

Abstract. Interconnection, interpenetration, or convergence of journalistic genres, is the main process typical of traditional journalistic genres, which is altering their stylistic image. Journalists seek to provide a multifaceted view of complicated modern life, which makes media landscape particularly dense and heterogeneous. The article describes several tendencies which have changed the stylistic image of traditional newspaper genres – tendency towards interactivity, creolized structure, visual representation of information. The focus is on the main means of implementing these tendencies. Increased interactivity is provided by special means of information actualization, attracting and retaining the attention of the addressee; means of helping the addressee in text understanding; dialogization: integration of dialogical units in the monologue, question-answer units of different types, as well as interrogative sentences, rhetorical questions, colloquial constructions, etc. The tendency towards creolized structure is manifested in the fact that the print media, especially the mass media, have taken the track of information visualization. The verbal part of the text takes up less and less space of the printed issue. Much attention is given to the layout of materials and their fragments on the newspaper page. Infographics, such as diagrams, tables, drawings, collages, etc., is widely used. There are a lot of pictures. All these visual aids systematize the information transmitted, reduce the proportion of the verbal component of the text, make it more attractive to the reader, who is accustomed to receiving visually interesting information via the electronic media and the Internet.

Key words: interpenetration of genres, convergence, tendency towards interactivity, text dialogization, tendency towards information visualization, infographics.

Сведения об авторе: Кормилицына Маргарита Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного. Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: margarita-kormil@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3841-3647

About the author: Kormilitsyna Margarita Anatolievna, Doctor of Philology, Head of the Department of the Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language.

Place of employment: Saratov State University.
E-mail: margarita-kormil@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3841-3647

Введение

Облик современного коммуникативного пространства существенно изменили серьёзные перемены в жизни общества, обусловленные социально-психологическими факторами, а также новые технологии мгновенной передачи информации в интернет-общении, в том числе и на сайтах СМИ. В современной прессе трудно определить принадлежность текста к традиционно выделяемым в журналистике информационным, аналитическим или художественно-публицистическим жанрам. Нельзя сказать, что они исчезли совершенно, однако сильно видоизменили, порой до неузнаваемости, свой стилистический облик. Изменилось и количественное соотношение традиционных жанров. Гораздо реже, например, в современной прессе мы видим очерки, эссе, фельетоны. Зато очень много интервью, даже новостные материалы строятся с использованием этого жанра. О трудностях определения и разграничения газетных жанров писал в своих последних работах известный исследователь языка современной газеты Г. Я. Солганик: «Это сплетение, сплав репортажа, интервью, статьи, дающее многостороннюю картину события» [1: 209]. Взаимодействие, взаимопроникновение журналистских жанров можно считать одной из составляющих более широкого процесса стилистической контаминации, существенно изменившего современное коммуникативное пространство. Известная польская исследовательница М. Войтак, характеризуя медиадискурс, пишет: «Во многих аспектах он открыт к другим дискурсам, и он эти дискурсы впитывает, делая их объектом презентации, значит, также источником тематики, форм передачи и языковых средств» [2: 57]. Действительно, в средствах массовой коммуникации наблюдается некий сплав высокого и сниженного, официального и неофициального, устного и письменного общения. «Самое главное здесь – изменение взаимоотношений с читателем. Читатель стал ближе, СМИ подошли к читателю на более близкое расстояние» [3: 69]. Считается, что, если СМИ будут говорить на том же языке, что

и большинство в современном обществе, использовать те же правила общения, то тексты СМИ станут более понятными и доступными массовому адресату. В. Г. Костомаров в своей книге «Наш язык в действии» справедливо отмечал, что все эти как будто несопоставимые явления органичны для газетного текста, потому что позволяют журналисту реализовать генеральную стратегию всех СМИ – «любыми способами установить и продолжить устойчивую связь в среде общающихся, обеспечить протекание коммуникативного процесса» [4: 189].

Тенденция к интерактивности и средства её реализации в журналистских жанрах

Одна из важных тенденций, изменивших стилистический облик традиционных жанров СМИ, тенденция к интерактивности, объясняется стремлением журналистов к установлению обратной связи с массовым адресатом, их желанием преодолеть физическую разобщенность, дистантность получателя информации, которая неизбежна в письменном общении, обеспечить, если не содержательное, то технологически личностный контакт. В устном дискурсе имеет место вовлеченность говорящего и адресата в ситуацию, что позволяет говорящему мгновенно реагировать на реакцию адресата и процесс понимания им сказанного, то есть «в устной форме порождение и понимание происходит синхронизированно» [5: 4]. В письменном же дискурсе наблюдается отстраненность говорящего и адресата от передаваемой информации. А ведь непосредственный контакт очень значим для выполнения основной функции СМИ – воздействия на адресата. Интернет обладает техническими и технологическими возможностями установления непосредственного контакта с получателем. Пресса таких возможностей не имеет. Поэтому многие журналисты стремятся создать в своих публикациях эффект живого общения, доверительной беседы с читателем, используя для этого все возможности языка. Интерактивность становится одной из тенденций стилистических изменений практически во всех жанрах современной

прессе. Хороший журналист пытается установить с массовым адресатом партнерские отношения, учесть уровень культуры, знаний, социальный статус и другие качества читателя. Он стремится облегчить ему понимание замысла, стратегий и содержания продукта журналистской деятельности. Вовлекая адресата в совместную деятельность, а порой и принуждая его к этому, он включает его «в структуру своих знаний, значений и смыслов. Принцип аудитории заставляет медиа действовать как механизм “подгонки”, “настройки” различных текстов под параметры аудитории» [6: 193].

С целью привлечения и овладения вниманием массового адресата, максимального воздействия на него журналист вынужден много внимания уделять выстраиванию правильного, эффективного «реципиент-дизайна» (термин А. Мустайоки). Для этого он использует самые разнообразные тактики гармонизации общения, проявляя так называемую «языковую солидарность», подчеркивая, что автор и читатель принадлежат к одной социальной группе, специфика которой заключается в равноправии всех участников. Эффекта интерактивности он достигает, используя целый ряд риторических категорий и приёмов, в том числе категории разговорности и приёма внутренней диалогизации монологических текстов. Такими средствами создается впечатление живого общения. Думается, что в современных СМИ центральным жанром становится гипержанр *разговор* как инвариант многочисленных речевых форм [7]. В качестве примера можно привести фрагмент одной из рецензий Т. Москвиной в газете «Аргументы недели», выделив используемые ею средства интерактивности: *Герои «Демона революции» – Ленин и Парвус в исполнении Евгения Миронова и Фёдора Бондарчука. Они **частенько** остаются одни в кадре, мрачно-напряженно глядя друг на друга. Оба лысые, хитрые, с монотонной мимикой. **Кто из них чёрт? Может, оба?** Кругом **туча** отталкивающих персонажей. <...> **Для чего зрителю проводить время в компании неприятных людей? О, да. Есть ещё русская контрразведка, источник света и добра.** <...> **Что в результате? Одни провели других. А нам какое дело? Наше какое место среди бандитских разборок и денежных афер вековой давности?** (АН № 44, 9.11.2017).*

Линия «автор-адресат» становится важнейшей и определяет изменения в стилистическом облике журналистских текстов самых разных жанров. Журналист активно использует самые разнообразные языковые средства и приемы речевого воздействия, которые дают ему возможность не только быть понятым

аудиторией, но и создать впечатление полезности, жизненной важности своей публикации для каждого адресата, вовлечь его на своей стороне в «со-размышления» над поставленной проблемой особой интимно-доверительной манерой общения. Назовем некоторые способы реализации этой цели: отбор для обсуждения проблем, волнующих большую часть общества; особые заголовки-«загадки»; включение в текст разнообразных «ловушек внимания» читателя (В. Г. Костомаров); многочисленных метатекстовых средств, в том числе средств авторизации и адресации, смягчения категоричности и резкости оценок: *Но тогда почему Вы **не учуяли** запах свежей краски, не поинтересовались происхождением и дальнейшей судьбой медицинского оборудования? Накануне визита в школу там побывал Ваш помощник, который зафиксировал на камеру всю эту **штурмовщину**. Он доложил вам об обстановке?* (МК 15.09.2017). Автор статьи создаёт эффект прямого разговора с чиновником, подчёркивая диалогичность специальными речевыми средствами. Приведём ещё несколько примеров журналистских разговоров с читателем: *Проанализировав общий объём российско-американских культурных связей, **мы можем в сердцах сказать: «Обойдёмся без американских государственных денег!** А в том, что наши школьники или студенты не поедут учиться в США, тем более **нет никакой беды, что называется, целее будут!**»* (РГ 4.10.2017); *Казалось бы, выдвижение на выборы высшего уровня – дело не шоуменов и артистов. **И тогда при чем здесь Собчак и кто только придумал бредовую версию о том, что она выдвигалась Кремля?** Но если оглянуться на политическую историю последних лет, версия становится не такой уж бредовой* (МК 25.09.2017); *Можно, конечно, не поверить американцам. **Дескать, клеветают.** <...> И вот уже **всполошился наш собственный Росстат: растёт доля убыточных предприятий.** <...> Словом, **поговорить есть о чем. Но... серьёзного разговора не получается** (АиФ 2017, № 37). В приведённых примерах использованы средства диалогизации, разговорные лексемы и конструкции, жаргонизмы, инклюзивное «мы», реализующие стратегию солидаризации и близости к адресату. В. Костиков прямо называет жанр своей колонки разговором.*

В интернет-общении интерактивность обеспечена технологически и позволяет мгновенно откликаться на авторский текст комментарием. Он не всегда содержит только оценку прочитанного. Порой представляет собой созданный самим адресатом новый текст, развивающий авторскую тему, расширяющий, а иногда

и углубляющий её. Пресса, повторим ещё раз, не может технически и технологически обеспечить передачу мгновенной реакции читателей, но некоторые издания публикуют на своих страницах хорошие комментарии наиболее социально значимых тем (см. рубрику «Цензуры.Net» в «Российской газете», комментарии читателей в некоторых журналах, например, в «Огоньке»). Всё это приводит к тому, что адресат становится соавтором журналистского текста. Он уже не пассивный получатель информации, а активный участник коммуникации.

Тенденция к интерактивности реализуется в журналистском тексте использованием разнообразных конструкций диалогической речи: вопросно-ответных единств; многочисленных вопросов, обращенных и к читателю-единомышленнику, и к воображаемому оппоненту, и к самому себе; риторических вопросов (их примеры мы приводили выше). Автор при помощи всех этих средств создаёт эффект живого разговора с читателем. Часто авторский вопрос выполняет эмоционально-оценочную функцию, передает отношение к тем или иным общественно-политическим событиям. Нередко авторы используют прием нанизывания вопросов: задается целый ряд вопросов, близких к риторическим, предполагающих однозначный ответ, который не всегда вербализуется. Зато дается реакция-оценка предполагаемого ответа, что усиливает экспрессию текста: *Да, мы еще очень сильны человеческим капиталом. Но почему же тогда мы обеспечиваем менее 3% мирового ВВП? Почему на огромной территории проживает всего 2% населения Земли?* (АиФ 2014, № 32). Начинать диалогическое единство могут вопросы-размышления, как будто обращенные автором к самому себе, а на самом деле направленные на активизацию аналитической деятельности читателя. Автор предлагает адресату вместе поразмышлять над обсуждаемой проблемой.

Инициальные вопросы иногда содержат специальные средства прямого обращения к читателям, апелляции к его интеллекту, эмоциям. Частотны предложения с личными местоимениями, среди которых наиболее употребительным является инклюзивное *мы*, а также различные обращения к читателю, выполняющие, как в живом диалоге, функцию «социального поглаживания». Вот несколько примеров таких контактоустанавливающих конструкций: *Почему же мы, взрослые люди, так хорошо помним «былое и думы»?* (АиФ 2014, № 7); *Но мы живем в эпоху медиакратии, когда принятые в общественном мнении и СМИ образы правят миром. И наш образ, признаем честно, менее радужный* (МК 10.10. 2013); *Хочется, чтобы*

эти заметки были интерактивными. А что? Телевидению можно, а газете нет? Как это сделать? Да очень просто. Вот вы закончите эти заметки читать, подойдите к родному человеку и поцелуйте его. Или обнимите (РГ 10.11. 2014).

Используются в тексте и самые разнообразные конструкции согласия/несогласия. Хороший журналист старается выразить эти смыслы корректно, мягко. Это особенно важно при дистантном общении, потому что слишком категоричное, безапелляционное несогласие может оттолкнуть читателя и привести к сбоям в коммуникации. Эффективнее использовать средства так называемого «возражения под видом согласия», которые являются показателем стремления к сотрудничеству, к поискам точек соприкосновения во взглядах, смягчающим категоричность оценок и позволяющим избежать коммуникативных неудач: *Да, уже начали кое-что исправлять. Но всё время возникают моменты, которые отвлекают внимание государства от жизненно важного* (АиФ 2017, № 11).

Особую роль в реализации тенденции к интерактивности играют риторические вопросы. Основная их функция не запрос информации со стороны автора, а побуждение адресата к активной реакции на эту информацию. Они являются одним из ярких средств экспрессивного синтаксиса, не только придают аргументам большую убеждающую силу, но и вовлекают читателя в обсуждение проблемы, заставляя его вместе с автором задуматься над положением дел: *Кто же закроет рынок медицинских услуг на три с лишним триллиона рублей!?* (АН № 34, 10.09.2015); *И действительно, как так может быть, что в очень богатых странах, скажем в США, так много нищих?* (АиФ 2013, № 48).

Используются и короткие предложения, разговорные частицы и стереотипные разговорные метафоры и клише: *Да вроде бы и не весна на дворе...* (МК 10.08. 2013); *Сегодня почти все социальные «гостинцы» пообкусала инфляция* (АиФ 2014, № 50).

Проявлением тенденции к интерактивности является проникновение в печатные СМИ некоторых жанров неофициальной речи. Речь идет прежде всего о жанре «слухи». В целом ряде газет, в том числе в таких серьезных изданиях, как «Известия», «Российская газета», «Литературная газета», появились регулярные рубрики «Слухи, сенсации», «Говорят, что...».

Нередки в прессе конструкции без точного указания на источник информации, то есть по сути своей это тоже *слухи*, хотя и в форме информационного сообщения или ленты новостей. С этой целью используется особенно модное сейчас словечко *эксперты*: *В марте,*

прогнозируют эксперты «РГ», подорожание может ускориться. <...> Эксперты «РГ» напоминают, что в марте начнется поставка в розничную торговлю товаров, договоры на которые были заключены в ноябре прошлого года. <...> Правда, эксперты уверяют, что нарастающего тренда ожидать не стоит. Цены поднимут один раз, и торговля будет стараться держать их (РГ 2.03.2015).

Ещё одна стилистическая особенность языка современной прессы, свидетельствующая о тенденции к интерактивности текстов, – это их повышенная эмоциональность: «Денотативное пространство материала становится вторичным по отношению к его эмотивной составляющей. Эмоциональность, интересная интерпретация – главные критерии успешности текста» [8: 110]. Журналисты сознательно используют этот прием для экспрессивизации своих текстов, создавая эффект повышенной эмоциональной напряженности, усиливающей выразительность текста. Авторы прямо обращаются к чувствам читателя, пытаясь вызвать ответную реакцию, аналогичную своей, призывая читателя быть солидарным с авторской точкой зрения: *Политики нет. Есть зарплата, есть кнопка для голосования. Но кнопка эта у самих же голосующих вызывает тоску: ты нажимаешь, но в жизни ничего не происходит* (АиФ 2017, № 37); *Цена нефти забралась выше 60 долларов за баррель. Впервые за 2 года и 3 месяца. А рубль снизился. Как так?* (МК 31.10. 2017). В последнем примере эмоциональность усиливается с помощью речевого приёма экспрессивного синтаксиса – использования парцелированной конструкции.

Тенденция к интерактивности в современном журналистском тексте сопровождается усилением личного начала, персонализацией журналистского текста: авторское «я» скрепляет разнородные фрагменты текста и одновременно сглаживает стилистические различия, неизбежно возникающие при контактировании жанров:

После выдвигения Ксении Собчак в президенты выборы приобрели характер шоу. <...> Абсурдная реальность требует соответственного языка для описания. И тут вспоминаются перлы Виктора Черномырдина, который возглавлял правительство тоже в смутные времена. Его знаменитые «афоризмы» – родом из 90-х, но удивительно подходят для описания современной ситуации. Например, что сказал бы Черномырдин, увидев плеяду нынешних кандидатов в президенты? Вот цитата: «Это не политики, это ... Ну, не буду говорить. А то зарыдают все сразу». Разве можно выразиться точнее?.. (МК 15–22.11.2017).

Тенденция к визуализации информации

Ещё одна очень активная в последнее время тенденция изменений в стилистическом облике современных журналистских текстов – поликодовость, совмещение в журналистском тексте разных знаковых систем. Электронные СМИ, Интернет выработали у нас привычку получать красочную лаконичную информацию. Печатные СМИ, особенно самые массовые, пошли по пути визуализации информации. Например, обычно первая страница массового еженедельника АиФ фактически представляет собой рекламный анонс номера. Вербальная часть текстов занимает всё меньше места на полосе издания. Много внимания уделяется расположению материалов и их фрагментов на газетной полосе. В журналистском тексте широко используется инфографика: диаграммы, таблицы, рисунки, коллажи и пр. Очень много фотографий. Все эти визуальные средства воздействия, привлечения и удержания внимания адресата, конечно, облегчают ему понимание текста, систематизируют передаваемую информацию и сокращают объём вербально выраженного текста, делают его более привлекательным для читателя. Сами тексты членятся на фрагменты, каждый из которых озаглавляется. Заголовки разделов обычно броские, с использованием различных выразительных средств, часто интригующие. Например, статья в газете АиФ (2017, №44) имеет заголовок **Слепые поводыри**. Она разделена на три фрагмента: **На краю бездны, В плену фантазий, Отрезвление**. Кроме того, здесь есть и врезка: **В СТРАНЕ ЛИЛАСЬ КРОВЬ, А ОНИ РИСОВАЛИ ПИРЫ И ДАМ**. Как видим, здесь внимание читателя привлекает и использование разных шрифтов.

Эта тенденция к визуализации информации привела к увеличению доли и разнообразию графических средств воздействия: использование различных врезок, выделение слов полужирным шрифтом, подчеркивание наиболее значимых фрагментов текста, написание с прописных букв нарицательных имен, которые представляются автору важными, и пр. В журналах визуальная информация занимает ещё больше места. Она более качественная и яркая, привлекающая внимание потенциальных читателей.

Заключение

Таким образом, наше исследование показало, что основные тенденции, которые определяют изменения в стилистическом облике современной прессы, – это тенденции к интерактивности и визуализации информации. О существовании этих тенденций говорят многочисленные и разнообразные средства

и речевые приёмы, которыми пользуются журналисты при создании своих текстов. Изменения в стилистическом облике традиционных жанров сопровождаются взаимопроникновением, сплавом различных жанров, которые скрепляются ярко выраженной авторской позицией журналиста. Автор сообщает, о чем будет говорить, оценивает событие, интерпретирует его, размышляет над выбором тех или иных средств выражения своих мыслей. Традиционные журналистские жанры под влиянием современных технологий передачи информации не исчезают, а значительно, порой до неузнаваемости, видоизменяются.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Солганик Г. Я. Язык современных газет // *Стилистика сегодня и завтра: материалы конф. : в 2 ч. Ч. I. М. : Фак. журналистики МГУ, 2014. С. 206–217.*
2. Войтак М. О жанрах речи и их печатных конкретизациях // *Медиалингвистика. 2014. № 1(4). С. 53–62.*
3. Коньков В. И., Потсар А. Н., Сметанина С. И. Язык СМИ: современное состояние и тенденции развития // *Современная русская речь: состояние и функционирование. СПб. : Изд-во «Осипов», 2007. 272 с.*
4. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М. : Гардарики, 2005. 287 с.
5. Кибрик А. А. Модус, жанр и другие параметры классификации дискурсов // *Вопр. языкознания. 2009. № 2. С. 3–6.*
6. Полонский А. В. Современный массмедийный текст и его параметры // *Стилистика сегодня и завтра: материалы конф. : в 2 ч. Ч. I. М. : Фак. журналистики МГУ, 2014. С. 190–198.*
7. Седов К. Ф. Дискурс как суггестия. М. : Лабиринт, 2011. 336 с.
8. Николаева А. В. Особенности журналистского текста на современном этапе // *Труды кафедры стилистики русского языка. Вып. 4. Медиастилистика. М. : Фак. журналистики МГУ, 2013. С. 108–115.*

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Кормилицына М. А. Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе // *Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 67–72. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72*

REFERENCES

1. Solganik G. Ya. Yazyk sovremennykh gazet [Modern newspaper language]. *Stilistika segodnya i zavtra : materialy conf. : v 2 ch.* [Stylistics today and tomorrow : Conf. proc. : in 2 pt.], part I, Moscow, Fac. zhurnalistiki MGU, 2014, pp. 206–217 (in Russian).
2. Wojtak M. O zhanrah rechi i ih pechatnykh konkretizatsiyah [On speech genres and their printed substantiation]. *Medialingvistika* [Medialinguistics], 2014, no. 1, pp. 53–62 (in Russian).
3. Kon'kov V. I., Potsar A. N., Smetanin S. I. Yazyk SMI : sovremennoye sostoyaniye i tendentsii razvitiya [Media language : current state and development tendencies]. In: *Sovremennaya russkaya rech' : sostyaniye i funktsionirovaniye* [Modern Russian speech : its state and functioning]. St. Petersburg, Osipov Publ., 2007. 272 p. (in Russian).
4. Kostomarov V. G. *Nash yazyk v deistvii : ocherki sovremennoi russkoi stilistiki* [Our language in action : essays on modern Russian stylistics]. Moscow, Gardariki Publ., 2005. 287 p. (in Russian).
5. Kibrik A. A. Modus, zhanr i drugie parametry klassifikatsii diskursov [Mode, genre and other parameters of discourse classification]. *Voprosy yazykoznaniiya* [Topics in the study of language], 2009, no. 2, pp. 3–6 (in Russian).
6. Polonskiy A. V. Sovremenniy massmediyniy tekst i yego parametry [Modern mass media text and its parameters]. *Stilistika segodnya i zavtra : materialy conf. : v 2 ch.* [Stylistics today and tomorrow : Conf. proc. : in 2 pt. Part I], Moscow, Fac. zhurnalistiki MGU, 2014, pp. 190–198 (in Russian).
7. Sedov K. F. *Diskurs kak suggestiya* [Discourse as suggestion]. Moscow, Labirint Publ., 2011. 336 p. (in Russian).
8. Nikolayeva A. V. Osobennosti zhurnalistskogo teksta na sovremennom etape [Characteristics of the journalistic text in modern times]. *Trudy kafedry stilistiki russkogo yazyka. Вып. 4. Mediasstilistika* [Proceedings of the Chair of Stylistics of the Russian Language. Iss. 4. Mediastylistics]. Moscow, Fak. zhurnalistiki MGU, 2013, pp. 108–115 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 19.11.2017

For citation

Kormilitsyna M. A. Trends of Changes in the Stylistic Identity of Traditional Journalistic Genres in the Present Press. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 67–72. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-67-72.

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 811.161.1.38: 821.161.1-4
ББК 81.2Рус-5
DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-73-78

Е. В. Бузальская
Санкт-Петербург, Россия

Elena V. Buzalskaya
Saint Petersburg, Russia

МЕХАНИЗМ СТАНОВЛЕНИЯ МОДЕЛИ
СЛОЖНОГО РЕЧЕВОГО ЖАНРА
ПРИ ИНТЕРКУЛЬТУРНОМ
ЗАИМСТВОВАНИИ

THE MECHANISM OF FORMATION
OF THE COMPLEX SPEECH GENRE MODEL
IN AN INTERCULTURAL ADOPTION

Статья посвящена проблеме становления сложного речевого жанра в культуре в результате заимствования и трансформации иноязычной модели реализации базовой речевой стратегии жанра. Опираясь на исследования в области восприятия и порождения речи, автор анализирует процессы ассимиляции иноязычного канона жанра, в результате которых он приобретает национально-специфические черты и укореняется в новом для него лингвокультурном сообществе. Процесс жанровой интерференции (взаимодействия моделей не только разных жанров внутри одной культуры, но и жанров разных культур) и приводит к формированию пре-жанра – промежуточного результата построения отечественного аналога заимствованного речевого жанра, уточнение характеристик которого в итоге с большой долей вероятности приводит к появлению новой единицы в системе речевых жанров. Выделяемые стадии – от визуального копирования формы до приобретения жанром глубинных когнитивных оснований реализации – свидетельствуют о параллелизме действия психофизических механизмов восприятия и порождения речи на иностранном языке и этапов адаптации инокультурной модели речевого жанра, осложненных интерференцией. В качестве примера действия данных механизмов автор приводит траекторию становления жанра эссе в России в XX–XXI веках. Статья кратко затрагивает также ретроспекцию формирования сложного речевого жанра интернет-коммуникации – блога.

Ключевые слова: модель, сложный речевой жанр, эссе, интерференция, субжанр, пре-жанр, блог.

The article is devoted to a formation of a complex speech genre in the culture as a result of borrowing and transformation by changing the basic strategy of the speech genre. The author considers that the processes of assimilation of foreign-language model and the processes of perception and production of the speech are based on the similar principles. The parallelism of the mechanisms shows that the processes of shifts in the model of the genre are consequences of the interference (interaction of genre models not only within a single culture, but of genres from different backgrounds) that leads to the formation of pre-genre. The first unstable model of the assimilated genre needs to be verified in attempts of the different authors to follow the new pattern, which leads to the formation of a new unit in the national system of speech genres. Allocated stages of formation – from a simple copying of the foreign form to the usage of the national cognitive frameworks in realization – delineate the process of adaptation of the complex speech genre in another culture. As an example, the author gives the trajectory of the formation of the genre of the essay in Russia in XX–XXI centuries. The article briefly touches upon the retrospection of the formation a complex speech genre of the Internet blog.

Key words: model, complex speech genre, essay, interference, subgenre, pre-genre, blog.

Сведения об авторе: Бузальская Елена Валериановна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: helve@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8235-4862

About the author: Buzalskaya Elena Valerianovna, Associate Professor, Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Teaching it.

Place of employment: Saint Petersburg State University.

E-mail: helve@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-8235-4862

Введение

Речевой жанр в пространстве культуры является фактом культуры, знанием о котором обладают все носители языка. Культура детерминирована спецификой коллективного сознания – умозрительного ментального конструкта, сформированного обществом обобщенного нивелированного множества реакций, признанных базовыми для всех его членов. Иными словами, коллективное сознание – это «совокупность индивидуальных сознаний всех членов того или иного социума, включающая в себя все типические и исключительные чисто индивидуальные особенности» [1: 164]. В то же время сложный речевой жанр – это языковой знак, который в иерархии языковых знаков следует за синтаксическими конструкциями и текстом. Таким образом, конкретные воплощения сложного речевого жанра относимы к речи, а его общая модель – к системе языка (подобно тому, как предложение может анализироваться и как высказывание, и как типичная синтаксическая конструкция).

Понимая речевой жанр как комплексную лингвокогнитивную структуру, принятую социумом в качестве матрицы реализации речевой стратегии, обусловленную исторически и системно, можно предположить, что природа речевого жанра и порождающего его коллективного сознания сходны своей конвенциональностью и сводимой к модели обобщенностью частных проявлений. В связи с этим представляется возможным говорить о наличии общих механизмов – как на универсальном, так и на национально-специфическом уровне.

1. Универсальные законы заимствования языкового знака

Наиболее отчетливо общность механизмов проявляется в процессе заимствования языкового знака – при изучении иностранного языка и при адаптации в культуре иноязычного речевого жанра.

Исходя из исследований, проводимых в разных областях науки такими исследователями, как Л. С. Выготский, А. А. Леонтьев, А. Р. Лурия, Т. В. Ахутина, Н. И. Жинкин и др., процесс обогащения сознания новым фактом языка протекает в несколько этапов. Необходимо обобщенно представить всю систему для последующего ее сопоставления с процессом ассимиляции. Восприятие внешнего входящего языкового сигнала сопровождается процессом внутреннего проговаривания – первичного декодирования знака при помощи нахождения его соответствия эталону звучания/написания. Информация в оперативной памяти соотносится с соответствующей информацией в долговременной памяти. Механизмы внутренней речи запускают вторичное декодирование звукового облика слова: эталон знака, хранящийся в долговременной памяти, указывает на образ, хранящийся за линией УПК (Универсальный предметный код). Если это образ иной культуры, он в большинстве случаев не имеет четкого исчерпывающего соответствия определенному смыслу за исключением случаев координативного билингвизма. Уточнение смысла продолжается при помощи нахождения сходств и отличий образа иной культуры с образом (или несколькими образами при наличии лакуны) в родной (табл. 1).

Исследователями на примере изучения формирования фонетической базы замечено,

Таблица 1

Процессы и механизмы формирования образа знака на иностранном языке
Processes and mechanisms of a sign image formation in a foreign language

Системы	Рецепция	Продукция
Образы знаков родного языка	Соотнесение образа иной культуры с образом родной системы и утверждение смыслового содержания после нахождения сходств и отличий образов предметов, референциальных знаку	
Промежуточная система	Декодирование – референция образа слова с предметным образом иной культуры в том объеме понимания, который доступен (разная степень размытости, общей категоризации смысла)	Формирование гибридного знака с набором признаков, характерных для обеих систем и даже тех, которых нет ни в одной из них
Образы знаков иноязычной системы	Считывание артикуляторной программы при поиске соответствия акустического эталона образу знака	Композиционное, синтаксическое и моторное программирование
Системы внешних сигналов	Восприятие и декодирование (перевод знака во внутреннюю речь)	Артикуляция, интонирование, письмо, жестикуляция

что в процессе освоения новой системы под влиянием интерференции изначально формируются промежуточные, гибридные эталоны фонем, которые могут иметь не только отдельные характеристики обеих систем, но и совершенно новые. Такие фонемы получили название диафонем [2]. Многократно повторяющийся процесс сопоставления характеристик диафонемы и эталона изучаемой системы приводит к ее корректировке и построению идентичного эталона в сознании индивида. Аналогично данной последовательности происходит и формирование образов знаков разной сложности в сознании индивида.

Выявление общего и национально-специфического дополняет и завершает таким образом процесс рецепции инокультурного знака. При продукции процесс происходит в обратном порядке.

2. Закономерности формирования модели жанра

Все сказанное представляется релевантным для формирования нового жанра при его заимствовании из другой культуры, с той только разницей, что процессы, описанные для индивидуального сознания, будут протекать в коллективном сознании носителя языка, а результаты будут соотноситься не с общими закономерностями принятия фактов языка, а с национально-специфическими моделями реализации речевых стратегий (табл. 2).

При переводе произведений, модель жанра которых отсутствует в «принимающей» куль-

туре, механизм обнаружения лакуны приводит последовательно к тому, что в воспринимающей культуре возникает общее, неточное представление о новом жанре, в котором, наряду со случайными чертами, сосуществуют характеристики обеих систем.

Поскольку все процессы, происходящие в культуре, фиксированы эксплицитно в виде произведений, оказывается возможным проследить траекторию адаптации нового жанра. Наблюдения показывают, что есть два основных варианта формирования нового жанра: а) выбор наиболее близкого по характеристикам и интенции жанра, уже существующего в культуре, и его частичная трансформация; б) выбор иноязычного жанра в качестве основы и корректировка модели в связи с дополнением ее национальными характеристиками. Первый вариант чаще всего возможен в близких культурах, второй – в разноуровневых культурах. Под уровнем культурного развития здесь понимается степень освоения обществом определенных видов деятельности и поведения с учетом аксиологических доминант.

Таким образом, при формировании нового образа жанра и его основной модели есть временной промежуток, когда образ жанра еще не обрел национальную идентификацию, но уже не может считаться исходным. Представляется возможным назвать такую гибридную формацию *пре-жанром* (*pre-genre*) – промежуточным результатом действия интерференции.

Таблица 2

Процесс формирования образа и модели жанра
Process of formation of an image and a model of the genre

Объект рефлексии	Процессы заимствования	Процессы адаптации
Образ жанра в отечественной системе	Лакуна в системе жанров активирует процессы заполнения пробела – калькирования образа жанра и его структуры/ трансформации сходного жанра, имеющегося в культуре/или отрицания заполнения лакуны в связи с отсутствием потребности в жанре на ментальном уровне	
Промежуточный образ жанра	Соотнесение образа жанра с ментальным паттерном иной культуры в том объеме понимания, который доступен (разная степень размытости, общей категоризации смысла)	Формирование гибридного жанра, с неустойчивой структурой и нечетким общим пониманием его роли в культуре
Образ иноязычного жанра	Соотнесение структуры текста эталону образа жанра (определение жанра)	Заимствование архитектоники жанра, набора языковых средств и стратегий реализации интенции, появление прототипов
Визуальная модель жанра	Восприятие и декодирование текстов, принадлежащих к этому жанру	Распространение промежуточной модели, приводящее к появлению устойчивых вариантов, и, в результате, к новой изосемичной модели жанра – инварианту

Согласно распространённой концепции, интерференция речевых жанров обычно определяется как включение одного жанра в другой, исходный [3: 94, 4: 13–16], однако наблюдения за генезисом жанров показывают, что в данном случае интерференция проявляется не на формальном, а на когнитивном уровне: не только как внутрижанровый механизм (взаимодействие вариантов моделей одного жанра), но и как межжанровый. Межжанровая интерференция возникает на стыке двух самостоятельных жанров, что приводит к изменению стратегической установки жанра – процесс, который именуется жанровой переакцентуацией [5: 259] или наполнением текста новым прагматическим смыслом [3: 95]. Такая интерференция наблюдается, например, в «рекламных эссе», соединяющих в себе стратегии рекламной записи и эссе (об этой разновидности см.: [6: 113]).

Межжанровая интерференция является первым шагом на пути к формированию национально-ориентированного образа жанра вследствие появления интенционального сдвига в исходной заимствованной модели к интенциям близких жанров, уже существующих в культуре. Пре-жанр не имеет собственного узнаваемого инварианта (минимума системообразующих признаков [7: 37]), он также может не иметь канонического (закрепленного в коллективном сознании) прототипа – наиболее репрезентативного образца, «с которым у человека, носителя определённой культурной традиции, ассоциируется сама категория как таковая» [8: 90]. В связи с этим его поначалу невозможно признать устойчивой (повторяющейся) единицей системы речевых жанров.

3. История становления жанра эссе в русской культуре в XX веке

Становление жанра эссе в России пришлось на 1910–1920 гг. и было обусловлено готовностью общества воспринимать частные субъективные размышления писателей о литературе и современниках как значимые явления культуры. Основанием эссеистики в России стали не личные записи (как во Франции), не научно-философские и политические трактаты (как в Англии), не лингвистические статьи (как в Германии), а литературные портреты, очерки и эпистолярные дневники, которые в конце XIX – начале XX в. начали печатать в журналах, альманахах и сборниках. В России пре-жанр эссе возник как результат восприятия визуальной модели и структуры текста иноязычного жанра и оказался соотнесен с тремя отечественными жанрами, сходными по своей субъективной ориентации

с эссе. Начался период формирования гибридного жанра, с размытой структурой, акцентированной на стратегических целях трех жанров попеременно. Вследствие этого первые эссе, называемые авторами, помимо «эссе», также «лики», «отражения», «силуэты» казались как самим авторам, так и их современникам чем-то в высшей степени несерьезным и неупорядоченным [9: 176, 10: 2]. Данные характеристики бытия пре-жанра эссе до сих пор приводит некоторых исследователей к мысли о том, что подобные проявления представляют собой самостоятельные жанры (см., например, [11: 7]). Данные предположения представляются не вполне верными, так как жанр – результат работы коллективного сознания. Иными словами, необходимо, чтобы в манере «силуэтов» или «ликов» писали разные авторы на протяжении хотя бы нескольких десятков лет, и в согласии с определенным каноническим и моделью.

К 1920-м гг. пре-жанр эссе вступил в фазу активного варьирования – начался поиск инварианта. В связи с политическими событиями 1930-х гг., реализовывать оказалось возможным только тот вариант пре-жанра, который был интенционально базирован на публицистическом очерке, что отразилось, в частности, в словарных дефинициях, утвердивших синонимии эссе и очерка [12: 1434]. В то же время между ними существует огромная разница, так как 1) очерк посвящён общественной проблематике, эссе – лично значимой; 2) автор эссе может быть неточным, очерк всегда достоверен; 3) в очерке роль авторского «я» подчинена общественному «мы»; 4) очерк схватывает наиболее типичное, эссе сосредоточено на уникальном, оригинальном. Только в 1960-е гг. жанр получает возможность реализовывать субжанры: художественный и научно-публицистический.

Развитие системы субжанров, пусть и несколько заторможенное внешними причинами, свидетельствует о начале следующей фазы ассимиляции речевого жанра. На этом этапе происходит очередное сопоставление с исходной, иноязычной моделью, что напоминает вторичное инфуцирование. Для эссе этот процесс оказался усилен и осложнен одновременно в связи с введением в 1990-е гг. академического эссе – калькированной англоязычной модели, используемой для проверки знаний школьников и студентов.

В настоящее время можно говорить о том, что канон жанра эссе практически сформировался. Единственным субжанром, судьба которого до сих пор еще не определилась, является научное эссе: несмотря на все возрастающее число попыток реализовать данный вариант модели, в российской науке субъективизм, неполнота и импрессионизм не при-

знаются релевантными способами изложения научных доказательств.

Другим примером может служить жанр интернет-блога, который претерпел за последние 15 лет многочисленные трансформации: от жанра, близкого к личным дневниковым записям (www.lovejournal.com и русские аналоги, ориентированные на сравнительно небольшое число пользователей, как, например, www.diary.ru), к жанру мини-блога (www.twitter.com, который получил известность как сайт для самопрезентации политиков и звезд) и к современному варианту (www.facebook.com и его русский аналог www.vkontakte.ru), близкому по своей стратегии уже не к дневнику, а к новостным жанрам (быстрый обмен новостями заменил рефлексия автора над прошедшим днем или определенными событиями). Речевой жанр, представляющий собой систему личных страниц, авторы которых комментируют записи друг друга, менялся по мере изменения стиля мышления целевой аудитории. «Клипное», «визуальное» мышление современных пользователей привело к тому, что фото- и видеоматериалы вытеснили длинные тексты, появилась реклама, репосты статей из журналов и сайтов, съемка в реальном времени. Несмотря на изменчивость интернет-жанров, появление русской масштабной системы страниц с национально-специфическими чертами интерфейса (такими как, например, лимитированность опций, возможность бесплатного скачивания музыки и др.) свидетельствует о том, что становление русского интернет-блога вступило в свою завершающую стадию.

Заключение

Излагая тезисно результаты проведенного исследования, представляется возможным говорить о том, что

- 1) механизмы адаптации заимствованного речевого жанра коллективным сознанием сходны с механизмами, действующими в индивидуальном сознании при изучении иностранного языка;
- 2) интерференция (как межжанровая, так и внутрижанровая) сложных речевых жанров происходит не в самой культуре, не в системе речевых жанров, а в коллективном сознании;
- 3) ассимиляция нового речевого жанра – процесс обретения им национально-специфических черт в результате сдвига стратегической направленности жанра, что приводит к изменениям в номенклатуре речевых тактик и в структуре (для эссе, в частности, это проявляется в подборе специфических тактик аргументации: вместо строго логи-

ческих, принятых в западном варианте, используются тактики эмоционального влияния, приведения убеждающих примеров вплоть до отклонения от основной линии рефлексии);

- 4) в целом возможны два варианта обеспечения данного стратегического сдвига: а) путем опоры на формальные базовые характеристики близкого жанра, который есть в культуре на момент заимствования (в этом случае данный речевой жанр, сохраняя свою стратегическую установку, получает имя заимствованного жанра и его визуальное оформление на этапе формирования пре-жанра), и б) заимствованный жанр медленно эволюционирует, постепенно приобретая национально-специфические черты (в данном случае скорость изменений зависит от появления качественных образцов – прототипов);
- 5) можно выделить четыре стадии ассимиляции заимствованного речевого жанра: а) копирование структуры иноязычного жанра; б) понимание архитектоники жанра и его характерных черт (на этой стадии в некоторых случаях происходит отказ от ассимиляции инокультурного речевого жанра или одного из вариантов его реализации – одного из субжанров), поиск аналогов в родной культуре или возможностей смены интенциональной направленности; в) формирование пре-жанра; г) вхождение жанра в систему речевых жанров;
- 6) применительно к эссе и другим сложным речевым жанрам, имеющим субжанры в художественном и публицистическом пространстве, представляется верным следующее наблюдение: иноязычной моделью при ее появлении без ассимиляции пользуются в обучении; пре-жанровую модель постепенно модифицируют до появления национально-специфических черт публицисты и литераторы; укорененной в культуре моделью речевого жанра пользуются писатели; если поэты начали использовать модель этого жанра, можно с уверенностью утверждать, что он ментально ассимилирован принимающей культурой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. 349 с.
2. Любимова Н. А. Фонетическая интерференция и общение на неродном языке (экспериментальное исследование на материале финско-русского двуязычия): автореф. ... д-ра филол. наук. СПб., 1991. 375 с.

3. Третьякова Т. П., Масленникова А. А. Диалектика взаимодействия текстового жанра и авторской интенции // Диалектика текста: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. С. 91–111.

4. Зигманн Ж. В. Структура современного политического дискурса: речевые жанры и речевые стратегии: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2003. 24 с.

5. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

6. Чахоян Л. П., Штейнберг Н. А. Диалектика текстов малых форм (на материале книжных рекламных эссе) // Диалектика текста: в 2 т. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. С. 112–132.

7. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность: учеб. пособие. М.: Либроком, 2009. 248 с.

8. Касевич В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2004. 282 с.

9. Анненский И. Избранное / сост., вступ. ст. и комм. И. Подольской. М.: Правда, 1987. 592 с.

10. Чуковский К. О короткомыслии // Речь. 1907. № 170. 21 июля.

11. Алексеев А. А. Литературно-критическая эссеистика Ю. И. Айхенвальда «Силуэты русских писателей»: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 200 с.

12. Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова: в 4 т. М.: Сов. энцикл.; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940.

REFERENCES

1. Kornilov O. A. *Jazykovyye kartiny mira kak proizvodnyye natsional'nykh mentalitetov* [Language pictures of the world as derivatives of national mentality]. Moscow, CheRo Publ., 2003. 349 p. (in Russian).

2. Ljubimova N. A. *Foneticheskaja interferentsija i obshchenije na nerodnom jazyke (eksperimental'noje issledovanije na materiale finsko-russkogo dvujazychija)* [Phonetic interference and communication in a non-native language (experimental study on the material of the Finnish-Russian bilingualism)]. Thesis Diss. Doct. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 1991. 375 p. (in Russian).

3. Tret'yakova T. P., Maslennikova A. A. Dialektika vzaimodeystviya tekstovogo zhanra i avtorskoy intentsii [Dialectics of the interaction of the text genre and the author's intention]. In: *Dialektika teksta: v 2 t. T. 2* [Dialectics of a text: in 2 vol., vol. 2]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003, pp. 91–111 (in Russian).

4. Zigmann Zh. V. *Struktura sovremennogo politicheskogo diskursa: rechevyje zhanry i rechevyje strategii* [The structure of modern political discourse: speech genres and speech strategies]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2003. 24 p. (in Russian).

5. Bakhtin M. M. *Aestetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p. (in Russian).

6. Chakhoyan L. P., Shteynberg N. A. Dialektika tekstov malykh form (na materiale knizhnykh reklamnykh esse) [Dialectics of texts of small forms (on the material of book advertising essays)]. In: *Dialektika teksta: v 2 t. T. 2* [Dialectics of a text: in 2 vol., vol. 2]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003, pp. 112–132 (in Russian).

7. Chernyavskaya V. Ye. *Lingvistika teksta: polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the text: polycodeness, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow, Librokom Publ., 2009. 248 p. (in Russian).

8. Kasevich V. B. *Buddizm. Kartina mira. Jazyk. 2-e izd.* [Buddhism. Picture of the world. Language. 2nd ed.]. St. Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2004. 282 p. (in Russian).

9. Annenskij I. F. *Izbrannoje* [Selected]. Moscow, Pravda Publ., 1987. 592 p. (in Russian).

10. Chukovskij K. I. *O korotkomyslii* [About short-thinking], *Rech'* [Speech], 1907, no. 170, July 21. (in Russian).

11. Alekseyev A. A. *Literaturno-kriticheskaya esseistika Yu. I. Aykhenval'da "Siluety russkikh pisatelej"* [Literary-critical essays of Yuri I. Eichenwald "Silhouettes of Russian writers"]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Moscow, 2000. 200 p. (in Russian).

12. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vol.]. Moscow, Sov. encikl., OGIZ, Gos. izd-vo inostr. i nats. slov. Publ., 1935–1940 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 08.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бузальская Е. В. Механизм становления модели сложного речевого жанра при интеркультурном заимствовании // Жанры речи. 2018. № 1 (17). С. 73–78. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-73-78

For citation

Buzalskaya E. V. The Mechanism of Formation of the Complex Speech Genre Model in an Intercultural Adoption. *Speech Genres*, 2018, no. 1 (17), pp. 73–78. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-1-17-73-78.

ПАМЯТИ ПЕРВОГО РЕДАКТОРА ЖУРНАЛА «ЖАНРЫ РЕЧИ»

Валентин Евсеевич Гольдин
(1935–2017)

9 ноября 2017 г. умер Валентин Евсеевич Гольдин, доктор филологических наук, почётный профессор Саратовского университета, заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики, в течение многих лет руководивший этой кафедрой и остававшийся научным лидером кафедры до последнего дня.

Валентин Евсеевич Гольдин, безусловно, сделал больше всех для становления как саратовского жанроведения, очень уважаемого в России и за ее пределами, так и журнала/сборника «Жанры речи». Он был одним из тех немногих лингвистов-речеведов в России/СССР в 1980-е гг. (вместе с Т. В. Шмелевой, Т. В. Матвеевой, М. Ю. Федосюком, К. А. Долининым, К. Ф. Седовым и др.), которые первыми начали осмысливать работы М. М. Бахтина по жанрам речи, вышедшие в конце 1970-х гг. (прежде всего статью «Проблема речевых жанров»), Анны Вежбицкой (прежде всего статью «Genry towu», опубликованную в 1983 г. на польском языке), создавать на их основе новое направление изучения речи – теории речевых жанров/жанроведение/генристику. Уже с середины 1980-х гг. ряд речевых жанров начинает изучаться студентами и аспирантами Саратовского университета под руководством В. Е. Гольдина (например, дипломная работа Н. В. Дубосарь «Тексты диалектной речи: жанровый состав» была защищена еще в 1988 г.). Помню, что я пришел в спецсеминар В. Е. Гольдина в том же 1988-м и первым делом прочел упомянутые статьи Бахтина и Вежбицкой (знал польский) и диплом Дубосарь.

Валентин Евсеевич Гольдин внес существенный вклад в развитие теории речевых жанров – имею в виду, во-первых, теоретическое осмысление места речевого жанра среди различных типизированных коммуникативных явлений по отношению к речевым событиям и поступкам, во-вторых – разработку типологии сложных речевых событий.

Пик активности саратовских жанроведов связан именно с началом выхода первых выпусков единственного в России серийного тематического сборника (впоследствии международного журнала) «Жанры речи», специально посвященного проблеме речевых и коммуникативных жанров под редакцией В. Е. Гольдина.

Следует подчеркнуть, что Валентин Евсеевич был не просто первым редактором сборника, а его идейным вдохновителем. Во многом благодаря усилиям именно Валентина Евсеевича удалось собрать великолепный коллектив исследователей-единомышленников, настоящих «соратников по жанрам».

Журналу/сборнику «Жанры речи» в этом 2017 г., траурном для Валентина Евсеевича, исполняется 20 лет, этому юбилею была посвящена ноябрьская конференция «Жанры речи и “Жанры речи”» в Саратовском университете, материалы которой будут публиковаться (отчасти уже начали публиковаться) в номерах журнала.

В. Е. Гольдин был редактором первых трех выпусков сборника (1997, 1999, 2002), потом передал редактирование мне, но речежанровые идеи не оставляли его до конца жизни. Буквально за несколько месяцев до болезни и смерти Валентин Евсеевич подошел ко мне и сказал (помню, даже как-то робко!), что хотел бы написать *статью, посвященную словарной статье*, и «плотно» думает о ней. В этой самой «словарной статье вообще» (прежде всего имелись в виду статьи ассоциативного словаря, но далеко не только) он

выявлял значимые (и, как всегда у Валентина Евсеевича, нетривиальные) текстовые, композиционные закономерности – соблюдаемые при написании (т. е. при оформлении результатов лексикографического исследования), узнаваемые при прочтении (работе со словарной статьёй), воспроизводимые в лексикографической практике, делающие ее самым настоящим – и очень теоретически и практически важным – речевым жанром. Конечно, жанр словарной статьи чрезвычайно интересовал В. Е. Гольдина и в теоретическом, и практическом плане: как известно, ученый внес большой вклад в развитие русской ассоциативной лексикографии (под его руководством создана не имеющая аналогов электронная ба-

за данных ассоциативного словаря и издан 2-томный «Русский ассоциативный словарь: ассоциативные реакции школьников I–XI классов», содержащий уникальные данные о возрастной динамике вербально-ассоциативной сети современной молодежи). Статья о словарной статье как речевом жанре, несомненно, обогатила бы и жанроведение, и лексикографию. Очень жаль, что эту статью Валентина Евсеевича нам уже не суждено прочитать...

Мы, саратовские и российские жанроведы следующих поколений, всегда будем помнить Валентина Евсеевича Гольдина, будем благодарны ему и постараемся быть достойными продолжателями его речевых работ и идей.

В. В. Дементьев

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. Б. Крылова*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 25.12.2018.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.52 (10.25). Тираж 500. Цена свободная. Заказ 28-Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.